

(НЕ)ЛЮБИМЫЙ
ПРЕПОД

ДАНА БЛЭК

Он мой преподаватель, он мой начальник, он отец моего бывшего парня, и он хочет от меня избавиться.

Мне он тоже не нравится, но я будущий журналист — не в дверь, так в окно.

И все меня устраивало, пока я не влипла по уши в историю, что намертво связала нас.

Книга ранее выкладывалась под названием "Стой. ты мой"

В тексте есть: преподаватель и студентка, страстно, банда винни пуха

Ограничение: 18+

- [\(не\)любимый препод](#)

- [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
-

(не)любимый препод

Дана Блэк

Сворачиваю газету рулоном и иду на нее.

— Пожалуйста, — она пятится от меня, ее голос срывается на писк. — Там в статье все не так. Это не я. Выпейте таблетки, и мы поговорим. Вы слишком бешеный.

Я слишком бешеный? Пакость мелкая.

Срываюсь с места. Она толкает дверь и шмыгает на крыльцо. Несется по ступенькам. Навстречу поднимаются бабки, молниеносно делают выводы: "воровка, мужчина, ловите скорей, полиция-я-я".

Я ловлю. Почти у машины, хватаю за капюшон и толкаю животом на капот.

Женщин никогда не бью, но эта заслуживает порки, свернутым журналом от души прохаживаюсь ей по жопе. Она извивается, сапогами месит снег, я давлю на спину, удерживая на месте, она визжит:

— Отпустите!

Ее короткая куртка задирается вместе с футболкой. Упираюсь взглядом в голую поясницу с двумя ямками, покрытую светлым пушком волос. Выпирает позвоночник, хрупкие острые косточки, и кончается моя воля.

Спускаю ладонь ниже и веду по гладкой коже. Наваждение. Сжимаю второй рукой и грубо разворачиваю к себе. Она покраснела, волосы растрепались, глаза горят.

Моя студентка, чертова зараза, ныне целиком в моей власти, но не знаю, что с ней делать.

— Мне не нравятся ни старухи, ни малолетки, Кристина, — говорю по слогам. — Долго будете привлекать мое внимание подобной ересью?

— Ну все, — она со свистом выдыхает воздух. — Оба достали. И вы, и ваш стукач сыночек. Два пупа земли. Если вы еще раз...

Затыкаю ее. Как порыв, как аффект, как приступ, сам не думаю, вырывается так долго копившееся. Наклоняюсь, язык мазком по ее губам, полоска слюны на блестящей краске помады.

Моя ошибка. Моменталом сохраняется в память, доступ ограниченный, мне и ей, и больше никому. И больше никогда. Я спянул, ау, сценарист, вырежи это.

Поспешно отодвигаюсь. Она встает на носочки и сама прижимается к моему рту. Вползает вирусом и жрет настройки. Горячая и мягкая, очень сладко. Обнимаю, поднимаю за бедра и усаживаю на капот, она цепляется мне в воротник, и я наваливаюсь ближе. Пью медленно, как сок из трубочки, а ей не хватает моего языка. Осторожно скользит по нижней губе, пробирается в рот. Невыносимо, волком вой, сдаю позиции и углубляю поцелуй. Соединяемся, она мычит, меня уносит. Уже причиняю боль, а затормозить не могу, редко целуюсь, и моя жажда калечит ее сказку. Остро сознаю, что это грань, и если сунусь дальше, башню сорвет, поймею мозг нам обоим и трындец, но не отпущу.

Приехали.

"Почему собака виляет хвостом — потому, что она умнее хвоста. Если бы хвост был умнее, то он вилял бы собакой".

Звучит, как полная чушь. И это не я упражняюсь в красноречии, а реальная цитата из комедии, которую мы смотрим. Длительность фильма полтора часа, как и сама лекция "8 фильмов о медиа и журналистике".

Ня, мои любимые пары. Будто не на учебе сидишь, а в кинотеатре. Можно жевать жвачку и пить коку. И заниматься своими делами.

Почти идеально, если бы препод при этом не нудел:

— ... современное понятие фейк-ньюз и дезинформация. Проследите, как грамотно специалист инсценирует скандал.

На этих его словах видео подвисает — техника в институте пашет из рук вон плохо. Колесико на экране проектора крутится, мы пялимся в смазанный стоп-кадр.

— Александр Александрович, а фильм биографический? — рядом со мной Николь поправляет очки в широкой черной оправе. — Президент правда обжимался с девицей, и его застукали?

Алекс Александрович отрывается от крайне важного занятия — рассматривания наручных часов и поднимает голову.

Мы сидим близко. Я — потому, что у меня правда плохое зрение. А Николь...

Анонс на Николь: стекла в ее очках без диоптрий, светлые волосы в стрижке каре, в соцсетях её можно найти как "Николь Беркут".

Беркут — псевдоним, конечно. Некоторые педагоги охотно разрешают нам играть в журналистов. Но Николь моя соседка уже полтора года, сначала по комнате в общежитии, а летом мы сняли квартиру. Поэтому я в курсе ее секретика. Настоящее имя "Катя" она сменила официально, но с фамилией сей трюк не прокатил, шлепать ей в паспорт "Беркут" отказались, несмотря на крупную взятку в виде бутылки коньяка с тремя звездами и конфеток "птичье молоко".

Так вот по паспорту она — Попкова.

Николь Попкова.

По-моему, сильно. Загляденье сочетание. Чего ей не нравится? Главное ведь, что такое уже не забыть, как страшный сон.

— ... давление на медиа со стороны истеблишмента, — треплется препод. — И там в жанрах так же заявлена биография.

Огромной лапищей он отодвигает пластиковую папку на край стола. Николь натурально прикидывается беркутом, орлиным зрением отслеживает каждое движение этого альфа-самца.

Или ястреба, или коршуна, если по-пернатому. Видный хищник.

В общем, Алекс Александрович — птица не нашего полета. И он уже три месяца не может запомнить ФИО Николь. Каждую пару смотрит в список и спрашивает: Попкова, готовы сегодня?

А потом, словно опомнившись: ох, простите покорно, Николь Беркут?

Она скрипит зубами и кивает. И дальше бросает глазами искры в него.

Кроме Николь, по преподу, до состояния "кириешки", сохнут: Маша, Даша, Саша, Женя, Виктор, собаки, кошки, земляные черви, перечислять устала. Брутальная борода и немислимые татуировки классного мужского экземпляра косят всех напропалую.

Анонс на Алекса Александровича Аверина: лет сорок, разведен, голос с хрипом, как у певцов при расщеплении, и он носит лакированные ботинки. И сексуально курит. И под рубашкой грудь волосатая. И в койке он зверь.

И можно с три короба еще навоображать, да.

Громко втягиваю газировку из трубочки, и смотрю на Аверина. Он облакачивается на стол, угрожает презентациями, которые мы должны сделать, и дергает бороду — раз, два, три, четыре...

Он отворачивается, и я сбиваю счет.

— Смотрим внимательнее, — повторяет Алекс и неопределенно машет рукой, — на следующую пару от каждого жду письменную рецензию по фильму.

— Почему этот фильм, вообще, к прокату допустили? — вопрос из зала. — На пальцах ведь рассказывается, как извращается правда.

Алекс игнорирует. Садится на край стола. Не прям туфлями болтает в воздухе, а опирается задом, сложив ноги крестом. К аудитории вполоборота, поправляет чуть задравшиеся брюки, на щиколотке мелькает чёрный рисунок-тату, на его грубый профиль молятся по правый локоть от меня.

У Николь подбородок тонет в ладони и два серых сверла вместо глаз, в-ж-ж в Алекса. Она точит лясы с соседкой в стиле: сю-сю он зайка, да?

Сю-сю согласна с тобой — ответно льет сироп одnogруппница.

— Как можно взрослого, похожего на чокнутого байкера чувака называть зайкой? — не выдерживаю волнений над ухом.

— Почему нет? Запустить лапку к Алексу в штаны великая задача времен и народов, — бросает Николь. — Важнее красного диплома. Не ври, что сама не хочешь.

Смотрю на Аверина, он смотрит на часы.

Ноу, я не отрицаю его очевидную привлекательность и чувствую силу от него исходящую, она сродни гипнозу, еще бы, у него же глаза чернее ночи, кода нет луны и вырубил все фонари в окрестностях.

Но мы второкурсницы, а ему даже на выпускниц плевать.

Взаимно, мне в его беспросветных дебрях плутать некогда. Я занятой человек.

Одногруппницы томно вздыхают.

Я тоже, с тоской. Начало четвертого, а у нас только первая пара. А мне край, как срочно, на работу надоть.

Фильм идет, в аудитории гул — персонажам моют косточки. Активность на лекциях — жирный плюс в карму под названием "зачетная книжка".

Тайком забиваю в поисковике на планшете "Плутовство" и листаю отзывы на медиа-творение Барри Левинсона.

— Этот фильм политическая сатира, — громко высказываюсь, урвав чужую мысль. — И если так рассудить, то ведь в каждой шутке...

— Только доля шутки, — одобрительно заканчивает Аверин. — Верно подмечено.

Конечно, верно. Всегда срабатывает.

Двинем дальше.

На экране Дастин Хоффман жалуется Роберту Де Ниро на тяжелую долю продюссеров.

Пью колу, надуваю пузыри из жвачки и читаю комментарии.

— А ведь американцы часто прибегают к помощи киношников для решения своих проблем, — цепляю ходовую тему и запускаю живой спор среди одноклассников.

Дискус. Аверин только и успевает, что отбиваться от студенческих бла-бла.

Все. Я отметилась, миссия выполнена, и ближайшие минут двадцать могу уделить работе. Ха и хо, уровень хитрости — лиса из басни про ворону и сыр.

Пялюсь в планшет и пролистываю рабочий чат.

Ничего утешительного. А я надеялась на поддержку коллег, мол, учись, Кристин, хватит пропусков, иначе вылетишь прямо в главные институтские ворота, когда та старая ведьма из деканата будет метлой размахивать. Ну, правда, там бабулька сидит — вылитая колудница, такой лютый треш на голове, будто ее током шандарахнуло.

Ах, да, самое главное забыла.

Анонс на меня: я люблю анонсы. И чесать языком. Так что если хотите попасть под раздачу — бегом ко мне.

Просто мысленный монолог помогает оттачивать навыки для статей.

Гениально я придумала. И скоро стану крутейшим из журналистов, как Кристиан Аманпур, я, на секундочку, Кристина Абрамова, у нас даже инициалы схожи с этой великой женщиной, за которой больше всех следят мировые лидеры в твиттере.

Планшет вибрирует, вчитываюсь в буквы полученного сообщения и прощаюсь с улыбкой.

Ты на часы смотришь?! — строчит Линда, — твоя маршрутка уже должна сворачивать к остановке возле клуба. Живо сюда!

Маршрутка, может, и сворачивает. Только меня в ней нет. Как и у Линды чувства такта. Что за наезды на администратора от официантки?

Печатаю:

Я в центре. Яндекс говорит, что пробки в миллиард баллов. Приеду около девяти вечера.

Мою неконфликтность она не ценит, и шутку тоже, от нее приходит:

Ты накосячила и не всем клиентам инвайт отправила. Только что звонил постоянчик, думал, что на вечер все отменяется. Василина бесится, одна крутится, нас люлями угостила. Пиши щас, пока время есть.

Мда, ситуэйшн под заголовком "не было печали, но пришли черти и закачали".

Вчера Николь в конкурсе провалилась, где разыгрывали пластическую операцию на увеличение груди. Второе место заняла. И впала в истерику. Второе место — это не "ну так и быть, сделаем вам одну грудь", а "ты в полете, крошка". Сначала Николь рыдала в три ручья, а потом мы вместе кидали словесные тухлые яйца в фотку победительницы, у которой "скучная инстаграмная лента, и эта курица даже селфи нормальные сделать не может, Кристин, я ведь достойнее была, ты же видишь".

Ее слезы затопили мне мессенджеры, и я работу заперола походу.

Делаю сосредоточенное лицо и смотрю фильм. На экране агенты пытаются отвлечь внимание от эротического скандала вокруг президента и снимают видос про несуществующую войну в Албании.

Такс. На сайте с фильмом выхватываю глазами отзыв. Вякаю Аверину про манипуляцию общественным сознанием. Скромно потупившись, слушаю, как он хвалит меня

за наблюдательность.

Сенкс, крутая штука интернет.

Алекс дальше вещает про манипулятивные стратегии в цифровой среде, а я склоняюсь над планшетом.

Опять. Если на рабочем сайте нет активности аккаунта пять минут — пароль сбрасывается. У нас в клубе сверхбезопасность. Ибо клуб специфический.

Заново ввожу цифры.

Вылезает красная полоса главной страницы. В самом верху тикают часики, отсчет в секундах, как на бомбе: до вечеринки осталось пять часов, пятьдесят минут, сорок девять секунд. Сорок восемь, сорок семь...

Ниже белыми буквами призыв: вынырните из холодного декабря и окунитесь в горячую атмосферу Чикаго. Только в этот понедельник, секс-маскарад и эксклюзивные коктейли всю ночь до утра.

Теги: #клубхочутебя; #свингерпати; #сексбезкомплексов; #сексбеззапретов.

Сама писала.

Мечтаю сотрудничать с глянцем, это и круче, и приятнее, и с возможностями карьерного роста, но фиг мне. Пока я безвестный герой СМИшного пространства. И перед каждым понедельником для людей, которые любят секс, я сочиняю завлекалочки: "и в сауне, и в бассейне, в баре, в бильярде, на танцполе, на массаже — только ты и камасутра".

А за те деньги, что мне платят, в шоколаде и гости, и я.

Давлю ногтем экран и листаю список гостей.

В таблице пестрят галочки — почти все постоянчики сегодня в седле. Проверяю пустые клетки по списку контактов и захожу в переписки.

Улавливаю движение сбоку. Ко мне наклоняется Николь и шепчет:

— Дашь замшевые сапоги на вечер?

Начинается. Старые песни о главном.

— Ты собиралась собственные купить, наконец? — отвечаю недовольным вопросом, не отрываясь от планшета.

— Ау, второе декабря, — чеканит она. — Это тебе родители золотые горы переводят. А мне еще за квартиру платить.

Мы живем в трешке с евроремонтом, в хорошем районе, и родители мне столько денег не высылают, плачу своими, кровью выстраданными, но если откажу, то меня ждет концерт по заявкам "Кристина-а-а, ты жадиана-а-а..."

Киваю:

— Бери. Но если каблучки опять свернешь — неси в ремонт.

— Я в прошлый раз отремонтировала! — она возмущается.

— Сама? — подхватываю тон. — На них стоять было невозможно, ноги выкручивало. И стельки изодрала. А там мех натуральный.

— Ой, до смерти мне напоминать будешь? Отдам я тебе деньги. Потом.

— С первой пенсии, — подсказываю. Держу палец над текстом и замираю. Перечитываю последнюю строчку с приглашением и не верю глазам.

Понедельник день тяжелый, но, клянусь, у нас ты не захочешь срать...

Что?

Спать, предатель Т9.

Вспоминаю странные входящие, типа "да у вас вроде неплохо кормят и не так страшно,

чтобы бежать в туалет" и хихикаю, только теперь доходит смысл.

А следом понимаю, что мне влетит.

Клиенты вряд ли настучат, просто опечатка. Но если кто-то из наших клубных змей зайдет почитать переписки, то в очередной раз раздуют из мухи слона. Старшая админ заведет шарманку "ты знаешь, сколько человек рвутся на твое место? Уже простую замануху в несколько строчек не в состоянии проверить на грамотность?" Она и так косится, считает, что я из-за учебы плохо справляюсь с обязанностями. Я и на сайте должна постоянно торчать, как онлайн-консультант, что у меня не всегда выходит. И на работу являться вовремя, что тоже мимо. Меня и держат-то пока лишь потому, что я креативлю, когда продюсируем вечеринки. У них глаз замылился, столько лет крутятся в этой сфере.

А я свежий пот. Который ведрами с меня польется, едва порог клуба переступлю.

Во всем виновата Николь. Если бы она не лезла ко мне вчера со своими дурацкими конкурсами...

Со злостью, со всей силы пихаю ее локтем.

— Ай! — она вскрикивает и с удивлением поворачивается. — Аккуратнее нельзя?!

— Нельзя! — рывкаю. — И сапоги тоже! И платье! И, вообще, я переезжаю!

— Сапоги нельзя? — выпадает она в осадок. — И платья? Ты больная?!

— Девушки, вы по теме так громко рефлекслируете али личное? — вклинивается Аверин. Деловня, как обычно, что-то суперважное объяснял, а мы имели наглость мешать ему, и теперь он сверкает в нас недоброй ухмылкой. При закрытых жалюзи и выключенном свете, в синих отблесках растянутого экрана, у него из бороды словно торчат клыки. Устрашающе, в подобном контексте и я уверую, что в кровати он оборотень — "Сумерки. Нахальный плагиат из России с любовью".

Николь молчит.

Он ждет ответ.

С экрана звучит смех персонажей двадцатидвухлетней давности, а реальная аудитория в тишине, как на погосте, рассчитывают на панихиду.

— Мы по теме. Поражаемся, почему такой полезный фильм такой смешной, — ляпаю, прервав паузу. Тянусь к красному высокому стакану с газировкой.

— Да? И что вас насмешило?

Пялюсь в экран, но можно не стараться, пока я отвлекалась суть ускользнула, и щас там сцена, где под торжественную музыку несут гроб, обтянутый флагом.

В тему. И комментарии не подглядеть, засада.

— Ну...Дастин Хоффман смешной. Вспомнила, как он переодевался женщиной в другой старой комедии, — мямлю.

Зря я это.

Аверин смотрит на меня несколько долгих секунд, как на идиотку. Переводит взгляд на часы. Говорит:

— Кристина, ваши любимые фильмы обсуждать времени нет, к сожалению. Осталось пять минут, у кого какие мысли? Желательно, не оффтоп.

Он садится за стол.

Я торопливо листаю отзывы на фильм.

Кто за язык тянул? Алекс строгий и не выносит глупость, и все мои предыдущие блестящие ответы он уже закопал в том гробу. Шопен, у меня горе, мне срочно нужен

"Траурный марш", чтобы заглушить рыдания.

— Спасти мир нельзя, но можно попытаться, — говорит на экране Хоффман.

В поддержку мне. Точно, рано лапки поднимать. Вот неплохое мнение: " фильм о цинизме. Одна неправильная идеология меняется на другую, с ее помощью разрушаются государства..."

Подходит.

Откашливаюсь. Делаю большой глоток кока-колы.

— Короче, кино о цинизме, — доносится голос с заднего ряда. — Одна идеология меняется на другую, а потом разрушаются целые государства.

Давлюсь газировкой.

— Егор? Вы решили к нам присоединиться? — Аверин аж привстает на стуле. — Мне казалось, вы спите.

— Вам казалось, — за спиной Егор громко зевает и продолжает с ленцой. — Я в инете лазил, читал комменты на фильм. Захотелось поделиться. А что? Абрамова всю лекцию только этим и занимается. Крис, ну слово в слово шлепаешь с чужих отзывов. Фантазия своя по нулям?

Во мне умирает дыхание. И репутация. И саму меня пора хоронить, ибо зачёт я теперь точно не сдам.

Алекс молчит. Отрешенно дергает бороду. На автомате считаю движения: один, два, три, четыре...

Козлина Егор.

Сжимаю в руке стаканчик и оборачиваюсь. Между нами пять рядов, из них четыре пустых — заскок Аверина, студентам можно занимать только два первых и два последних, а в середине сидеть нельзя. Щурюсь. Темно, но все равно вижу насмешку, с которой парень изучает мое перекошенное лицо.

Анонс: Аверин Егор Александрович, сын препода и зарвавшийся мажор. И он терпеть меня не может. Но так открыто не гадил еще.

— Как крыса себя ведешь, — цежу.

— Наоборот, одолжение делаю. Крис, нельзя жить чужим умом, — он показательно стучит по корпусу планшета. — Иначе останешься тупой, как пластмасса.

Остальные хихикают. Серая армия почитателей, "лишь бы примазаться, а смешно или нет — дело десятое". Даже Николь хрюкнула.

— Твоя забота границ не видит, — цокаю. — Это из-за лета, да? Все никак не отстанешь?

В его самодовольную улыбку мой вопрос вдыхает зло. Оно захватывает еще и глаза, разгорается. Когда так смотрит — будто готов молотком тебя стукнуть — похож на отца. Он открывает рот.

Его голос тонет в пронзительной трели звонка. Партия. Ха.

Закидываю сумку на плечо, выхожу из аудитории и читаю сообщение от Линды:

Ты едешь или нет? Василина тебя ждет.

Пусть сама напишет, что надо, — отбиваю ответ. — *Я же договаривалась с ней, что днем не смогу.*

Так форс-мажор, сегодня всё по высшему разряду надо, — Линда шлет улыбающийся смайлик. — *Хозяин придет.*

Хозяин? — тоже ржу желтыми кругляшами. — *Это кто? Любитель дисциплины и*

связываний?

Это хозяин клуба, — припечатывает. — Ты же с сентября работаешь, а он последний раз в августе был. Зверски строгий. Мы-то все устоявшийся коллектив, а ты новенькая. Если ему не понравится что-то — первая пойдешь лесом. Ну что? Все еще занята?

Кошка сдохла, хвост облез, кто слово скажет — тот её и съест.

— Александр Александрович, можно звук добавить? — спрашивает девушка с первого ряда.

Кошка ваша, Зарипова. Приятного аппетита.

Беру пульт, увеличиваю громкость.

За прошедшие полтора часа прибить студентов хотелось три раза. Если бы не Егор, никогда бы не пошёл преподавать. Атмосфера кошмара, эти дети сводят с ума. Долго думают, глупо хихикают. Тайком меня фоткают. Ну, дамы, в основном.

Тридцать девять лет — не старость, но между нами пропасть минимум в пятьдесят единиц по айкью. Они до сих пор пижут на столах. Не "саша дурак" и подобное, а "новости — наша профессия", "новость живет пока вокруг нее растут слухи", они пачкают синей и черной пастой кремовое покрытие, и ради чего?

Очередной вопрос из зала активизирует желание ушатать малолеток. Раз, два, три, четыре — тереблю бороду. Ощупываю жёсткие волосы. Парикмахер из "Биг Босс" опять в шоке будет, у меня на лице мочалка.

Автоматически отвечаю:

— Нет, конечно, войны на самом деле не было. Это пример фейк-нюз, крайне наглядный.

Смотрю на подвижной проекционный экран.

Производитель обещал повышенную яркость и угол обзора до ста двадцати градусов. Безбожно врал. Если не выключать свет в зале, изображение совсем бледное. Впрочем, я только за. Имбирь, хрен и васаби клал я на эти полнометражки, всю осень Спилберг, Маккарти и Макдональд мутят мои сны.

На планшете листаю ленту комментариев к фильму.

Если какой-нибудь умник вздумает хоть фразу отсюда взять — шлепну на месте. Хитрая задница Абрамова, не хочет учиться, так ее не держат, будто это мне надо, вдалбливать ей в голову азы медиа. И не дура ведь, нормально соображает, зачем все испортила и смухлевала? Такой образ накрылся.

Разочарован навсегда.

Смотрю на часы. Эксклюзив с эмблемой льва — платина, бриллианты, функция прыгающего часа и еще всякие приبلуды. Остаток былой роскоши. Пять вечера — раньше в это время я удобно полулежал на диванчике в ресторане с отличной кухней от народов балканского полуострова, пил ром и заключал сделки.

А теперь обсуждаю нацинтересы, проблемы качества, суть журналисткой работы, короче ерунду. И раз, два, три, четыре — дергаю бороду.

Спокойно, спокойно по волнам, у меня есть цель: я хочу наладить отношения с ребенком. Правда, три месяца уже улетели псу под хвост, тому самому, который виляет собакой.

Но я в режиме ожидания. Айн момент. А знаешь, все еще будет. Правильные вещи поет Кристина. Обракайте.

В перерыве спускаюсь на первый этаж за кофе.

Паркет "ёлочка", двери-двери, лестницы, студенты, коллеги, всем рахмат за внимание — киваю направо-налево. Взгляд цепляется за волнистые темно-русые волосы.

А-а-а, врунья.

Сидит на лавке, возле автомата, положив ногу на ногу. Потертые черные слаксы и черная футболка с надписью " Shut the fuck up " — в мире нет вещей более странных, чем подростковые шмотки. Во веки веков не допру, зачем они выражаются черт знает как. Сплошная эклектика, при такой-то внешности.

Она дует на стаканчик с кофе. Над губой пикантная родинка. Матовая темная помада.

Красивая девочка. Но я за шоколадные глазки оценки не ставлю.

Давлю кнопки, забираю стакан с ореховой кофейной бурдой. Плюхаюсь рядом и заглядываю в экран. Успеваю прочитать "да, знакомства для секса, разумеется".

Вот это поворот.

Она дергается.

Мой стакан наклоняется, и кипяток льется на брюки. На черную классику от Хуго Фердинанда Босса, но мне не жаль. Поднимаю бровь и смотрю на нее внимательнее.

А дитё-то порочное.

Хмыкаю.

Теперь ясно. Где уж время на учебу найти, коли приспичило трусики снять.

— Это не то, что вы подумали, — распутница резво вскакивает на ноги, будто я ее ошпарил, а не себя. Она ставит кофе на лавку — ага, пить расхотелось. Торопливо толкает планшет в висящую на локте сумку.

— Ну что вы, Абрамова, это ваше личное дело, — тоже встаю, достаю из нагрудного кармана платок и тру брюки. — Хоть до знакомства, хоть после, занимайтесь чем хотите. Я по другому вопросу подошел.

Она топчется на месте, с горящим лицом. Закуток у автомата освещается слабо, лампа над нами дает отблески, и ее глаза похожи на конфеты с вишней. И зачем ей нужны сомнительные чаты с извращенцами, неужто в реале не с кем перепихнуться? Абсурд, невероятно.

— Вы правы, Александр Александрович, мое дело, — она задирает подбородок. — И совать нос в чужие переписки некрасиво по меньшей мере.

— Ну простите, — прячу улыбку за плотком кофе. — Предположил, что вам стыдно за лекцию и вы просматриваете учебный материал. Собственно, это и хотел сказать. Если вам интересно получить зачет, то к следующему семинару подготовьте презентацию. Не по фильму. Разработайте свою собственную манипулятивную стратегию. Убедительную, чтобы я поверил.

Она моргает. Встряхивает волосами. Уточняет:

— Вы шутите?

— Разумеется, нет.

— За неделю я не успею.

— Успеете, если захотите, — убираю смятый платок в брюки. — Если будете работать. А не заниматься тем непотребством, в которое я сунул нос, — подкол вылетает сам собой.

Не глядя на нее больше, поднимаюсь наверх.

Налажал. Хуже нет ада — когда в тебе видят школьного учителя с дурацкими присказками "накраситься не забыла, а учишься на двойки". Фу. У нас тут совсем другая политика, воспитывать чужих детей нафиг не уперлось, но сударыня огорчила второй раз за

день. А казалась таким одуваном — дунь и полетел белый пух.

В аудитории пока никого нет. Запираюсь. Дверь отрезает беспокойный гул коридора и в уши загружается доза тишины, о, бесподобно. Основные занятия идут утром и днем, а щас половина малолетних придурков мажут лыжи до дома. Прощайте, друзья.

Сажусь за стол, отпиваю кофе, морщусь — невкусно, звоню Маше.

— Аллоу, — после напряженных гудков тянется ее голос в динамике. Моя музыка. — Саш, ты? Давай кратко, мне некогда.

- Ты поговорила с Егором на счет моего предложения? — верчусь в кресле.

— Да. Он не хочет.

— И все? — усмехаюсь. — Весь твой ответ?

Толкаю палец между пластинами жалюзи и выглядываю в окно. На улице снежно-темно, снег валит с черного неба и пляшет в оранжевом свете фонарей, дворник скребет лопатой, расчищая дорожки. Красота, как на открытке.

И тут какой-то болван, дрифтуя, стартует с парковки.

Ох, как же они меня бесят.

— А что еще? — недовольно переспрашивает Маша. — Я спросила, он ответил. Я предложила подумать, он отказался.

— Ты сама не хочешь, чтобы он со мной ехал, да, дорогая? — ладонь потеет, перехватываю телефон другой рукой. — Так и продолжаешь сына против меня настраивать?

— Милый, у тебя опять паранойя, — по интонации представляю, как она закатывает глаза. — Просто Егор умный парень, и его твои заскоки заколебали.

— Понял, — вернусь еще к этому. — Может, увидимся завтра? — меняю тему. — У меня два выходных.

— Зачем?

— Соскучился.

— Саш, — она делает паузу. А у меня мотор долбит быстрее. Она вздыхает. У меня выступает пот на лбу. Она говорит, — Полгода. Полгода, как мы развелись, ты зря надеешься. Извини, мне пора. Пока.

Она сбрасывает. Сжимаю сотку до треска чехла. Гнев сходит лавиной, на сверхскорости и хана рассудку, готов прыгнуть в тачку, приехать и задушить и ее, и Егора, а после мыло и веревку, и следом за ними.

Никаких больше уступок, я всё. Злой и страшный серый волк, ну-ка, отойди в сторонку, покури.

За дверью смех и ор, ручка громко шелкает, ходит вверх-вниз.

Торопливо шарю по карманам, достаю пузырек. Руки трясутся, тремор, словно я древний старик с Паркинсоном. Выщелкиваю капсулу в рот. Грызу таблетку, горько, аж передергивает, заливаю следом кофе, и пока коктейль смешивается в крови, меня клинит.

Тихо, тихо, черт подери, ти-и-хо-о. Давай, волшебное снадобье, в темпе, действуй уже.

Звенит звонок на пару. К Паркинсону добавилась порализованность, не встаю. Жду, пока закрученные пружинами нервы прекратят трёпку. Хватит, я и так в клочья.

Еще минута, и выползаю из-за стола. Студенты вваливаются в зал, я красуюсь лицом цвета асфальта.

По третьему кругу пускаю "Плутовство".

Игнорирую вопросы. Молокососы не лезут по причине "иногда этот чувак не в себе, он у вас на парах тоже виснет?", сам слышал, как кучка м-м-мудрецов трепались в туалете. Что

только добавляет мне рейтинга, интрига. Они хотят постичь тайну.

А я хочу десять часов вечера.

Закидываюсь еще одной таблеткой. Захожу на сайт клуба и прошу администратора выслать мне список гостей-женщин. Василина говорила, что новенькую взяли, любопытно глянуть, но на аватарке маячит медийная корреспондентка.

Она не отвечает. Я дергаю бороду, смотрю на часы, заученно твержу студентам медиа-истины, в параллель просматриваю сайт.

Жду пять минут. Десять.

Вот это нахальство. Ник "Хозяин" ей ни о чем не говорит? И что за погоняло: Кристиан Аманпур? Линда, Памела, Анфиса Чехова — девочки хотя бы ближе к теме берут имена, с уклоном в специфику. Кристиан — кого возбуждают ассоциации с британской телеведущей-пенсионеркой?

Сообщение от бабушки приходит через пятнадцать минут. Спринтерская скорость, победила голубиную почту. Гонщица Царевна.

Файл с гостями не открываю, печатаю:

Почему так долго отвечаете, Кристиан? Вы на работе?

Извините, еще нет. У меня были неотложные дела, — заявляет. — Но я уже еду.

Какие дела, можно узнать? Вели эфир на Си Эн Эн?

Увы, нет. Личное.

И как часто вы отлучаетесь по личному в рабочее время?

Бывает, но это не отражается на продуктивности нашего сотрудничества.

Почему вы так думаете? Что отражается, а что нет, решать мне. А ваше дело качественно выполнять работу, за которую я плачу.

Она молчит.

Правильно, вот и молчи. Дура. Понаберут по объявлению. Зря клуб забросил.

Пролистываю полученный текст. Много знакомых, с кем летом отжигали. Те ночи в дыму фрагментами всплывают в мозгах, и я гоню мысли, слишком рано для эрекции, лежать дружок, жди.

Завершаем учебную мутотень в половину восьмого.

На улице вдыхаю свежий морозный воздух, поднимаю воротник пальто. Подхожу к машине и заливаю в замок литры силиконовой смазки.

Синий культовый родстер ягуар "и-тайп" с откидным верхом в сезон сугробов и метели смотрится летающей тарелкой. Плевать, в Санкт-Мориц в Швейцарии проводят ежегодные зимние ралли винтажных автомобилей, так и мы в России тоже могём.

Справившись с замками морожу зад внутри.

В салоне скребок для льда, плед, лопата с телескопической ручкой и вазелин для оконных и дверных уплотнителей — стандартный набор вроде аптечки.

Фломастером отчеркиваю на сигарете отметку. Щелкаю зажигалкой.

По пути, как обычно, у водил глаза на лбу. Кажусь чокнутым психопатом-убийцей, медленно-медленно растягиваю смерть иконы британской автомобильной индустрии.

Мужики, я наносил слой защитного покрытия, но не канает, это не изи-пизи, лимон сквизи. Ржавчина на крыше, коррозия кузова — моему коняшке плохо, он болеет и умирает, я все вижу, но не могу отправить его в госпиталь. На реставрацию, наверное, уйдет еще больше бабла, чем стоимость самого яги, а у меня пока нет средств.

Напрягает эта тема до одури. Но выгода гнева в его ликвидусе, он горяч, как солнце,

спасибо ярости я жив, хотя она же и раскатала в лепёху мою семью. Парадокс тянет на трехкратное ура.

Паркуюсь в подземном гараже, дальше через тамбур в коридор, и вуаля, мой еще один дом.

— Александр Александрович, — бросается навстречу верная Василина. — Вы приехали! Как я рада вас видеть! В бар? Хотите ром?

— Ром, но в душ, — говорю, не замедляя шаг. Иду к лестнице, она подскакивает рядом. — Что у нас сегодня?

— Стиль Чикаго, — торопливо объясняет админ. — Принести вам костюмы?

— Не знаю. Нет пока, — поднимаюсь на второй этаж. — У вас все готово? Новенькая что делает?

— Новый администратор? Она еще не приехала.

На ходу листаю телефонную книгу. Резко останавливаюсь, Василина бьется лбом в мое плечо.

— То есть как не приехала? — кажется, я ослышался.

— Вот так, — админ поправляет съехавшую с головы повязку с разлохмаченным торчащим пером. — Сказала, что будет в девять вечера. А щас половина.

— А, ну ладно, пусть не торопится, — киваю. Смотрю ей в глаза.

Зеленую радужку быстро заполняют расширенные в испуге зрачки — неужели, действует, не все еще страх растеряли. А то переживать начал.

Василина закрывается папкой, как щитом, и отступает, запинаясь на ступеньках. Выдавливает:

— Александр Александрович, что-то не так? Я думала новенькая на особом положении, поэтому сильно не придираюсь.

— С какой стати? — машинально делаю шаг к ней.

— Ну ее же вас сын привел сюда, Егор. Сказал знакомая его, работа ей нужна, — тараторит она и пятится от меня.

Стоп машина. Держусь за перила и держу лицо. Показывать подчиненным эмоции — провальная фигня, соберись. Сухо спрашиваю:

— А Егор по каким дням сюда таскается?

— На вечеринки по понедельникам я не пускала его, как вы сказали, — успокаивает она. — И так тоже давно его не было.

— А девушку как зовут? Лет сколько?

— Александр Александрович, надо по бумагам посмотреть. Мы же все тут под псевдонимами, я так и не вспомню.

— Ладно. Потом, — иду наверх.

Греюсь. Ну что за мелкий гаденьш Егор. Лезу вон из шкуры, чтобы вернуть с ним контакт. Мириться, значит, не хочет, а устраивать через меня жизнь своим телкам — пожалуйста. От всей души верю, что ему хватило ума, и баба эта не из института, иначе обоим уши оторву.

Ополаскиваюсь, переодеваюсь в другой костюм, сразу цепляю маскарадную маску на глаза, и иду вниз. Вместо отдыха включаюсь в работу, гоняю всех и докапываюсь до всего, я ужасный начальник, люблю накаливать чувачков. Егоровской протезе так и нет, да и черт с ней, приедет и сразу уволю.

Обстановка расслабляет по чуть-чуть.

В свете современных шарообразных люстр с синими агатами все вокруг тоже синее. Клуб-карикатура на аквариум с метиленовым красителем, Аква-Дом для порока.

Вкус у меня отменный. Самого себя хвалить приятно, да.

К началу одиннадцатого подтягиваются гости. Сажу в углу бара, пью стакан за стаканом и присматриваю любимую женщину на ближайший час. Уже начался маскарад, но я слишком нетерпелив, чтобы шоу выдержать.

Замечаю ее. Блондинка с большой грудью и стройными ходулями — вот это мне вкусно. Тороплюсь к ней, пока не перехватили, и почти сбиваю кого-то с ног. В воздух взметаются темные волосы, завязанные в хвост. Удерживаю девушку за локоть, не даю упасть. Разворачиваю к себе, спрашиваю:

— Не ушиблись?

Она не в платье, не в ритме Чикаго. В черной маске с блестками, в черной футболке с надписью " Shut the fuck up " (что-то знакомое?), касается губ зажатой в руке рацией, а на бейджике...

Ну конечно, Кристиан, прелесть моя. Явилась, наконец.

Опа.

Здратье, Алекс, кусок черной тряпки на глазах вас не спасет.

Та же зачесанная назад шевелюра, на которую он ежедневно вытряхивает банку геля, будто итальянский мафиози, и те же лапы в тагухах, которые он убирает с моей футболки, когда я вздрагиваю.

Тупо пялюсь на его зеленый браслет. У нас на сейшенах всё, как на светофоре: красный обруч на запястье- стоять, греховодники, я тут со второй половиной; желтый- я в ожидании новых знакомств; зеленый- готов идти в приват прям щас, детка. Зеленых вечно не хватает, а мы усиленно рекламируем преимущества цвета травы.

Он заинтересованно осматривает меня, от кожаных мокасин до резинки для волос с пластмассовой клубничкой. Поджимает губы.

Не понравилась?

Чумачечно.

Какого лешего ему здесь надо? Приперся на свингер-вечеринку, рили? Сегодня стыдил меня за переписку с клиентом, якобы я непотребством занимаюсь. А сам нацепил зеленый браслет, значит он из тех, кто "давай гребни ко мне, крошка, кем бы ты ни была".

Мистер шалун.

Становится смешно. Закрываю лицо рацией, уповаю на то, что он свою студентку не узнает — синий клубный свет, искажающий черты и маска задурят ему мозг. Но Алекс вдруг открывает рот:

— Кристиан, мы с вами пока не знакомы, вас в мое отсутствие наняли. Но, видите ли, я хочу сделать небольшие кадровые перестановки...

— Что? — выплевываю, прервав его неторопливую речь, ловлю ускользающий от меня смысл прозвучавшей дикости. — Вы хозяин клуба?

— ...поэтому должность второго администратора упраздняется, — невозмутимо продолжает он. — Вам выплатят компенсацию в размере месячной зарплаты и... спасибо, были рады поработать. Надеюсь, никаких обид. Вопросы есть?

Смотрю на него, а его глаза шарят по сторонам. Он высказался и до меня ему больше дела нет. А я не верю в абсурд, что услышала: Аверин и есть тот страшный-престрашный хозяин, и (атас!), он меня уволил. Да. Это как большая непруха, только по всем фронтам один и тот же чувак бомбит, и на работе, и в институте.

Дорогая зебра — ты кровожадный монстр, убери от меня сей черный фатум, что за бесконечные подставы, м?

— Кстати, — Алекс переводит взгляд на меня. — Вы знаете Егора Аверина? Он ведь вас сюда устроил, верно?

Я не успеваю ответить. Меня больно толкают в бок, отпихивая с дороги, и на шею Алексу вешается холеная тетя в коротком полупрозрачном платье.

— Санечка! — верещит она и слюнявит его бороду смачными поцелуями. — Ты не глюк?! Сколько мы не виделись, месяца три? Гадкий, гадкий мальчишка! — шлепает его по щекам тонкими кожаными перчатками.

Санечка...

Мальчишка...

Круглыми глазами наблюдаю, как они обнимаются и перекидываются радостью от встречи, он по-хозяйски обвивает руками ее поясницу, ведет ладонью ниже, на бахрому подола, касается пальцами кружевной резинки сетчатых чулок. Про экс-админа Санечка забыл уже, теперь он прикидывается леденцом, его слова: "Маришенька, занят был, но сегодня я весь твой" тянутся патокой, липкой и горячей, точь-в-точь как белый вязкий фонтан, которым он зальет Маришеньку, после одиннадцати минут тет-а-тет наверху.

Тьфу, гадость.

Держась за руки, лавируя в толпе, "на четверть часа влюбленные" пробираются к лестнице.

Вокруг гремит маскарад, мы его готовили всю прошлую неделю. Броско и эпатажно, повсюду шелка, бархат и атлас. Бандито-гангстерито гуляют.

Ведущий орет в микрофон.

По плану через пятьдесят минут начнется конкурс, одну гостью проиграют в карты и счастливицей займутся три ряженных громилы в шляпах борсалино. Еще через час будут искать тайного шпиона, а когда найдут накажут плетками, тоже горячее трио в штанах с подтяжками, без рубашек и с бабочками на шее. Потом похищение, потом номинация на лучшую преступную парочку, в общем, в три пополуночи все будут потные, без белья и без стыда абсолютно.

И я уже научилась давать людям эмоции, за которыми они идут сюда каждый понедельник. А этот козерог, без причин, просто взял и выгнал меня. Справедливость, ау, где тебя носит, плак.

— Прохлаждаться не устала? — напротив вырастает взмыленная Линда. От громкой музыки поднос в ее руках трясется, и вермут плещется из бокалов.

— Тебе-то что? — мрачно смотрю на бутылку с вином. В ладони оживает рация, голос Василины требует срочно подойти в зону релакса. Цепляю передатчик за ремень брюк. — Ты куда?

— В курительную.

Плетусь следом.

— О чем с боссом шептались? Фуф, — официантка дует на вуалетку с падающими на лоб черно-белыми перьями. — А ты почему не переделалась еще?

— С чего вдруг Аверин приперся сегодня? — удивляюсь, какой я лох. — С сентября ни разу ведь не появлялся.

— Да там история ого-го. У Саши бизнес раньше какой-то был, но он всё в унитаз спустил. Крупный скандал, в интернете долго полоскали. — Линда замолкает. Расставляет бокалы. Улыбается двум веселым мужичкам с толстыми сигарами в зубах. — Что-то еще?

Те лыбятся в ответ: "мерси, сладкая", качают головой. Линда зажимает поднос подмышкой, поворачивается с хитрым выражением на лице и тянет резину.

Ликует. Впервые я к ней лезу со сплетнями, до этого и некогда было, и кости чьи-то мыть развлечение не мое, если сыр-бор не касается "профессии — репортер". Но для Линды трясти грязным бельем второй промысел, только уши подставляй.

— А дальше? — подставляю. Идем к стойке.

— Дальше развелся, жена там, как я поняла жаба та еще, — с готовностью трезвонит официантка. Мечтательно закатывает глаза, — так что он свободен. Дура она. Такой экземпляр потеряла. Вот я бы...

— А по теме? — перебиваю ее глупости. Раздуваю ноздри.

Дифирамбы преподу играют мне на нервах, сверлят череп и выносят мозги. Почему мужчины так себя не ведут? Не выкладывают розами дорогу для женщины, не целуют песок, по которому она шла, как в песнях? Как же, зачем им, если девушки и так штабелями валяются под ногами.

— Так это по теме, — спорит Линда. — Развелся, грустил, все лето здесь зависал. Мы в шоке были. У него крышу капитально сносит, как на батарейках с ночи до утра хлестал "Бакарди", а потом наверх с цыпами. Те так орали, нам на первом слышно было.

- Сильно, — вежливо оцениваю ее впечатления. — И потом? — едва бармен ставит стакан на поднос, забираю, делаю глоток зеленого коктейля. Морщю нос на сердитый взгляд парня. — Ну не злись. Спасибо. Сделай гостю новый, плиз.

— И с осени он вроде как на другую работу вышел и пропал, — заканчивает Линда. — У него с Егором терки, ты не знала? Но раз вернулся в наше гнездо разврата, значит устал играть в приличия, — она хихикает. — Судьба дает второй шанс. На балдеж с Сашенькой на красном шелке простыней. Если он напьется в дрыбадан.

— Поэтично, — вяло пережевываю оливку. Стучу пальцами по тонкой высокой ножке фужера.

Линда забирает порцию вермута и тарелку с пастой по классическому рецепту. Вдыхаю запах чесночного соуса и хмыкаю — наш повар волосы рвал и по кастрюлям метал, когда вчера Василина подсунула ему "Поваренную книгу мафии" и заставила прочитать перед тем, как он начнет творить меню на вечеринку. Бедняга размахивал фартуком и причитал: " я вам скорострел что ли, за ночь эти писульки осилить? Вы демоны!"

Старшая админ опять о чем-то верещит в рацию. Слушаю скучный джаз золотого голоса Америки, на расстоянии чокаюсь с гостем, сидящим через стул и в несколько больших глотков расправляюсь с коктейлем.

В атмосфере риска и опасности в голову приходит мегаидея, как вернуть работу.

Презентацию Алексу сделаю. С ним в главной роли. И для этого всего-то нужен телефон.

Правда, есть маленький трабл — на время смены Василина запирает все сотки в сейф, правилами клуба запрещены гаджеты, чтобы не допустить незаконной съемки, и гостям нельзя, и сотрудникам, никому.

Но я хитра, как лиса из басни, да-да.

Поворачиваюсь к стойке и докапываю бармена:

— Котик, поможешь мне? Срочно на пять минут достать телефон.

— Забудь, — Котик меланхолично трясет стального цвета шейкер. — Сегодня еще и хозяин здесь, Василина точно трубку не даст. Ни за что.

— Знаю, — наклоняюсь над столешницей и понижаю голос. — Поэтому надо взять у нее ключи от сейфа. Тихонько. И потом вернуть. Мне на пять минут, клянусь.

— Неа, — он мотает головой. Выливает мешанину спиртного в мартинку. Рядом ставит еще один пустой стакан и пузатую бутылку. Кратко поясняет подошедшей официантке. — Боссу, — показывает глазами наверх.

Пьют, значит. Весело им. Ну погодите.

— Проси, что хочешь, — подтягиваюсь на руках и нависаю над стойкой. — Давай, с подругой познакомлю? Шикарная блондинка, красотка, умница, со мной учится, — нахваливаю Николь.

— Умницу не хочу, люблю глупышек, — Котик вздыхает. — Крис, эпикфейл. Если спалят...

— Не спалят, — торопливо заверяю. — Просто вызови Василину сюда и поставь ей подножку. И держи ее, когда она падать будет. И все. А я в карман к ней залезу, — вдохновенно выкладываю план.

— Гляньте на щипача, — Котик скептически поднимает бровь и хихикает. — Жажда к разбою заразна? — кивает на ряженных гостей.

— Тебе сложно помочь? — оскорбляюсь и задираю нос. Не сдамся, нет уж, я должна попытаться.

— Не сложно, — он жмет плечами. — Просто план какой-то...отстойный, — признается.

— Другого нет, — отрезаю.

— Ладно, мне то что, — Котик вытирает мокрые руки белым полотенцем и берет рацию. — Но смотри, если попадёмся, я тебя сдам, уголовница.

Вот мы аферисты, животик надорвать. Но под ногами пол горит. Искать другую работу, когда через месяц новый год и нужны деньги — это анреал.

Так просто я не свалю, не надеюсь, Аверин.

Сначала все идет ровно, и я собой горжусь.

Котик говорит Василине, что у него лампочки над стойкой коротят. Через пару минут в зале появляется ее фигура ростом с баскетболиста. На метровых каблуках админ, виляя бедрами, важно вышагивает мимо столиков. Обходит стойку.

Скольжу невидимой тенью к Василине за спину.

Так, у нее на плече болтается сумочка.

Бармен вытягивает вперед ногу в безразмерном ботинке, админ запинается, я дергаю за ремешок...

А дальше катастрофа.

Горе-сообщник своими кривыми щупальцами не может ее удержать. Василина заваливается назад, на меня. Я путаюсь в ремешке и не успеваю отскочить. Котик рушится на нас сверху.

Держусь за столешницу, но ноги подкашиваются, и я размазываюсь по полу, как лаваш. Чувствую, что сломала пару ногтей. И рёбер.

Василина бьется, сталкивая бармена, тычет острым локтем мне в живот, а я сжимаю зубы и щупаю девушку.

Где эта дурацкая сумка, я все равно достану ключи, во мне нарастает ослиная упрямость. Натыкаюсь, наконец, на ремешок и тяну со всей дури, Василина пытается просочиться между мной и Котиком, и кроет нас матом с небоскреб.

Маленькая бисерная сумочка, похожая на кошелек, соскальзывает с ее руки и плюхается на пол, рядом с моей головой.

О да, это джекпот.

Швыряю кошель подальше, по начищенному полу он летит куда-то под стойку.

Багровый бармен поднимается и мямлит извинения. Василина поправляет съехавшую набок черную шляпку с вуалью, оборачивается и голосит:

— Крис! Черте что, ты в релаксе была? Чего ты тут шоркаешься, когда дел по горло?! Эй, я с кем разговариваю?

Молча, на карачках ползу вдоль стойки, собираю коленками капли коктейлей и

заглядываю между коробок с бутылками. Натыкаюсь на сумочку, клацаю застежкой.

— Это я Крис позвал, — заступается Котик. — Говорил же, с освещением дрянь непонятная.

— А она у нас электрик что ли? — сбавляет тон Василина. — Господи, я работаю с идиотами. Давай показывай, где замыкает.

— Да вот тут мигало.

Заграбастав связку с железяками, выпрямляюсь и выскальзываю в зал. Едва смешиваюсь с толпой, как на поясе щелкает передатчик и голос Василины требует:

— Живо в релакс! Новенькие ликбез по игрушкам ждут.

— Ждут-подождут, — стягиваю маску на шею и до красноты расчёсываю вспотевшую кожу вокруг глаз.

Сворачиваю в комнату персонала. Забрав из сейфа смартфон, поднимаюсь на второй этаж. Неслышно ступаю по далматинчатому грязезащитному ковру. Останавливаюсь у каждой двери и прислушиваюсь. Заглядываю.

С четвертой попытки мне везет.

Комнаты для привата кроваво-алые, и стены, и мебель, минимум обстановки, зато огромная душевая кабина за широкой стеклянной дверью.

У них тоже играет джаз, негромко поет Фрэнк Синатра.

Алекс стоит возле красного кожаного дивана, одет, лишь снял маску и расстегнул брюки. На прозрачном столике стаканы, а на полу перед Авериным Маришенька, в платье с оголенной спиной. Навожу камеру и всматриваюсь в картинку. Приближаю.

Вроде бы даже при таком освещении понятно, что это он. Его, вообще, сложно с кем-то спутать благодаря тату и буйной растительности на лице.

Ставлю на запись.

Репортера они не замечают. Он занят тем, что наматывает на кулак длинную нитку жемчуга, болтающуюся на ее шее, словно за поводок тянет ее голову к своим бедрам, а она стонет, как сломанный пылесос, но не останавливается, прилежно делает влажную уборку его хозяйства.

Я здесь видела и не такое, но не могу унять дрожь, и телефон в руке трясется.

Перед глазами оживает Егор, и я сама. Сына Аверина нельзя обвинить в серьезном отношении к девушкам, три девицы за неделю — его стабильность. В конце этого лета все вернулись, кто с отдыха, кто из родного дома в общагу и мы собрались группой перед началом учебы. Играли в фанты, пили много пива из пластиковых стаканчиков, ноль забот и легкость — всё, как на студенческой вечеринке.

В тот день Егор привел меня в клуб. А вечером мы бросили одноклассников и оказались в его машине. Он вряд ли понял, что он первый. Я не сказала, и не кричала от боли, и крови почти не было. И не почувствовала ничего особенного. Новые ощущения, да, но какие-то обычные, без восторга в груди, и адреналин не зашкаливал. Что-то такое бытовое.

Утром мне стало очень сильно стыдно. Вечером Егор написал "может, повторим?", а я не ответила. Через пару дней пришел сентябрь и мы сделали вид, что ничего не было. То есть я сделала, а он с чего-то решил, что отныне мы враги.

И теперь интеллект тревожат грязные мысли. Смотрю на Маришеньку, и она ведь от апатии далека бесконечно, их обоих штырят те незамысловатые повторяющиеся движения. Аверин почти душит ее и бусами этими, и своей дубиной, что пихает ей в горло, а она мычит, сжимает его брюки, но остается на коленях перед ним.

И если это и есть секс во всей красе, то что тогда было у меня?

— Крис, если ты сию секунду не метнешься в релакс, я тебя убью, — на весь коридор орет моя рация.

Сердце едва не выпрыгивает. Смотрю на экран смартфона.

Там Алекс вздрагивает, поднимает голову и пялится прямо в камеру. Маришенька хрипит. Натянутая в его руках нитка трещит, лопается, на пол сыпятся белые бусины. Он сдирает презерватив, укладывает беспорядки в штанах, застегивает ширинку, толкает в сторону женщину, срывается с места и...

Скользит на рассыпанном жемчуге, падает, матерится.

Я выхожу из ступора, все так медленно. Медленно нажимаю на стоп, сохраняю. Неудачно вышло, что теперь делать-то?

И вдруг встречаюсь с ним взглядами. Не через телефон, будто он далеко, а прям тут, живую, и это неисчерпаемое бешенство на его лице придает мне ускорения.

Хлопаю дверью, и выпущенной к звездам ракетой несусь по коридору.

Налетаю на какую-то парочку, даже не извиняюсь, слышу, как позади снова хлопает дверь. Хватаюсь за перила и, перепрыгивая через ступеньки, лечу вниз.

На полторашке между этажами кидаю телефон в белый горшок с драценой, смартфон прячется под длинными острыми листьями.

Я попискиваю.

Вот это влипла.

Всегда так кичилась своей сообразительностью, и что в перебор не скатываюсь, лавирую на грани.

Хожу по краю.

На острие ножа.

Довыпендривалась.

Надо было просто уматывать, когда он уволил.

Бегу через синий зал, и меня колотит от страха. Боюсь обернуться, увидеть, что он догоняет, кажется, что он меня на месте прибьет. Врываюсь в комнату персонала, с размаху падаю на дверь, закрываю, но к моему ужасу в щель между косяком протискивается мужская блестящая туфля.

Мама, папа, прощайте.

Дверь с треском ударяется об стену.

Он идет на меня, я пячусь назад, натыкаюсь на крутящееся кресло и спотыкаюсь об колесики. Он швыряет меня на сиденье, ногой толкает кресло, и я качусь в нем к окну. Врезаюсь в подоконник. В несколько размашистых шагов он сокращает расстояние и нависает надо мной, уперевшись ладонями в подлокотники.

Пауза.

Рукава его рубашки закатаны, узел парчового модного галстука расслаблен, и ткань болтается у меня перед носом, мелькая дурацким узором, напоминающим козырный фон для снимков — выцветший настенный палас.

— Телефон. Сюда.

Говорит еле слышно, шепотом. От него несет спиртным. Слабый запах ирисок, банана и лекарств — почтенный сэр налакался пиратского рома с карибского побережья выдержкой в дюжину лет. Мрачнее не придумаешь. Спорить с пьяными, особенно, когда они и трезвые адекватом не блещут — самоубийство. Но я все же набираю в грудь смелости и тоже шепчу:

— Телефон в надежном месте.

Аверин шумно выдыхает. Смотрит на часы. Дергает бороду — раз, два, три, четыре... Провожая глазами его пальцы в картинках. Опять. Что происходит? Это какой-то ритуал?

— Твою ж мать, Абрамова! — он пинает кресло. — Зараза. Откуда ты выползла? Чёрт, щас сорвусь, — выпрямляется. Трясущейся рукой вытряхивает из кармана какие-то таблетки. Высыпает на ладонь сразу две. Вижу, как тяжело вздымается под рубашкой грудная клетка, рискую, но смотрю выше, в его бледное лицо и черные глаза с нездоровым блеском. Рискую еще раз и открываю рот.

— Александр Алескандрович, мы, наверное, неправильно друг друга поняли, — голос сипит, я откашливаюсь. — Я не собираюсь никуда выкладывать то видео. Это не шантаж.

Он трет веки. Лоб. Так же хрипло говорит:

— А что это, Кристина.

— Вы сами сегодня в институте задали мне продумать манипулятивную стратегию. Помните? — он не спорит, я осторожно встаю с кресла. — Вот, я выбрала тему. Преподаватель по медиа тире владелец свингер-клуба. Что скажет ректор. Или наши гости. Маришенька, допустим. Гипотетически.

Аверин смотрит на меня несколько секунд, переваривает. Переварил. Делает шаг вперед, и я плюхаюсь обратно на стул. Страсти-мордасти, ему бы автомат Томпсона подмышкой и готов новый Аль Капоне.

Король преступного мира, смерть моя.

— Чего вы хотите, Кристина? — спрашивает он вкрадчиво, наклоняясь ко мне.

— А вы? — с трудом сдерживаюсь, чтобы не отвести глаз. Иду в атаку, — уволили, не дали даже шанса показать, как я работаю. Я хороший сотрудник, за те три месяца, что я здесь, вдвое увеличилось число гостей, решившихся на зеленый браслет, — вываливаю козырь. — И ведь людей, готовых на всё, всегда мало.

Он молчит. Злость испаряется, и на его лице мелькает одобрение, знаю это выражение, оно появляется на парах, когда ему нравятся мои ответы, и я мысленно пою гимн своей болтливости, спасибо, спасибо, спасибо тебе, длинный язык.

— А вы в числе тех раритетов, да? Готовы на всё, до конечной в пол топите, — Алекс неожиданно улыбается. Снисходительно, как ребенку, который заявляет, что когда вырастет станет космонавтом. — Ладно, — смотрит на часы. Сует руки в карманы и идет к двери, говорит не оборачиваясь. — Видео удалите. На сегодня свободны. Завтра утром жду.

От восторга готова скакать сайгаком, всё не зря, я его сделала. Но...

— Почему я свободна? — иду следом. — Сегодня ведь еще... — осекаюсь.

А-а-а, конечно, он меня отсылает. Маришенька первая в списке была, он планирует всю ночь таскаться наверх, а я буду мозолить очи до зуда в мягком месте. Невольно хмыкаю.

— Зря смеетесь, Кристина, — услышав, Аверин оборачивается. Окидывает красноречивым взглядом мою фигуру, а мой фурор окатывают холодом его следующие слова. — Вы сами, к сожалению, не понимаете, в какую преисподнюю влезли, затеяв со мной игру.

Всё, как в плохом кино. Просыпаюсь в мятой, измазанной чужой помадой рубашке, с гудящей башкой и пустыней во рту, а на сотовом два пропущенных от Маши, потому что: это, наверное, чисто человеческое, нажраться в умат и доставать бывших эсэмэсками. Меня берёт дикий стыд, когда вчитываюсь в ленту сообщений без ответа.

Слушаю джаз и думаю о тебе.

Давай виртом займемся, я уже в постели голый.

Чё за педик тебя обнимает на фотках в рекламе салона?

Я приеду и всем вам втащу, дрянь, я же тебя люблю, что ты делаешь?

Мне нельзя пить.

Отбрасываю телефон и шарю по карманам. Фломастер, сигарета, скурить до красной черточки. Если психотерапевт вернет крышу на место, и я перестану думать, что выкуривая половину проживу в два раза дольше, чем если бы дымил целой — подарю мужику новую тачку. Бессмысленные ритуалы мешают функционировать, еще чуть-чуть и обзаведусь нервным тиком до кучи.

Зову официантку и прошу две чашки "Карраро", семь видов арабики с привкусом шоколада и похмельные пассатижи, что дают черепную коробку, разожмутся.

Мечтаю, конечно.

Надо в душ. Тело ломит, тантра-диван в антивандальной эко-коже с волной под булками в тридцать три сантиметра годится для любви с глубоким проникновением, а для спины нет, уснуть на нем можно только будучи в дрова.

Сбрасываю провонявшие женскими духами вещи и достаю сменку, в кабинете неиссякаемый запас костюмов. Немецкий крой, ткань не мнется и не теряет формы, черный тотал-лук, но в нуарной, чернильной палитре я познал нирвану.

Зачесываю назад влажные волосы, закрепляю лаком, ладно, высохнут.

Спускаюсь на первый этаж.

За стойкой, уткнувшись в ноуты торчат Василина и...эта малолетка Кристиан, прикатила таки.

Что у нее с Егором интересно.

Вообще, умница, не сдаётся, припереться с телефоном компромат записывать — из девицы выйдет отличная акула пера. И бог ее сохранил, что Марина не заметила камеры, один замес — и сразу жирное пятно на репутацию клуба.

Но Абрамова мне тут не нужна все равно. В альма-матер детский сад поперек глотки встал, а здесь взрослая территория, и я безраздельный хозяин. Правила мои.

— Доброе утро, Александр Александрович! — она поворачивается на высоком табурете. Улыбается. — Мы уже подбиваем итоги по Чикаго.

— Мне отъехать надо часа на полтора, Кристиан, дождитесь, будьте любезны, — киваю ей и набрасываю пальто.

По дороге к Маше торможу у цветочного.

Розы Секси Рэд, тридцать девять штук, и шляпную коробку не надо, охапкой брошу цветы к ее ногам. Я не видел жену с августа, с таких же последних извинений за мой пьяный бред. Но бредил, и славно, у меня теперь есть повод, так бы не решился навязывать себя

снова.

На въезде в коттеджный поселок потеет лоб, хотя в машине минусовая температура.

Машина, кстати. В гараже стоят два четких авто с мощной печкой и подогревом сидений, и пора бы уже по сезону двигаться, а не мучать бедного ягу, какого дьявола я до сих пор туплю.

Останавливаюсь перед кованой калиткой и переворачиваю салон, где-то валялся пульт от ворот. Пустые упаковки, бутылки, пачки сигарет, тысяча чертей, сколько мусора, давно не был на мойке.

Нашел.

Жму кнопки, ворота разъезжаются, и я вспываю в обитель, бастион души моей.

Фахверковый дом с мансардой, на первом этаже терраса, на втором балкон, панорамные окна, на крыше лежит снег, елки и кусты белые, над входной дверью цветная гирлянда, я так соскучился. Столько нервов угрохал в проект, но зато есть ощущение, что живем где-то за рубежом, кругом лес и соседние коттеджи на приличном отдалении, никто не орет под окнами, и тишина, не то, что у меня в квартире.

Паркуюсь возле постороннего черного мерседеса. Надежная старая модель, их не выпускают лет так двадцать уже, не наш, явно. Кто-то застрял в девяностых. Хм-м.

Хозяин машины выходит из дома в момент, когда я забираю с пассажирского сиденья цветы.

Какой-то хмырь. Похож на актера из стёбной эротики про пятьдесят оттенков серой бредятины. Он продолжает разговор:

— ...и позавтракать жаль не успели. Ты мой телефон взяла?

Видит меня и зависает на пороге. Щурю глаза. Да, тот самый педик с фоток, которые я ночью мониторил. Листал жизнь бывшей жены в цифровом формате, пока милая дама из Чикаго показывала мне технику глубокого заглатывания. То ли поганка Абрамова сорвала вчера настроение, то ли секс-терапия больше не действует, но летом было легче притворяться, что это анфакбл.

Маша выглядывает из-за его спины.

— Саша? — жена выскакивает на улицу. — Ты зачем приехал?

Самая лучшая на свете блондинка. И самая стервозная из женщин, что я только встречал. Спрашивает у меня: зачем.

Аховый чертёж.

— Замерзнешь, — приближаюсь. Глаза жадно скользят по лицу, вниз, к обтягивающему короткому платью, упираются в стройные ноги, как всегда, на высоких каблуках. Моя Мария. Богиня красоты и любви, ты затмеваешь Афродиту и достойна поклонения, вечной жизни и весны. Почему же ты ушла.

— Саш?

Усилием заставляю себя оторваться от нее. Киваю на фигуру в дверях:

— Это кто?

Маша оборачивается, показывает ему знаком, чтобы шел к мерсу. Тот не двигается. Она смотрит на розы в моих руках. Протягиваю букет.

— Зачем? — она не берет, обхватывает себя за плечи. — Саш, давай закончим. Ты зря приехал. У меня своя жизнь. И уже давно.

— С ним что ли? — оглядываю конкурента. Натуральный истукан. Но он не уезжает, остается участником семейной сцены, словно имеет на это какое-то право, и я вдруг вникаю

в расклад. Наверняка, она с ним спит. Она привела его в наш дом, в котором живет наш сын, для нее это окей, и значит — гляди, вон он памятник вранью "пока смерть не разлучит вас". Серьезно, приплыли, она не даст мне вернуться. Два десятка лет вместе давай выкинем на мусорку, у них кончился срок годности.

В ее взгляде читаю подтверждение "да, ты все понял верно". Зеленая радужка с коричневыми всполохами — болото с убойной топью, чавк-чавк, в трясине гибнет мой здравый смысл.

Где-то на задворках разума стучит фраза "только не психуй, Сань, просто выпей таблетки". Но, мон шер ами, я шлю сей помысел к шалавам.

Сжимаю зубы. Маша пятится назад, я подаюсь вперед и наклоняюсь. Раз, два, три, четыре — красные бутоны роз шлепают жену по щекам. Сбрасываю цветы в снег возле ее туфель, и под Машины крики иду к ее моднику:

— Эй, ушлепок, ну-ка стоять.

Он шмыгает за мерседес и прячется от меня, вот это позор. Его поведение пробивает на бугага, и я хрипло смеюсь, от чего он роняет брелок, наклоняется, не сводя с меня глаз и шарит по обледенелой плитке. Так держат кого-то на мушке, когда ждут, что человек выстрелит или бросится на тебя, и я бросаюсь. Он скисшая клякса, ни убежать не может, ни отмахнуться, хватаю его за ворот пальто и швыряю на капот.

Все еще смеюсь, и лучше бы продал это буйнопомешанное карканье, как пацан из старой книжки, сам осознаю, что кажусь полоумным.

Меня пытаются оттащить. Егор. В ушах звенит его голос "пап, уймись", сын сжимает мне локоть, повторяет "пап, пап", и мое сбитое дыхание со скрипом, но замедляется.

Дальше и сын, и жена мне твердят: ты снова не в себе, уезжай, пожалуйста.

Смотрю на часы: девять ноль пять.

Вынуждаю себя послушаться. Не то, чтобы я прям не в себе, но охота уроду выпустить потроха. А это плохо.

Хлопаю дверью ягуара.

Девятого ноль пятого этого года в девять ноль пять они мне сказали тоже самое первый раз. Это вот второй и, видимо, последний. Верю в бога, в то, что женщины когда-нибудь научатся нормально парковаться, и в то, что цифры преследуют меня. Девятка и пятерка — мой личный крах.

Семья меня побрила, и я в бездне, сезон на преподавание ухлопал впустую. До нового года проскрипеть в кретинском институте, и не мять больше титьки, заняться своими делами, которые несколько месяцев висят на полшестого, как прибор у импотентов.

Опять смеюсь. Ну какая-то фантастика, что она в этом слизьяке нашла, он же не мужик.

Ем таблетку и отвечаю на звонок Василины.

— Александр Александрович, так вы вернетесь в клуб? Я после ночи. Хотела отоспаться и часикам к пяти приехать обратно.

А, точно. Еще ведь с Абрамовой надо вопрос закрыть.

И машину поменять забыл.

Холодно.

В клубе та же картина, администраторы за стойкой работают на ноутбуках. Василина еще ладно, здоровая русская баба, каноничная очень, здесь не каждый выдержит, и она прям находка.

Но этот ребенок Кристиан, сидит, поджав под себя одну ногу, дует розовые пузыри

"хуба-буба" и параллельно печатает памятку:

Мистер Икс в следующий раз хочет пожестче, ему надо конкурс с элементами садо-мазо.

Морщусь. Не надо. Нечего тебе вообще в таком рассаднике извечного большого траха делать. Сама щас уволишься.

— Как настроение? — бросаю на стойку перчатки. — Не передумали еще трудиться в нашем заведении?

— Нет, с чего бы, — говорит, не отрываясь от клавиатуры.

Перехожу сразу к главному. Кладу руку ей на коленку и слегка сжимаю. Она отвлекается от экрана и с удивлением поворачивается. Подмигиваю. Она хлопает ресницами.

— Кристиан, хотел обсудить с вами пару моментов, которые входят в ваши обязанности. Вы очень заняты?

Указательный и средний палец ставлю как ножки, и потоптавшись на острой коленке, ползу вверх по ее джинсам. Мягкий светло-синий материал, с модной дыркой на ляжке. Ну и безголовая, это в декабре-то рваные джинсы?

— Но Василина объясняла не раз, — она растерянно оглядывается на старшую админшу, со скукой листающую таблицу с меню. — А вы что имеете в виду?

Озадаченно следит, как мои пальцы пробираются по ткани к полоске загорелой кожи. Касаюсь. Нежная, быстро бегут мурашки. Недвусмысленно поглаживаю.

Кристина, дернувшись на стуле, меняет позу, спускает ногу на подставку. Молчит.

— Кристиан, вы сами не догадываетесь, чего я хочу?

— Нет. Вы уже чем-то недовольны? К чему этот разговор?

Непробиваемая, однако. Хотя и я раньше к малолеткам не приставал, может, у них так принято, размытые границы личного пространства. Чмоки при встрече, обнимашки, все такое дружеское.

Соскальзываю ладонью на внутреннюю сторону бедра и нагло ныряю рукой ей между ног.

Она так сильно вздрагивает, что шибает и меня, напряжение в двести двадцать вольт. И бинго. До неё доходит, наконец, что я ее действительно лапаю, никак это иначе не назвать. Хмурит брови и цепляется в мою руку.

Василина тычет в экран и что-то спрашивает, она отвечает и, не глядя, старается разжать мою хватку.

Господи, какие тонкие запястья. Несколько массивных браслетов, ей не тяжело? То ли обломанные, то ли обкусанные ногти царапают кожу, котенок, в сравнении с дикими кошками, что драли мне спину кроваво-красными когтями, тут одна смехота.

— Давайте поднимемся ко мне в кабинет, — предлагаю. — Заодно просмотрую ваши документы, еще не успел.

Крепче сжимаю ладонью зону бикини. Тру пальцем шов на джинсах, он врезается ей аккурат промеж ног. Она поворачивается с перекошенным лицом. Смотрю ей в глаза, и горячий шоколад закипает пеной, уже готов выплеснуться, а я не к месту чувствую шевеление в штанах.

Утро, солнце встает. Нельзя, предатель, здесь дети, спать, спать. Женщины ведь как вино, с возрастом только лучше, когда ей сорок-сорок пять, она не просто тело, с ней можно еще и поговорить.

Но в сию секунду от этих темно-русых волос и гладкой кожи так жестко разит феромонами, амбра и мускус так забивают ноздри, что меня спасет лишь противогаз. Сильнее давлю пальцами и раздражаюсь границе в виде гребаных джинсов, ну почему я так бездарно всю ночь буксовал, а. Всё, лесом проклятых баб, похоть, как наркотик, отвлекает от важного, буду евнухом, пока не разгребу текучку.

Василина, громко зевнув в чашку с кофе, стучит по клавиатуре:

— Александр Александрович, так можно мне вечером все доделать?

Отлипаю, моргаю, смотрю на часы.

Кристина хватает свою чашку. Не знаю, на что она рассчитывает, поскольку, я ее порыв вижу и моментально убираю руку перед тем, как она выплескивает на себя горячий кофе.

— Ой, — она вскакивает со стула.

Малыш ошпарился. Даже немножко жаль. Но, милая, мир так устроен, к симпатичным девочкам пристают похотливые дяди-начальники. Так что ножки в ручки и давай катись кушать конфеты.

— Пять баллов за ловкость, — оценивает Василина и перегибается через барную стойку за бумажными полотенцами. — Ладно хоть ноут не залила.

— Чуткость не твоя сильная сторона, — кивает Кристина.

— Давайте, я помогу, — выхватываю рулон и отрываю кусок пористой бумаги.

— Я сама, — Кристина отшатывается.

— Мне не сложно, — спорю.

— Не надо, — веско высказывает. Саркастично добавляет. — Или вам приятно просто?

— А вам нет?

Она поджигает губы и смотрит на заинтересованную Василину, развернувшуюся на стуле к нам.

— Так ладно. Василина — да, сворачивайся и до вечера, — забираю перчатки. — Я в кабинет.

Поднимаюсь по лестнице и слышу топот позади.

— Вы считаете меня душой? — звучит возмущенный голос.

— С чего вы взяли? — оборачиваюсь.

— Вы специально это делаете. Чтобы я испугалась и уволилась. Низкий метод, нет? И крайне непрофессионально, сотрудник я неплохой. У вас личная неприязнь? Почему? Пока вы не знали, что я у вас работаю, все шло хорошо.

— Кристина, вы неправы. Я не хочу, чтобы вы уволились, наоборот. Вы красивая девушка, я красивый мужчина, — спускаюсь и равняюсь с ней. — Вижу нашу взаимную симпатию, поэтому предлагаю не тянуть. Рано или поздно мы окажемся в одной постели. Так зачем вы ломаетесь?

— Вы в своем уме? — у нее такое лицо, словно я на полном серьезе заявил, что перед ней воскресший Наполеон. Император жив, давай, Кристина, не медли, здесь срочно нужна неотложка. — Какая еще взаимная симпатия? Да я...

Сгребая ее в охапку и прижимаю к перилам.

— Кристиан, перестаньте себе врать. Вы так хотите меня, что уже вся мокрая, — показываю на залитую кофе промежность. — Вы кончили от моих пальцев, признавайтесь. Я же вижу следы оргазма на ваших джинсах.

— Да вам лечиться надо! — она раздувает щеки и толкает меня в грудь. — Пьете, кажется, таблетки какие-то, не помогают?

Я с нее валяюсь. Таблетки. Внимательная козявка, тычет дяденьке в слабые места. Цепляю непроницаемую мину и продолжаю:

— Я не собирался с вами шутить. Сколько вам лет, девятнадцать? Вы ведь уже взрослая, — сжимаю за бедра и толкаю к себе. — Когда подчиненная спит с боссом — это естественные рабочие отношения. Говорю в лоб: хочу разложить вас вот здесь на ступеньках. Понимаете меня?

Отпад, по ее эмоциям можно делать наглядное пособие для психологов, такая живая мимика, что хочется расхохотаться. Тянусь к ширинке и готовлюсь к коронному щелканью пряжки ремня, что ее окончательно добьет, как слышу язвительный голос:

— Пап? А я за тобой ехал, поговорить хотел. Но я вижу ты занят моей одноклассницей. Салам, Крис.

Сегодня опять учимся с трех часов. Сдвоенный семинар по медиаграмотности, сто восемьдесят минут пылить тушки в аудитории.

Проходим спортивную журналистику, но я не успела подготовиться, а в интернете нет нужных отзывов на каналы "Матч-ТВ" и "Евроспорт". Болельщики не хотят оценивать принципы театральной эстетики в трансляциях и искать периферийные смыслы в разных форматах, они смотрят футбол-хоккей под пиво и чипсы, и помощь от них никакая, а у меня теперь незачет.

Это удручает.

Я люблю быть первой, но пока отдыхаю в пролёте. И я бы щас потратила время на что-то полезное, например, утрясла бы ту стыдобу на работе, которая выбивает почву у меня из-под ног и мешает въезжать в медиаграмотность, но свалить нельзя. Посещаемость, даже если ты просто сидишь, как я, и залипаешь в окно, тоже влияет на аттестацию. Ну типа " куриные мозги, но зато не злостный прогульщик".

Мегера твердит об этом каждую пару. Вообще, у преподши фамилия Магера, но с ее привычкой преследовать студентов и доводить до безумия страшеским гундёжем, кликух не избежать, неа.

Николь уже отбилась, слушать лепет одногруппников в ее планы не входит, она мониторит бьюти-сайты и ищет скидки на увеличение губ. Сует мне телефон и хвастается:

— Губы-осьминоги новейший тренд. Вот, девочка сделает за пять тысяч. Огромная скидка. Договорилась на завтра.

Ясно. Значит, сапоги она опять не купит.

— Фу, — оцениваю непонятные восьмиугольные напомаженные лепешки. — Потом домой не приходи.

— Ты просто отсталая, — Николь дергает плечом. — Через неделю-другую жесткий хайп поднимется вокруг таких губ. А у меня уже будут. Как считаешь, — она закатывает глаза. — Алексу понравятся?

Вряд ли.

Разглядываю лицо в экране смартфона и прикидываю: может, тоже попробовать? Страшно красиво, босс оценит и не рискнет ко мне подходить. Я ведь не глупая, понимаю, что не нравлюсь ему. Хоть и владелец сексуального бардака, но имидж безупречный у него. Клейкие ленты в институте игнорит, в клубе тоже. Василина сказала, что он двух официанток уволил, когда они Клеопатру из себя строили. Одна хотела искупаться в ванне с его семенем, другая нашептывала, что как истинная царица, выбрала себе победителя.

И я бы на его месте немедля этих дур выгнала, конечно.

Ну а меня-то за что? Я плескаться в кисельных выбросах его органа не собираюсь. И с шизофреничными подкатами к нему не лезу. Его не устроило, что я его решения оспариваю, как же, хозяину вставили слово поперек. Но использовать против меня такие гадкие приемы...

Словно таракана травит.

Хочу сложить оружие. Там на лестнице показалось на секунду, что он по-настоящему снимет брюки. Знаю, что не смог бы, он взрослый человек и у него, коли припрет, даже

специальные понедельники есть, а шоркаться в углу с администратором, тем более еще и студенткой своей — не совсем ведь он спятил.

И все равно, меня никогда раньше так грубо не лапали, и не предлагали похабень в лицо, даже не намеками, а прямыми словами.

Сволочь.

Чтоб ему всю жизнь ежей рожать. Двойней.

Но если опущу лапки при первой же трудности и побегу — никогда не заберусь на вершину. Мир война, а я боец, вот так вот, и пусть не рассчитывает, что спугнул и слабачка сразу свинтила пить молоко и спать в обнимку с медведем.

Но работу другую уже можно подыскивать, чует мой репортерский нос. И еще кое-что...

— Крис, учеба больше не торкает? — "кое-что" плюхается на стул слева от меня и загораживает обзор на пейзаж снежной русской зимы, открывающийся в окне. Он неприязненно кривит улыбку. — Другие цели появились? Могу подкинуть пару советов "Как соблазнить мужчину вдвое старше себя". Первое: прислонитесь к перилам. Второе: широко раздвиньте ноги. Третье...

— Егор, захлопнись. И мужчине передай, что за домогательства я могу подать в суд, — отворачиваюсь. Надеюсь, получилось высокомерно. Поскольку внутри бушует страх, что он растрепал папочке про тот случай в машине. И тогда не надо выкладывать карты, гадать на кофейной гуще и кидать кости — оба считают меня шаболдой.

— Невинная овечка, зря стараешься, — Егор выхватывает ручку, которой я нервно стучала по столу. — Он двадцать лет влюблен в настоящую женщину и ширпотреб вроде тебя не оценит. Вкус у него другой, Крис.

— Вы о чем? — отрывается от смартфона Николь и двигается ближе. — Кто кого любит двадцать лет?

— Да так, — Егор кладет руку на спинку моего стула и склоняется к нам. — Я, вообще-то, с предложением. Про банду Винни-Пуха слышали ведь?

— А то нет, — кивает Николь. — Масс-медиа какой месяц гудят, заколебали.

— Я знаю, как на них выйти, — припечатывает он.

— Врешь! — у Николь загораются глаза.

У меня тоже.

В конце сентября в городе объявилась странная шайка. Винни-пух, Иа-Иа, Кролик, Пятачок, Сова и Тигра. Шесть человек в костюмах, у медведя всегда с собой бочонок, у поросенка воздушные шарики и красный баллон с гелием. Всё кажется смешным и невинным, ну чисто мультик, но на деле это просто банда оголтелых преступников.

В интернете куча видео с их подвигами. Как медведь бьет кирпичом витрину магазина, чтобы снять с манекена шубку для поросенка, как ослик под крики охранника вылетает из алкомаркета с тремя бутылками "Джек Дэниэлс", как кролик угоняет машину с парковки у музея, а совунья с тигром высовываются в люк и распивают шампанское. Они словно ничего не боятся.

Последователи наплодили кучу сообществ в соцсетях, пытаются подражать, ажиотаж невероятный, и иногда кумиры украшают стены домов пропагандой из баллончиков. Красиво расписывают, что ищут единомышленников, что они за свободу и крушение условностей, они чувствуют время, каждую минуту адреналин и жизнь их пылает пожаром. Верят, что за них само провидение, а так и выглядит, ибо их ловят третий месяц и поймать не могут, хотя те ведут себя настолько рискованно, что это уже хамство. Неуязвимая борзота.

— Зацепило? — спрашивает Егор.

- Ну и как на них выйти? — Николь спускает очки на нос.

— Никак, — сбрасываю его руку и отодвигаюсь. — Если бы ты и нашел их, какой тебе резон делиться с нами материалом?

— Резон? — удивляется Егор. По слогам цедит. — Их шесть человек. Одному сложно. А вы, — он опять кривится в мою сторону. — Лучшие студенты, к сожалению. Выбора нет.

— Кристина, не вяжись, — Николь ложится на стол, тянется через меня к Егору. Ревниво уточняет. — Еще кому-то говорил?

— Ваньке Хромову. И вам щас. Воображаешь, — он интимно понижает голос. — Какой будет бум, если мы напишем про банду Пуха?

— Нас ждет известность! — Николь шлепает по его ладони.

— Аверин, Беркут, — Мегера раздраженно смотрит в нашу сторону. — Ответили, не мешайте другим. Абрамова, тебе так тем более советую рот закрыть, пока зачет не пересдашь.

Мы выпрямляемся на стульях, замолкаем на пару минут и усиленно делаем вид, что слушаем одноклассников. Грызу ноготь и кошусь на Егора.

Повадками в родителя. Волосы укладывает гелем и верит в поговорку, что женщина оценивает мужчину по обуви, часам и галстуку — все на высшем уровне. Но сам еще не вырос, по-детски играет в обиженку, а я объект мести самурая.

И все же его слова будят внутри сладкое-сладкое чувство, ведь ткните пальцем хоть в одного студента журфака, который не хотел бы написать про шайку прибабахнутого медведя.

Но уже развелось столько фейков в костюмах, несколько раз в заголовках блогеров мелькало, что банду задержали. А потом отпускали, доказательств не было. Отпечатки снимали, наверное, и все такое, но если это поддельные чуваки, то бесполезно.

— А ты уверен, что не позеров нарыл? — шепотом сомневается Николь.

— Не на сто процентов, — признает Егор. — Но очень похоже, что именно они. Я ж гений, забыла?

— И что надо делать? — не сдерживаю любопытство.

Егор открывает тетрадь на пустой страничке, быстро царапает ручкой и двигает к нам корявую надпись:

Нашел бомбу. Если у тебя есть зажигалка — давай взорвем мир вместе.

— Объявление разместить на сайте в разделе знакомств, — поясняет Егор. — И для обратной связи страничку вконтакте.

— А если инстаграм? Я там чаще сижу, — Николь перечитывает буквы. — Ты разместил уже?

— Да, мы с Ванькой утром выложили, — он кивает. — Пока никто не ответил.

— Значит фигня, — мстительно выношу вердикт.

Нет, я сама хочу, чтобы его зацепка была правдой. Егор не глупый далеко, отлично учится, и в этом мы похожи все трое — море амбиций и четко знаем, чего хотим. Стать телекиллерами и чтобы Леди Гага посвятила нам песню "Папарацци 2" и завывала в микрофон: эй, борзописцы, я готова к вспышкам фотокамер, почему вы, самые лучшие, не следите за мной из-за кулис?

Но это же Егор. Худший сообщник для расследования.

— Не веришь в мой профессионализм? — Егор поднимает бровь. — Я два месяца ими занимаюсь, плотно. Ждете, что уговаривать вас начну? Ноу. Ищите свой шанс прославиться,

вы же такие умные.

— Дуться перестань, естественно, мы в деле, — торопливо заверяет Николь и пихает меня локтем. — А Ваня где, кстати? — она оглядывается.

— У него экзамен по вождению.

— Нет, вы гляньте на них! — возмущается Мегера. Смотрит в наши виноватые лица и переходит в ультразвук. — Святая троица, если не замолкнете пойдете гулять в коридор. А за семинар энки получите. Никакого уважения к остальным.

Мы начинаем активно уважать других и молчим.

На пару с Николь печатаем объявления. Ждем до шести вечера, потом мерзнем на остановке и ловим маршрутку до дома.

Готовить ужин очередь Николь, но на кухне одной ей скучно, поэтому я занимаю угловой диван в обеденной зоне. Светлая кожа, трехместный. Еще есть стол из пластика под дерево и два табурета с мягкими сиденьями. Кухня "Орхидея" — так сказала хозяйка, когда показывала нам владения и предупредила: если с моей "Орхидеей" что-то случится, будете покупать "Тюльпан". Не знаю, как выглядит кухня "Тюльпан", но думаю, что однозначно не тюльпаном, ибо орхидея похожа на обычный мягкий уголок и хорошо, что я не производитель мебели, не понимаю и не пойму смысла, нафига обзывать столы и диваны цветами. Почему бы не держаться ближе к истине?

Обманчивое дерево, или притворщик пластик.

Искусственная кожа, или мы из Гринпис.

Бежево-коричневый хит, или садитесь поудобнее, на ужин вареная картошка с сосисками от шеф-повара Николь Попковой, ссори, Николь Беркут.

Последнее я говорю вслух и, Николь замахивается на меня варежкой-прихваткой.

— Язва, — она берет вилку и насаживает ломтик картошки. Дует. Проверяет телефон. — Когда уже нам напишут?

Жуюсь и жму плечами.

Так-то надо исправляться и учить медиаграмотность, гложет совесть. Хотя пары завтра не поставили, отдыхаем. Но нужно в клуб, со среды мы начинаем готовить новую вечеринку. Тему подбираем, мозговой штурм и тэ дэ. По будням и в выходные клуб работает в обычном режиме, танцы-коктейли-секс-в-туалете, и Василина одна справляется, я занята только на понедельниках. И ежедневно на сайте.

Просматриваю сообщения на планшете, обычные благодарности от гостей за жаркую ночь и пожелания в стиле "повторите конкурс с игрой в карты, плиз". Печатаю ответы и ем сосику.

— Кстати, вовремя Егор с Винни-Пухом подсуетился. Подарок судьбы, — с набитым ртом говорит Николь. Откладывает телефон. — Если будем теснее общаться с сыном, смогу и с его отцом сблизиться. И чего я раньше не доперла?

— Проходной билет Егор? — набираю текст сообщения, уже хочу отправить, но перепроверяю. Мало ли. Опять лоханусь.

— Егор тоже ничего, — рассуждает Николь. — Но меня не прикалывает роль очередной телки на вечер в машине. От него же по-серьезному не дождешься.

Щеки наливаются срамотой.

Меня такое тоже не прикалывает, но мы классно общались на первом курсе, и потом летом часто переписывались, и мне элементарно льстило, что Егор как-то по особому ко мне относится, не как с другими, кому пишет только чтобы позвать на трах-марафон, мы

могли и друзьями стать, но все испортили. Когда двое в машине одни, полночи гоняют по городу, смеются и подпевают орущему из колонок Тиму Белорусских, танцуют на гранитном парапете набережной и едва не свалившись в воду, невольно удерживают друг друга, а потом так и стоят, обнявшись и поцелуй уже не кажется чем-то лишним, и дальше все происходит так естественно, словно по плану свыше.

Когда он молчал на следующий день до меня дошло, что я утратила бдительность, а у него со всеми так, в его эсэмэс вечером с предложением повторить мог с тем же успехом настрочить: поздравляю, киса, ты пополнила ряды развлекалочки на ночь, сегодня я хочу тебя.

Моя нулевая реакция на разрешение покувыркаться с ним еще разок и как итог, я активировала режим "Кем она себя возомнила, динамить меня, Егора Аверина? Пусть заказывает венок, гнобить мерзавку отныне дело принципа".

— Да и Егор пока никто, — рассуждает напротив Николь. — Тратит родительские деньги. А Алекс уже готовый вариант.

— Ты ржавую и старую преподаскую развалюху видела? — хмыкаю. — Не похож на олигарха.

— Видела, — Николь делает плоток чая. — Не старье, а винтаж, ягуар стоит около шести миллионов. И у него другие есть. На фотках.

— Он стартап свой слил давно или что у него там было, — повторяю слова Линды. Про клуб не говорю, иначе Николь и на работу будет за мной таскаться, и я с ума от нее сойду.

— Сама ты стартап! Издательский бизнес. Журнал для мужчин "Провокатор", его. Был. Таблоиды бучу раздули, что Алекс, кажется, инвесторам морду набил за что-то. И развод приплели, — Николь поднимает руки и ведет в стороны. — Заголовки шик! "Жена бросила владельца крупного издательства, когда он лишился доходов". Ну не тупая, скажи? Если один раз сообразил, как бабло зашибать, то и дальше мозги не делись никуда. Еще раз сможет. Поэтому, вариант супер. И, главное, внешность в подарок. Если бы он даже просто редактором газеты был, я бы согласилась на роман.

— Ой, как ему с тобой повезло, — поддакиваю. Забираю планшет, недопитый чай и встаю из-за стола. — Я работать. Если найдешь скидки на пластику носа, мне не показывай.

— Носа? То есть у меня некрасивый нос?

Николь хватает полотенце и вскакивает, я смеюсь и бегу по коридору в комнату.

Закрываюсь и плюхаюсь на кровать.

Стены в моей комнате — словно голубые орхидеи. Покрывало и ковер — как тюльпаны розовых сортов. Шкаф — будто кофейные розы. Телевизор — лилии "Черные жемчужины".

Ну вот, я, оказывается, тоже так умею. Производители мебели — у вас нарисовался конкурент.

Беру на колени ноутбук и листаю сайты с идеями вечеринок. Выборочно, абзацами, копирую и пытаюсь отправить Василине, но на экране вдруг вылезает облом "Вы не имеете достаточных прав".

Хм. Вот только что ведь переписывалась с гостями.

Пробую написать хозяйину, но система выбрасывает на главную страницу. Отлично. Он что, все же наплевал на компромат и уволил меня? Егор что-то наплел? А утexas с Маришенькой я ведь не удалила, так что...

Смотрю в телевизор, первый канал транслируют ток-шоу с Малаховым.

Здесь щас тоже будет холивар. Номер Аверина утром я взяла у Василины, поэтому, не

откладывая, звоню.

Он снимает трубку после шестой попытки с ним связаться, когда уже думаю, что знает мой телефон и специально не берет. Его голос рявкает:

— Да, кто это!

— Кристиан, — отвечаю басом. — Я не могу отправлять сообщения на сайте и мне вот интересно... — мой, полный достоинства порыв, гасится воспоминаниями, как он лез ко мне за стойкой, а потом хватал на лестнице, и обличительную речь даже закончить не могу. Погорячилась с амломбом. Кашляю и пью холодный чай.

— Так и что вам интересно? — спрашивает он, не дождавшись продолжения.

— Здесь написано, — тараторю, — что у меня нет прав и вылезает синее окошко с какими-то цифрами.

— Куда вы нажимали? — слышу, как он вздыхает в трубку а-ля "бабы и техника это нелепица, как мартышка и очки".

— Не знаю. Никуда.

— Вам срочно нужно что-то отправить?

— Нет. Но если напишут клиенты, а я не отвечу, вы мне за это предъявите. И мне будет плохо.

— О, какой надрыв. В ватсапе мне перенаберите, с картинкой. Я же не вижу, что у вас там. Через десять минут.

— Хорошо, — сбрасываю звонок. И тут же ставлю на видеодозвон в ватсапе.

Нет, я слышала, что он сказал. Но кого парят чужие запары. Вести себя, как он, тоже нельзя, но его ведь это не останавливает.

— Кристиан, у вас с ушами проблемы или с головой? Я сказал: через десять минут, — звучит на всю комнату его голос.

А дальше я всматриваюсь в него самого и столбенею.

Он не брал трубку потому, что я своим непрерывным автонабором выдернула его из души. Обычно зачесанные назад волосы, без лака падают на лоб, мокрые и блестящие, вода стекает на плечи, он непривычный, будто это не Алекс вовсе. На нем только белое полотенце, и без одежды он просто двухметровая волосатая горилла с мышцами на сотню килограмм. Да-а, в костюме поменьше казался. И приличнее.

Машинально зажимаю боковые кнопки и делаю скриншоты. Разбогатела бы, наверное, если бы в институте продала желающим эти фотки. Но я так, на всякий случай. Когда еще момент выпадет.

— Долго будете меня разглядывать? — его смехок влезает ко мне в мысли. — Показывайте.

Поспешно поворачиваю телефон к экрану ноутбука. Послушно выполняю приказы: нажмите туда, теперь еще раз, ближе покажите, я не вижу, так, теперь вон туда, нет, куда вы тычете, Кристиан, нет, о господи, где мои таблетки.

— Проверьте настройки, — требует.

Кусаю губу и ввожу пароль в открывшемся окошке.

Аверин опять приравнивает к плинтусу мои умственные способности. И он прав. Сидеть на сайте под болтовню Николь противопоказано, я вечно косячу.

Отправляю ему пробное сообщение с текстом "спасибо" и у меня получается.

— Спасибо, Александр Александрович, — повторяю, развернув телефон к себе.

— Пожалуйста, — сухо бросает он. Помолчав, добавляет угрозу, — завтра сочтёмся,

Кристиан, — и отключает звонок.

— Кристина! — Николь, с устрашающим лицом в зеленой глине, врывается в комнату. — С кем ты трепалась? Голос...А, потом! — она подпрыгивает на месте. — Мне написал Пятачок!

Таблетки кончились.

Чертова бессонница.

Кажется, у меня температура.

Думаю, я скоро отойду в другой мир.

Возможно, это коровье бешенство, ибо мясо на ужин было какое-то сомнительное. И если я выживу, в тот ресторан-убийцу больше ни ногой — первое, и стану веганом — второе. Сознание мучает картина, как официант треплется с барменом, что "Дядя Петя работает на скотобойне, я утром там был и такого насмотрелся".

Потом парень забирает мою пустую тарелку, а у него на пальце подозрительный порез.

Коровы могли быть больными. И достаточно слюны животного на рану, а если официант трогал мое жаркое — я уже дохлая мумия, вопрос времени. Для заражения хватило бы полграмма мяса, а я закинул в топку стандартную порцию — телятина, помидоры и пармезан.

Мне конец.

Может, вызвать скорую, пока не поздно?

Или ехать к психотерапевту?

В половине четвертого?

Вай нот, у меня фаза сдвигается уже. Отставить паранойю.

Еду.

Ночные улицы пустые, тихие. А тот чувак, что тащится за мной на волге явно не в себе. Шапка почти на глазах, черные кожаные перчатки, фейс такой странный...А если он серийный маньяк? Охотится за бородатыми мужиками.

Тогда он щас меня прирежет.

Набираю скорость.

В четыре утра заваливаюсь к врачу прямо домой. Один взгляд на мою перекошенную морду, и Ярослав все понимает без слов:

— Препараты кончились? Проходи. Только тише, жена спит. Кофе?

Эспрессо. С сахаром. Шестьдесят миллилитров яда в чешской фарфоровой чашке — он точно задумал меня убить.

Он закрывает за нами дверь кабинета и предлагает:

— Садись.

Стою. Если сяду — то со шкафа мне на голову случайно упадет вон тот гипс Зигмунда Фрейда. И проломит мне череп. Он шатается или мне кажется?

О-о-о, Саня, тормози, это психоз.

— Извини, что рано, но это срочно, — упираюсь ладонями в спинку кресла. — Просто черкани рецепт, и я поеду.

— Ты все равно меня уже разбудил, — Яр зевает, садится за стол и складывает руки перед собой. — Давай, выкладывай, хоть в общих чертах.

Сын вчера у меня спросил: и давно ты шпилишь мою одноклассницу? А потом с цветами к маме? Ты из-за Кристины в институт пришел батрачить? И как, нравится тебе с ней? Мне не очень понравилось, бревно она, так, на заметку. Пап, забирай хоть всех студенток, но,

пожалуйста, свали из моей жизни, твоя физия мешает мне учиться.

И я могу сказать об этом Яру, но толку. Мозгоправ ведь Егора не убедит, что я его тёлку не чпокаю.

— Тогда давай запишу тебя на прием. На этой неделе, — вздыхает Яр, не дождавшись исповеди. Черкается на рецептурном бланке. — Сань, ты сам должен уяснить, что психотропы не выход. Терапия, терапия, еще раз терапия. С Машей как у вас? Если не она, то другая женщина. Изоляция так себе помощник. Постиг мой посыл? — он протягивает бумагу.

Бла-бла-бла.

— Постиг.

Кладу на стол купюру, прощаюсь, ищу круглосуточную аптеку, думаю, что не доеду и попаду в аварию, о, как крепчает маразм, спокуха, торможу у зеленой вывески, покупаю пилюли и закидываюсь.

Проверяю пульс — нормально. И снова я не умер.

Отчеркиваю полоску на сигарете и забиваю лёгкие дымом. Смотрю на часы.

Ехать домой в лом, клуб ближе, поэтому на светофоре сворачиваю.

Блин, Яр, как у него все легко. Другая женщина. Зачем она мне нужна. Что мне с ней делать. Если даже Маша меня боится. Сначала рухнул журнал, за ним брак, два удара под дых кувалдой, и я в соплях и в нокауте.

Не так представлял себе порог сорокалетия, странная штука жизнь.

Прохожу сквозь синюю, дрыгающуюся на драйве толпу. Софиты и драм-н-бейс, привет Василина, я наверх, нет, ничего не случилось, да, кофе буду.

Спустя шесть чашек "карарро" и ворох документов за окнами светло, в клубе тишина, а ортопедическое кресло с эргономичным подголовником безбожно меня калечит.

Потягиваюсь, приседаю четыре раза, через четыре секунды приседаю еще, зеваю и спускаюсь вниз.

Кристина, мое проклятье. Пришкандыбала. Устроилась в вип-зоне, на столе открытый ноутбук. Забирается с ногами на диван, когда видит подкрадывающегося уборщика.

Останавливаюсь в проходе и жду, пока он уйдет.

Она грызет ногти и пялится в экран.

Эта девица меня бесит. От нее одни проблемы.

В принципе, телефон с видео можно засунуть ей в нахальную задницу и просто выгнать нафиг. После сладких речей Егора я уже в той степени бесстрашия, когда терять не жалко и нечего.

Но есть в ней что-то...

На меня похожа. Я раньше так же на мир смотрел "нет — это не ответ, не знаю такого слова".

И когда, интересно, копыя поломались и война остановилась, а я на обочине присел? Я ж почти Карлсон, в самом расцвете сил. Встряхнуться пора. Счастье в варенье и в пирогах.

Невольно улыбаюсь. Подхожу и плюхаюсь на диван напротив:

— Как успехи?

— Доброе утро, Александр Александрович, — кивает она. Отбрасывает за спину волосы. — В поте лица тружусь. Тема вечеринки — "Пурга". Пена это всегда вариант, тем более по сезону. Завязка, как в сюжете одного норвежского фильма. Когда выпадает первый снег, то бишь пена, бесследно исчезают женщины. Виноваты снеговики-рецидивисты. Здесь

надо будет с конкурсами вписаться. Без ужасов, конечно.

— И какие конкурсы? У нас секс-вечеринки, не забыли?

— Для начала легкая эротика и элементы господин-госпожа. А дальше...пока наброски. Можно обновления немецкого порно глянуть, там бывают годные идеи, — она замолкает и ждет моей реакции.

Вот это бесстыдница. И даже не краснеет. Она или не малыш, или очень гибкая, в профессии как дома в ванной плавает. Что сказать, забавный экземпляр.

Выдерживаю длинную паузу.

Она нетерпеливо барабанит пальцами по столу. Цокает и недовольно поджимает губы. Откидывается на спинку дивана. Теревит край широкого вязаного шарфа.

Надо же, упертая, между нами молчанка и гляделки, и ее задранный до потолка нос. Она меня, всерьез, что ли не воспринимает до сих пор?

- Кристиан, а в приглашениях гостям вы фотографии добавляете? — спрашиваю.

— Что? — она подается вперед. — Ну, когда как. Если есть, что фоткать, то да.

— У меня предложение. Сходите и слепите снеговика. В мини-бикини его оденьте. А я вас потом пофоткаю. Для гостей.

— Со снеговиком? — переспрашивает.

— Да, — подтверждаю.

— В бикини.

— Ага.

— И когда лепить?

— Да вот прямо сейчас и идите. У клуба есть хороший сугроб, вам хватит даже на большого.

Она смотрит в стену. В темно-синюю пористую поверхность, утыканную цветными светильниками. Переводит взгляд на меня и утверждает:

— Вы издеваетесь.

— Бог с вами, Кристиан, — неодобрительно качаю головой. — Даже не думал.

Она сидит еще пару минут, надеется. Но перед моей непреклонной гримасой надежда угасает, тлеет, Кристина вздыхает и хватается с подлокотника куртку.

— Позовите меня, как готово будет, — кричу ей вслед.

Двигаюсь поудобнее и листаю телефонную книгу. Надо возвращаться в большой бизнес.

Сверяюсь с расписанием в институте и договариваюсь о нескольких встречах. Н-да, отвык. Щас и нервничать не в цвет, но куда деваться, миром правят не любовь и не доброта, а стальные яйца.

Кстати, о яйцах, я еще не завтракал. Повар уже ушел или в клубе?

Повара нет, ну ок, чревоугодие оставим на потом. Поднимаюсь наверх за пальто. Заруливаю в костюмерную, прихватываю купальник для снеговика и выхожу на улицу.

Кристина возится в снегу у крыльца. На ступеньке лежит аккуратный кругляш, голова стало быть. Она пыхтит и катает туловище. Тяжело дышит, между зубов торчит кончик розового, как у котенка, языка. Видит меня и предупреждает:

— Только ломать не смейте.

— За кого вы меня принимаете, Кристиан, — спускаюсь ниже.

— За мужчину, — стучит ладошками по комку снега. — Знаю я вас, — да что ты говоришь. Она трет варежкой влажный лоб и продолжает. — Как-то давно я сделала на лавке у подъезда снеговика-маму и снеговика-дочку. Вместо глазок и носа почки с сирени. Ручки веточки. Уходить домой боялась, рядом с мерзкой-мерзкой ухмылочкой крутился соседский

пацан. Я его попросила не трогать, он: да-да, Кристин. Ага. Догадываетесь, чем все кончилось? Я когда уже дверь подъездную открывала, обернулась. А он злостно моих снеговиков потрошил, садисты обзавидуются, — она разгибается и обличительно тычет в мою сторону. — Вопрос: почему по статистике на одного достойного волка приходится семеро кретинских козлят. В смысле козлов.

Она смотрит на меня.

Я разражаюсь хохотом.

Однако.

Что у нее с башней? Большой дичи в жизни не слышал. Она хмурится, я вытираю выступившую слезу и уточняю:

— Кристиан, я верно понял, вы меня только что козлом обозвали?

— Бог с вами, Александр Александрович, — передразнивает она. — Даже не думала, — поворачивается спиной и катит ком вдоль крыльца.

Оглядываюсь по сторонам. Народ и так с вопросом в глазах: "что она мутит", недоуменно чешет мимо. Если тоже начну ковыряться в сугробах, глупость зашкалит. Идея с дурацким снеговиком вообще нелепица. Но руководитель слов не забирает.

Дилемма. Если я уйду, буду...

козлом, как ни крути. А я не такой, нет.

Хмыкаю и натягиваю перчатки.

— Что я вижу, — она с удивлением наблюдает, как я сгребаю в кучу снег. — Хозяин помогает рабу.

— Не делайте вид, что не рады мне. Вы ведь опять меня хотите, Кристиан. У вас соски встали, торчат. Специально без лифчика, соблазняете?

Она смотрит на свою ярко-розовую дугую куртку. Поднимает голову и вдруг швыряет в меня снег. Смеется с моей ошалелости. Такая звонкая, что меня зашибает ее весельем, отряхиваю пальто на груди и улыбаюсь в воротник.

Смотрю на часы. Уповаю на удачу, что найду фартовое число. Если есть девятка и пятерка — мой личный цифровой апокалипсис, то и антипод тоже есть. И я его вычислю, базара нет.

Маниакально звучит. Как и другие выверты мои. Но фак оф, не канает.

Соединяем снежное туловище и голову. Отходим на несколько шагов и придирчиво осматриваем творение.

— Трусы не налезут, — сообщает Кристина. Подбрасывает в воздух кусок красной атласной тряпки. Отбивает в меня, как мяч.

— Будет без трусов, — перехватываю стринги.

Она обходит снеговика и натягивает на него лифчик.

— Хотя он как-то... — сомневаюсь. Не нравится мне композиция. — Надо в игрушках порыться. Искусственный фаллос добавить.

— В бюстгальтере и с резиновым причиндалом? — она выглядывает, критически закатывает глаза. — Это извращение.

— Это трансвестит, не будьте ханжой, Кристиан. Кстати, а вы в трусах?

— Да. А вы?

— Пошлите ко мне в кабинет, покажу.

— Вам обязательно так себя вести? — она сдувает волосы со щеки. Оборачивается на звук хлопнувшей двери и кричит появившемуся уборщику. — Мистер Пропер, будь другом, у

входа в костюмерную коробка нераспакованная с игрушками, принеси, а?

— Ладно, — парень лупится на нас, на снеговика и без комментариев шмыгает обратно. По хитрому виду ясно — к вечеру растреплет всему клубу, что у босса поехала крыша. Деталей, наверняка, добавит, что я в сугробе звездочкой валялся, на суженого гадал.

Отряхиваю одежду. Классический однобортный честерфилд, черный кашемир. И куда только полез, дяденька, что-то со мной не так, однозначно.

— Бюстик не застегивается, — жалуется Кристина. — Крючки погнутые.

Приближаюсь к ней и пристраиваюсь позади. Перехватываю её запястья и разворачиваю ладони вверх. Белые вязаные варежки тонут в моих черных перчатках. Она думает, что я буду ее тискать, дергается и ударяется спиной мне в грудь.

— Вы в курсе, что это бесполезно? — открывает она секрет. — Ваши театральные домогания меня смешат, ясно?

— Где вы видите театр? — перехватываю ее руку и большим пальцем давлю варежку. Понижаю голос и почти касаюсь ее уха. — А у вас между ног интимная стрижка или гладко выбрито? Я сквозь джинсы не прощупал толком.

— Может, теперь я у вас пощупаю? — прилетает неожиданное. Она резко поворачивается ко мне лицом и склоняет голову набок. Смотрю на четкую коричневую родинку над губой. Карамельно-сладко пахнет помада, она так близко, что ее запах почти на мне. — Так как? Поднимемся к вам в кабинет? Или всё, обратку даёте?

Замешательство могло виснуть и дальше, но отвратный скрип железной двери, как гонг в конце раунда по реслингу, растаскивает нас в разные стороны. Мистер Пропер спускается с крыльца.

— Ты чудо, — Кристина чмокает воздух, забирает коробку и садится перед ней на корточки.

Застегиваю лифчик на снеговике и слежу, как она невозмутимо роется среди анальных пробок, шариков, всякой всячины. Достает большой багровый дилдо и срывает прозрачную упаковку.

Подмывает пошутить на счет ее любимого размера, но что-то молчу. Все еще мысленно аплодирую. Шикарный ва-банк на грязные подкаты, красиво вырулила, молорик просто. Отвалить от нее, что ли и пусть работает, достойно ведь справляется. И с гостями общий язык нашла, факт, на ее должности зажатость жирный минус, а скромностью от админа и не пахнет.

— Вроде готово, — она отряхивает руки.

Отходит назад. Равняюсь с ней. Смотрим на снеговика. Ну, ничего, такой себе трансавангард. Покатит, искусство оно масштабно.

— Вставайте к нему, — достаю телефон из кармана. — И не кривитесь, где ваши манеры, — замечаю ее скепсис. — Улыбайтесь.

Она растягивает улыбку и поднимает перед собой два пальца. Шлепаю несколько фотографий.

— Все? — вприпрыжку бежит ко мне, заглядывает через локоть. Придирчиво листает снимки. Заявляет. — Фу, удалите, некрасиво. У меня нос красный, как у алкаша. Давайте я схожу за пудрой и переделаем.

— Перестаньте, Кристиан, обычный красный нос, — дергаю к себе телефон. Кошусь на ее нос.

Правда ведь, замерзла. Уже хочу предложить горячий чай, но гаджет в руке взрывается

входящим звонком. Тупо смотрим на фотографию Маши на экране и подпись "жена".

Изгибаю бровь и принимаю вызов. В мозг сходу вгрызается ее визг:

— Саша, ты спятил?! Егор вчера как уехал к тебе, так только шас вернулся домой! Все мне рассказал, все! Тебе сколько лет, вспомни, что там у тебя за шалава малолетняя? Одногоруппницу сына тащишь в кровать, совсем в своем клубе мозги вытрахал? Какая мерзость!

— Маш, слушай, сюда, — закипаю и дергаю бороду. — Егор ошибся, я ему уже объяснил. А если он и дальше будет пороть дерьмо...

— То что?! — орет Маша. — Сыну угрожаешь? Вообще ничего святого не осталось?! — жену несёт, слушаю эту ересь вполуха.

Кристина топчется неподалеку, прижимает к себе коробку. Поразительно, меня обвиняют чёрте в чём, но хотя бы со мной теперь разговаривают. Егор вчера два раза звонил, позвить, но сам ведь, раньше так элементарно трубку не всегда брал. А теперь еще Маша.

И то ли благодарить девицу за услугу, то ли прибить по той же причине.

Прооравшись, Маша сбрасывает звонок.

— У вас все в порядке? — спрашивает Кристина, глядя, как я треплю бороду.

— Да, — разжимаю пальцы. Сбрить ее к черту, пока с корнями не выдрал.

— Дак мы пойдём внутрь? — она нетерпеливо опирается на перила. — Я замерзла, — шарит в куртке и достает пиликающий смартфон. Зажимает зубами варежку, всматривается в экран и выплевывает ее на ступеньки. — Убиться тапком. Что за мутотень?

— Мой любимый цвет. Мой любимый размер, — говорю светловолосой девушке, сидящей на лавочке. Показываю на ее розовый чемодан и плотоядно облизываюсь.

На дисплее смартфона отображается, как она хлопает книжкой в яркой обложке, поднимает за ручку чемодан и почти роняет горшок с фикусом, когда быстренько чешет подальше от меня.

Странно, куда она так шустро сдёрнула?

Ну, не отвлекаемся. Итак:

Вариант А. я клептоманка и, когда жертва отвернется, сопру ее саквояж цвета поросенка.

Вариант Б. я на задании.

Переключаю камеру на фронтальную и говорю: "дамы и господа, сыграем в игру? Винни-Пух продакшн, давайте взорвем мир вместе".

Зашкаливающий пафос. Медведь от скромности не помрёт.

Прерываю трансляцию. Смотрю на Николь. Она докапывается до какого-то лысого мужика.

Бедняга присел отдохнуть за пластиковым столиком мини-кафе, макает пакетик в чай, а Николь, наклонившись над стаканчиком, комментирует его действия: "он входит и выходит. И входит. И замечательно выходит".

Судя по лысине, окрашивающейся в сочный помидорный и рявканью "а ну, пошла отсюда", мужику не нравится ни Николь, ни участие его чая в съемках.

Подельница сворачивает кино и торопится ко мне.

Мы торчим на вокзале с трех часов дня.

Витражи на окнах, запах столовой, нагруженный пожитками народ. Электронное табло показывает уже девять вечера — мы устали.

Винни-Пух ответил на мое объявление вчера ближе к ночи. И чтобы убедить банду в нашем обожании и желании влиться в их ряды — мы проходим проверку.

Первое задание от медведя пришло в обед. И теперь каждые три часа мы выставляем себя дурами в размеренных очередях, несем мультяшную чушь, а в доказательство ведем прямую трансляцию в соцсети. Набираем подписчиков.

"Мой любимый цвет. Мой любимый размер" — этот текст я выдавала на хот-дог в руках таксиста, на камуфляжный бушлат симпатяшки военного, и на чемодан барби минуту назад.

— Фух, — Николь бухается на сетчатый стул рядом со мной. — К женщинам лезть безопаснее, да-а. Пошли поедим? — кивает на вывеску на втором этаже. — И почему нам достался вокзал? Гады Ваня с Егором, им в трк и в кино можно сунуться на перерыв. И в боулинг, — она листает страничку Егора и возмущенно шипит. — Ага, в бильярд играют! Фотку выложил, засранец.

Завистливо вздыхаю. Нас с Николь курируют Пятачок и Пух, скучные личности, а Егору с Ваней повезло, с ними закореслились ослик и кролик, и отправили их кривляться в центр брендовых магазинов, модных рестиков и новогоднего настроения.

У нас же тут развлечений раз-два и умножить на зеро.

И интернет долгий. Планшет виснет. Всегда кучу вкладок открываю, когда по свингерам

подготовку веду.

Есть мысляшка, что над нами кто-то угарает, заставляя сутки торчать в зале ожидания. Но медвежий беспредел и независимость от норм близки массе малолетних максималистов, поэтому наши видео набирают просмотры и в ленте все чаще мелькают теги #играПуха; #давайтевзорвеммир. Поклонники шайки пишут "ребята, жгите чёнить покруче, как сам Пух, ждем", и в сетях растёт шурум-бурум.

Пурум-пум-пум.

После полуночи нас настигает страж порядка. Он подозревает, что мы с Николь бомжи, и чтобы нас не погнали с вокзала, приходится оформить бронь на билеты в другой конец области. Вот они, наши первые расходы на расследование. Это дело решаем отметить и атакуем столовую.

Продавец нам, как постоянным посетителям, посвящает оскал в тридцать два норма.

Блин, я толстею. Чай с пироженками. Не надо так.

В три часа ночи восхищаюсь цветом и размером белой норковой шубки вошедшей женщины, и наворачиваю вокруг нее круги с камерой. Николь мешает другой тетке заряжать гаджет, очарованная, как блок питания легко входит и выходит из розетки.

А дальше полицейский упирает руки в боки и запугивает, что если мы еще раз подойдем к кому-нибудь из присутствующих, то на поезде не покатаемся, он запрет нас в кутузку.

Не впечатляет, нет, не перебить азарта, наше призвание — голая правда, выпущенная в медиа. Николь даже перенесла на выходные пластику губ, а это таки подвиг.

— Будем осмотрительнее, — шепотом хихикает Николь ему в спину.

В девять утра на работу не еду. Рассчитываю, что денёк можно пропустить, тем более, что я и так много тем для оформления накидала Василине в личку, продуктивная ночь у меня была.

В двенадцать часов в институте начинается сдвоенный практикум по английскому. Который мы не посещаем. Вторая жертва ради медведя, теперь моральная. Я не была готова рисковать столь многим, во что мы ввязались, о-о-й.

А еще во мне зарождается маниакальная привычка постоянно смотреть на часы. Алекс, сечёте о чем я?

Босс, кстати, похоже допер, что я ответственный, исполнительный, умный, самый лучший сотрудник, о каком он всегда мечтал. Снежная поделка открыла ему глаза, и да воцарит штиль, я в восторге. Работаем.

На учебу успеваем к середине проектного семинара. У нас наполнение сайтов контентом, бригадная работа.

Бесшумно открываем дверь аудитории, как мыши, крадемся с Николь вдоль стены к братве. Три хитрожопа, которые с нами связались цинично рассудив, что мы с Николь по-бырому организуем всей пятерке зачет, при виде нас оживляются:

— Где вас носит, ёлки-метёлки?! Мы так проект завалим!

— Ш-ш-ш, заткнитесь, а то она спалит.

Смотрим на преподшу, она объясняет что-то другой бригаде. Пока не обернулась, раскладываем на столе папки и притворяемся, что мы тут с самого начала сидим.

Вплоть до звонка трудимся. На перемене пересекаемся с Егором и Ваней. Они остаются на лавочке у окна, я спускаюсь вниз за кофе нам с Николь.

Когда забираю первый стаканчик, на запястье смыкаются пальцы в татуировках. Заплескав кипятком руку, выдирают у меня кофе, и смятый стакан летит в мусорку.

— Александр Александрович, — начинаю, но он хватает меня за ремень, стягивающий платье на талии, и тащит в полутемь за автоматом. Ударяюсь спиной в справочный стенд. Он грубо сует мне сложенную бумагу.

- На. Тебя щас убить или ночи дожждаться?

Повторяю про себя вопрос и не нахожу в памяти, где я налажала. Расправляю лист. Белый, с приклеенными разноцветными буквами разной величины. Классическая анонимка, строго по фильмам.

Преподаватель Аверин предлагает Кристине Абрамовой переспать за зачет.

— Что это? — поднимаю глаза от доноса.

— Это декан мне дал, — он старается говорить спокойно, но скатывается в рычащие нотки. — Объяснишь? Я, может, не допёр, ты этого и добиваешься? Переспать со мной? — вырывает письмо и швыряет нам под ноги. — Поэтому рядом крутишься?

— В смысле? Вы думаете, я декану поклёп настрочила? — осознаю обвинение и бью каблуком по анонимке. — Мне по-вашему, больше делать нечего?! Сына своего лучше спросите. Всё, — указательным пальцем ставлю на его пиджаке жирную точку этому вздору.

— Сына я уже спросил, — он перехватывает мою руку и наклоняется ближе. — Значит так, Кристина, — нудным, учительским голосом дает разъяснения. — Мне тридцать девять лет и романы со студентками, которые младше в два раза, меня не прельщают. Потуги свои бросьте. Между нами ничего нет и не будет. Вы меня услышали?

Моргаю. Хмыкаю.

Вечные подачи ахинеи забили поле, вытерпеть прилетевшую в меня заносчивую лекцию уже не могу, она ухлопала внутреннего ангела. Цепляюсь в ворот его рубашки, тяну к себе и канючу:

— Но почему? Я вас так хочу, что мозг отшибает. Давайте хоть один разочек. Ну пли-и-из, всю жизнь буду всевышнего благодарить. Мемуары напишу. Хотя бы один поцелуй. Вы ведь тоже хотите, сами втирали о взаимной симпатии. Так будьте мужиком, а не балаболом, сделайте уже это.

Он смотрит на мои губы. Долго, неотрывно, и мои слова обретают статус правды. Мне действительно отшибает мозг выстрелом в упор, снаряд, замешанный на запахе сигарет и муската. Вот оно, его шутка затянулась, обернулась фатальной истиной, сию секунду всё всерьез, уверена, его взгляд огнем печёт мне рот дотла. Он медленно, словно неохотно, поднимает глаза. Финал истории. В этом человеке моя гибель. Я встряла, у пропасти на краю, заморожена, его черноте нет дна, она стирает шум коридора вместе с институтом, городом, страной и материком. Плывет пол и стенд под лопатками, и его рубашка моя единственная опора, сжимаю крепче, девочку разматывает магнетизм, тяжелый и темный, он толкает к пороку во мрак.

Начала с насмешки

а теперь

жду поцелуй.

— Ладно, — его шепот, словно из-под обвала, с адского дантовского прелюбодейского кружка. — Прям щас трахну, если так просите. Женщинам отказывать грех. Только целоваться не будем, не обижайтесь.

Он ныряет ладонями мне под платье, бормочет "в чулках в минус десять, дура", и вдруг слышу звук рвущейся ткани. Белье врезается мне в кожу, боль вытравливает желание вкус мужских губ узнать, выворачиваюсь и паникую:

— Уберите руки, я пошутила!

— Зато я не шучу, — он сдирает с меня тонкие бесшовные мини и отбрасывает в сторону.

— Ребят, а что по углам ныкаетесь? — прилетает едкий вопрос и мы поворачиваемся на голос. — Устроились бы сразу у ректора на столе, там удобнее.

Смотрю на Егора. Изогнутый фейс, кардиограмма желчи, яда и злобы. Опирается плечом на автомат, ноги крестом, носком ботинка стучит по полу.

Я терпеть его не могу, но он вклинился такой необходимой паузой, восстанавливающей дыхание. А следом приходит новая мысль, что если бы он не лез в чужие, и так сложные отношения, я бы тут щас не стояла, как снеговик без трусов, и не горела, как снегурка, доигравшаяся с костром.

— Это все из-за тебя, стукачила, — одергиваю платье и ныряю под рукой Аверина. Кручу пальцем у виска. — Буковки из газет вырезать, на бумажку клеить, ты серьезно? Так тебе не на журфак, а в садик детский дорога, Егор. Там оригами делать научат еще. Будешь самолеттики, кораблики складывать, дебил.

— Крис, у тебя тоже на панели больше шансов, чем в институте, — он перебрасывает в руках бутылку минералки, чертов жонглер. — Пап, ты ее до сих пор не послал что ли? Она же халтурит, бревно бревном.

— Егор, фильтруй базар, если отхватить не хочешь, — Аверин наклоняется, поднимает мятую анонимку. — Я же тебя спросил: ты написал? Нагадил, а признаться жим-жим?

— Я ничего не писал, — отрицает Егор. — А даже если бы... — продолжение его фразы тонет в звонке на пару. Егор ждет окончания трели. Повторяет. — А даже если. Я в чем-то соврал? Невинных оклеветал? Торчите у всех на глазах, только что не под камерами. Короче, — он стучит по циферблату часов. — Мне учиться пора. Мы вроде как в учебном заведении?

Разворачивается. Смотрим, как он идет к лестнице и сливается с толпой студентов.

Аверин дергает бороду. Откашливается в ладонь.

— Простите, Кристина, я не должен был так себя вести, — говорит, не глядя на меня. — Я бы ничего такого не сделал, поверьте, просто ситуация... — он матерится себе под нос и лезет в карман. Таблетки, ага. — Подобного не повторится, не бойтесь, — заверяет, проглотив капсулу. Натыкается взглядом на порванную синюю кучку кружев у стены. — Я сейчас сгоняю до магазина и куплю другие. Идите на пару.

— А вам на пары не надо? — мнусь на месте. Ощущаю неловкость, и не знаю, как сгладить.

— У меня с шести занятия, — он бросает бумажный комок в урну, и конец беседе.

Вздыхаю и плетусь к лестнице. Без белья неудобно и ветренно, и походка нога за ногу, как у артритной пенсионерки.

Перед преподашей делаю скорбное лицо, опаздывать больше не буду, да-да. Размахивая руками, специально иду мимо стола Егора и сбрасываю на пол блокноты и телефон.

— Спасибо за кофе, — встречает Николь. — Ой, какой горячий, крепкий. А как пахнет, м-м-м.

Нет мыслей в ответ на ее подколы, и на авторское наполнение тоже. Хотя, если можно оформить сайт материалами на тему "я же не идиотка, я видела, что он готов был залезть мне в рот своим языком, и тот момент наполнился такой неприкрытой чувственностью, что еще чуть-чуть и я бы узнала красоту чистой, без примесей тяги между женщиной и

мужчиной, но он грубо и нарочито все обломал, свернув к обыденному "трахну" ", то тогда наберется приличный контент.

Не переставая, смотрю на часы, и когда через полчаса дверь открывается, и его голос говорит: " Анна Валентиновна, Абрамову Кристину на пару минут украду у вас", я подрываюсь с места, не дожидаясь разрешения.

Выскакиваю к нему в коридор.

— Вот, — он сует мне бумажный подарочный пакет. — Не уверен с размером, пришлось на глаз брать. Ну, вам только до дома добраться, — он собирается уйти.

— А что вам декан сказал? — останавливаю вопросом. — Он поверил в донос?

— Нет, я разобрался. К вам вопросов тоже не будет.

— А...

— Кристина, извините, но у меня еще дела, — перебивает он, поворачиваясь спиной. — До свидания.

Бред. Даже посмотреть на меня не может, в чем проблема, мы ведь оба это ощутили, что-то новое, другое, абсолютное.

Иду в туалет и в кабинке вытряхиваю обновки.

Нда. Спортивные трусы-шортики с кошачьей мордой, плотные черные колготки и чупа-чупс.

Толстый намек. А почему не панталоны, гамаши с начесом и погремушка? Кого из нас он убедить пытается, что я ребенок.

Одеваюсь и возвращаюсь в аудиторию. Николь отодвигает в сторону блокнот:

— Чего Аверин хотел?

— Да там, презентация, — машу рукой.

— А-а. Блин, жаль, что у нас его пары так редко.

— О-о, опять Александр Бородач, — напротив хитрожоп закатывает глаза. — Девочки, надо понять и простить судьбу, что клал он на вас. Заколебали эти сопли.

— Завидуешь, что на тебя всем плевать? — бросается в атаку Николь-заступница. — Так ты отрасти бороду, а там глядишь и обломится чего.

Слушаю перепалку и рисую на обложке тетради волка. Рядом козла.

Сердечный ритм восстановлен и теперь думаю, может, мне всё показалось, и он просто злился. А я реально глупая, ведь полным ходом, с ветерком, быстротечно превращаюсь в одну из его фанаток.

С пятницы перехожу в любимый режим.

На завтрак сыр с оливковым маслом, свиной окорок (я не съел, я же теперь кавер-версия себя и не ем мясо, его просто подавали вместе с сыром), крепкий кофе и деловая встреча. На обед жареный картофель с шампиньонами, салат с зеленой фасолью, ром и деловая встреча. На ужин рулетики из баклажанов, йогурт, ром и встреча, да. Вот так — если хочу вернуться в издательство, нужны другие спонсоры. Со старыми мы обратно не подружимся.

В плотном графике нет места выходным и институту, на начало недели ставлю себе замену.

В понедельник с утра от администратора приходит приглашуха на вечеринку.

На картинке наш снеговик, она, и просьба согреть холодных сноувумен грядущей ночью.

Смотрю на ее улыбку, и нездоровое желание согреть ее саму растет. Я не близорукий, когда эти малолетки влюбляются, у них на лице написано, за три месяца преподом считывал посыл сотню раз. Но в четверг, там за автоматом, у меня был ответ. Она ждала. Я почти поцеловал.

И боже, спасибо за разум, осадил вовремя. Порвать трусы и потащить в туалет — ноль романтики, и настроенная на конфеты-букеты-розовый-плюш девочка струхнула бы, и выбила дурь из головы, она и так испугалась. Собственно, тпру, закрыт вопрос.

Но есть один неприятный момент — зачем тайком возвращаться и забирать ее трусики? Как бы всё ясно предельно, чего им там валяться, мы в институте, а не в борделе, их надо выбросить. Но так вышло, что мусорка, оказывается, находится у меня в кармане брюк.

Собираюсь выкинуть, но
что-то с памятью моей стало
забываю.

Данке шён привычной обстановке, окунувшись в мир переговоров просёк фишку. Клуб, институт, семья — окружающий мир навязывает мне этого малыша, как осточертевшую рекламу. Обычная психология, сначала не внимаешь, потом напрягаешься, потом присматриваешься, потом хочешь.

И мне, увы, не катит вестись на пиар-акции. Не получится с дублером британской корреспондентки сотрудничества, раздражитель пора убирать.

Выкраиваю свободное окошко во вторник с утра и еду в клуб. Засохшая пена на стенах, гамаки под потолком, одежда и филиал секс-шопа на полу — уборщикам стоит зарплату поднять. Василина подбивает итоги по Пурге. Как и неделю назад, кладу перчатки на стойку, дежавю, вот тут на стуле вторая админ сидела, а сегодня вместо нее розовая куртка. Здороваюсь, оглядываюсь, спрашиваю:

— Где Кристина?

— Кто? — Василина непонимающе морщит лоб.

— Кристиан.

— А. Вон они с Котиком, — она показывает мне за спину. — Вчера выбирали Снежную Королеву, и гости с тронном наворотили жести. Вакханалия в историю войдет.

Поворачиваюсь.

Сцена, бдсм-кресло с балдахином, стилизованное под ледяное. Бармен держит

стремянку. Кристина копошится на верхних ступеньках, пытается выдрать рваные шторки, застрявшие на сломанных деревяшках.

Элитный бархат. Изящная ручная вышивка. Эксклюзивный дизайн. Чем тут надо было заниматься, чтобы чикнуть ткань и в щепки раздербанить каркас?

Подхожу ближе и отсылаю бармена:

— Иди, сам лестницу поддержи.

Парень смотрит на меня, на нее, многозначительно хмыкает. Прямо при мне, пока со сцены спускается.

— Работать надоело? — обрываю веселье.

— Нет-нет, — поспешно заверяет. — Говорю: доброе утро, Александр Александрович.

Беспредел какой-то.

Задираю голову.

Она замечает рокировку.

— Привет, — шуруется сквозь перекладыны. Радостно вываливает. — Вы зря вчера сейшн проигнорировали. Офигенное шоу, если бы вы видели, Александр Александрович. Дали бы нам премию. Гости в восторге, сказали, одна из лучших вечеринок. Если не верите, почитайте отзывы.

— Почитаю. Вам долго еще?

— Ага. Намертво застряла.

— Кристиан, бросьте вы эту штору и спускайтесь, — дергаю бороду. Подбираю слова. — Есть разговор.

— Звучит угрожающе, — она картинно сводит брови. Поворачивается спиной к ступенькам и медленно сползает вниз.

Белый верх, черный низ, как приличная школьница. Кожаные брюки и обтягивающая футболка. Лифчик просвечивает, не белый. Наверное, темно-синий, в тон трусикам у меня в кармане. У меня некомплект.

Не рано ей женское белье носить? Чем пахнут кружева, шоколадом и жвачкой? Полюбому. Но проверять и нюхать не буду, как подъездный токсикоман совать нос в мешок с клеем — несуразица.

Она равняется со мной, и надо убрать руки со стремянки, чтобы она слезла, но так и держу ее в кольце. Хочу избавиться и не даю уйти. Никогда не страдал непоследовательностью. Скверная канитель.

— К вам в кабинет? — спрашивает.

Она близко, сантиметрах в двадцати. На расстоянии стояка, если штаны и боксеры снять, в нее упрусь. По-новой думаю об этом — едет моя крыша.

— Без кабинета обойдемся, — разжимаю пальцы и отодвигаюсь. — Я коротко, Кристина. Обдумал нашу проблему, не получается у нас. Работать, — вижу, как увеличиваются ее глаза и ручаюсь. — Нет, не переживайте, я помогу. У меня много друзей, пристроим вас куда-нибудь. В более подходящую обстановку.

— А что случилось? — она хмурится и делает шаг ко мне. — Что я не так сделала?

— Ничего вы не сделали, — спускаюсь и застегиваю пальто. Жарко, но прячу большой и толстый позор. — Надо так. Давайте не будем мои решения обсуждать.

Тихо. Сомневаюсь, не перегнул ли. Вдруг заплачет. Видел, глаза блестели.

— Как вам угодно, — сопит мне в спину обиженно. И уже другим, требовательным голосом говорит. — Тогда поехали на другую работу.

— Мне сейчас некогда, — сухо отказываю.

— И?

— Я потом вам позвоню. На днях.

— У меня на днях тоже дела. Поедем щас.

— Простите? — оборачиваюсь. — Вы мне условия выдвигаете?

— Сами сказали, что поможете, — она прислоняется к колонне. Широко улыбается. —

Мне нужна помощь. Скорая. Скорейшая. Хелп ми, Александр Александрович.

Нда, реветь и не собиралась. Коза. Просто таки напрашивается гонор ей сбить. Попу намылить. Хвост укоротить.

Но у меня желания нет.

— А до завтра не потерпите? — тоже улыбаюсь.

— Неа. Я в беде, — тяжело вздыхает.

Такой примитивный флирт, а я обезоружен. Карамель на губах и вылетающая из них бесцеремонность — убойный прием, сразу на поражение. Уму непостижимо, где этих журналистов выращивают, самобытный бон-бон.

— Хорошо. Мне позвонить тогда надо. А вы откуда родом, Кристина? — спрашиваю между делом, лезу в карман за телефоном и заодно с соткой вытягиваю...

ну, разумеется, ее трусы. И вместо того, чтобы небрежно сунуть обратно, пока она не допёрла, отрицаю:

— Это не ваши.

Мозг между ног — страшнейший диагноз.

Она моргает. Тянет руку, но я убираю тряпку в пальто. Ловит мой взгляд.

Цвет какао вокруг зрачков. Горячее, из желтой коробки с зайцем. Витамины, железо и цинк. С кальцием.

Воспроизводи состав хоть всей продукции "нестле" — бесполезно, не отвлекает, опытный лицемер теряет контроль и выворачивается наружу. Она видит, что я тоже. Дышу неровно со сбоями. Я так алчно смотрю на нее, что и слабоумный в тему въедет.

— Александр Александрович.

Смотрю на часы. Поднимаю палец вверх, чтобы не мешала, и прижимаю телефон к уху. Иду к стойке, забираю перчатки, договариваюсь с людьми о переносе встречи.

Она хвостом за мной, на ходу влезает в куртку. Кричит Василине, что еще напишет ей.

На парковке мешкает, стильный ягуар и комфортная поездка — несочитаемо. Кутается в предложенный мной плед из верблюжьей шерсти.

Во втором звонке говорю в телефон: "подъеду с девочкой, у тебя там вакансия вроде была". Обсуждаю погоду и выходные, забивать эфир дальше тупо нечем, и я кладу трубку.

— Куда едем? — Кристина ерзает на сиденье. — Вам повезло, что декабрь теплый. Пусть и снежный. Вы не мерзнете?

— У друга сеть хостелов, как раз главного администратора ищет, — выруливаю на улицу. — Придется по городу мотаться, но зато начальницей будете, как Василина.

— А друг ваш согласится? — сомневается.

— Я вас похвалю, — кошусь на неё. Грызет ногти. — Кристина, не паникуйте, вы умница, — ободряю. — Я нечасто встречал таких... — тянет сказать абсолютно отбитых, но кусаю язык, — амбициозных детей.

— Вам самому не смешно? — она с раздражением выпутывается из одеяла. — На детей так не смотрят. И трусы...

Фразу не заканчивает, но и без того гребаный стыд. Старую, факт. Косяк на косяке.

— Да, вы правы, — спокойно подтверждаю. Добавляю убедительных интонаций. — Вы красивая девушка, Кристина, я уже говорил. Но вы сами знаете, в какой атмосфере мы работаем. Когда под ногами валяются вибраторы и упаковки от презервативов, как мне еще реагировать, я здоровый мужчина. Вы путаете обычное половое влечение и сантименты. Идеализируете отношение к вам. Зря. Надеюсь, моя прямота не задевает. У вас ведь все еще впереди. Вы встретите хорошего человека, и любовь.

— Может, я уже встретила, — пренебрегает моим ликбезом.

Так нельзя, но не сдерживаюсь и смеюсь:

— Мне льстит, безусловно. Но вы не понимаете, что несёте. Закончим с этим, ладно?

Она отворачивается к окну. Всю дорогу едем без слов. Паркуюсь рядом с длинной пятиэтажкой, киваю на первый подъезд:

— Двойные двери видите? На третьем этаже наша организация.

— Не провожайте, — заявляет, выскакивая и хлопая дверь.

Вылезаю следом. Гордячка, не дожидаясь, стартанула ко входу. Деловая. Сердится. Ничего, перетопчется. Через недельку-другую со сверстниками. В их возрасте быстро хотелки меняются.

Отстаю, на крыльце поправляю пальто. Прохожу холл, мимо кресел и работающего телевизора, мимо лотка с прессой и кулера с водой. Резко останавливаюсь.

Возвращаюсь к крутящейся подставке с книгами и журналами.

Прямо перед глазами пестрым пятном маячит дешевая газетенка. Неведомое алогичное нечто. Моя фотография в одном полотенце в 24-дюймовом формате с мощным заголовком сорок восьмым шрифтом:

"Он извращенец!" — любовница Александра Аверина раскрыла подробности интимной жизни.

Вытряхиваю на прилавок деньги из кармана и снимаю пасквиль. С первых же слов не статья, а бред сумасшедшего. Моя любовница Кристина пожаловалась репортеру, что у меня проблемы с эрекцией. Потому, что я, как Бенжамин Франклин, предпочитаю старушек. Лет на тридцать старше. Но девушка отважно борется с моими загонами, и иногда, если мы выключаем свет и слушаем мою любимую Надежду Кадышеву, я могу словить стоячок.

Переворачиваю на главную. Зачетная фотка. Я тогда как раз из душа вышел, и мы по видеозвонку трепались. Не она значит, с анонимкой и деканом. Ага. Разводит меня. Как пацана. За наивной девочкой прячется юная расчетливая дрянь. Ну как так.

— Слава богу, вы еще здесь! — долетает до ушей ее голос. — Мой телефон... в машине, — говорит с паузами, склонив голову над газетой. Ее волосы щекочут мне руку, пока она читает заголовок. Вскидывается. — Ужас. Это не я, — лепечет, отскакивая. Выставляет вперед ладонь. — Стойте. Скриншот делала, да, но кто-то спер телефон и слил фотку, клянусь. Вы мне верите?

Я ей не верю, сворачиваю газету рулоном и иду на нее.

— Плиз, — голос транзитом в писк. — Выпейте таблетки, и мы поговорим. Вы слишком бешеный.

Я слишком бешеный? Пакость мелкая.

Срываюсь с места. Она толкает дверь и шмыгает на крыльцо. Несется по ступенькам. Навстречу поднимаются бабки, молниеносно делают выводы: "воровка, мужчина, ловите скорей, полиция-я-я".

Я ловлю. Почти у машины, хватаю за капюшон и толкаю животом на капот.

Женщин никогда не бью, но она заслуживает порки, свернутым журналом от души прохаживаюсь ей по жопе. Она извивается, я давлю на спину, удерживая на месте, она визжит:

— Отпустите!

Ее короткая куртка задирается вместе с футболкой. Упираюсь взглядом в голую поясницу с двумя ямками, покрытую светлым пушком волос. Выпирает позвоночник, хрупкие острые косточки, и кончается моя воля.

Спускаю ладонь ниже и веду по гладкой коже. Наваждение. Сжимаю второй рукой и грубо разворачиваю к себе. Она покраснела, волосы растрепались, глаза горят.

Ныне целиком в моей власти, но не знаю, что с ней делать.

— Мне не нравятся ни старухи, ни малолетки, — говорю по слогам. — Долго будете привлекать мое внимание подобной ересью?

— Ну все, — она со свистом выдыхает воздух. — Оба достали. И вы, и ваш стукач сыночек. Два пупа земли. Если вы еще раз...

Затыкаю ее. Как порыв, как аффект, как приступ, сам не думаю, вырывается так долго копившееся. Наклоняюсь, язык мазком по ее губам, полоска слюны на блестящей краске помады.

Моя ошибка. Моменталом сохраняется в память, доступ ограниченный, мне и ей, и больше никому. И больше никогда. Я спятил, ау, сценарист, вырежи это.

Поспешно отодвигаюсь. Она встает на носочки и сама прижимается к моему рту. Вползает вирусом и жрет настройки. Горячая и мягкая, очень сладко. Обнимаю, поднимаю за бедра и сажу на капот, она цепляется мне в воротник, и я наваливаюсь ближе. Пью медленно, как сок из трубочки, а ей не хватает моего языка. Осторожно скользит по нижней губе, пробирается в рот. Невыносимо, волком вой, сдаю позиции и углубляю поцелуй. Соединяемся, она мычит, меня уносит. Уже причиняю боль, а затормозить не могу, редко целуюсь, и моя жажда калечит ее сказку. Остро сознаю, что это грань, и если сунусь дальше, башню сорвет, поимею мозг нам обоим и трындец, но не отпущу.

Приехали.

Второе задание от Винни-Пуха нужно выкладывать каждые два часа.

В два часа дня едем на выставку цветов. В четыре на выставку кошек. В шесть на фотовыставку. И вот в восемь вечера торчим в художественной галерее. Изучаем современное искусство. С Егором.

Николь с Ваней шатаются по музеям. Подкрадываются к кому-нибудь сзади и лопают над ухом воздушный шарик.

По-моему, у банды не все дома. Если бы нам предложили ограбить банк, я бы еще прониклась. Невыполнимая, но серьезная миссия. С флером американских боевиков. А таскаться по городу с горшком меда это клиника совсем.

— Твоя очередь, — напоминает Егор. С умным видом разглядывает желтую фигуру-абстракцию с непонятным смыслом.

В местный бомонд Егор четенько вписывается. Приличный молодой человек в костюме-тройке в клетку "принц уэльский", последние пуговицы на пиджаке и на жилете расстегнуты. И вокруг такие же напыщенные умники, которые не выставку смотрят, а себя показывают.

Вполне сносно выношу Егора. На счет того скриншота и газеты не парюсь. Сама виновата, оставляю телефон без блокировки где попало, и в аудиториях, и на работе. Для будущего репортера — грубейшее нарушение. Но меня бесят все эти пароли, а еще я рада, что так вышло. Потому, что у меня утром был самый лучший поцелуй за всю жизнь. Не за девятнадцать лет, а вплоть до старости, и в моем прошлом воплощении кошкой тоже, вот такие карасики.

Я в просветлении и до лампы мне, зачем и почему, некоторые люди возвращают подлость. Счастье пахнет дымом, ванилью и ромом. На зebre жизни полоса цвета снега, улётная метель.

На сегодня и завтра нам не поставили пары, всё к одному: занимайтесь расследованием, смельчаки, СМИ ждет вашу бомбу.

В состоянии возвышенности лезу в рюкзак. Откручиваю крышку на банке с медом.

— Включай трансляцию, — говорю Егору и скольжу взглядом по залу. У 3D-картины, с рвущейся из полотна злобной собакой, пристроилась блондинка в красном платье. Стоит удачно, видеонаблюдение галереи тот угол не захватывает. Киваю на нее. — Она, — мну в пальцах липкий, засахаренный мед, как пластилин, и размахнувшись, швыряю.

— Крис, погоди, только...не в нее, — обреченно заканчивает Егор, когда сладкая лепешка впечатывается той промеж лопаток.

Блонди опускает голову вниз. На желтоватый комок возле высоких красных каблук. Не может разобрать, что это такое и наклоняется. Извернувшись, щупает шелковую ткань платья и оставшееся жирное пятно. Оборачивается и голосит:

— Кто это сделал?!

Ой, на истеричку нарвались.

Мысленно прошу прощения и держу прицел на выход. Подмывает драпануть, но главное не бежать, как на выставке цветов, там мы сразу попали под подозрение, когда ломанулись к дверям.

Визгливый голос за спиной скорбит над нарядом от известного брендового дизайнера и костерит организаторов выставки. Это надолго.

Но она вдруг берет рекламную паузу и с безмерным удивлением окликает нас:

— Егор?! Ты что тут забыл?!

Кошусь на Егора. Он скрипит зубами, тормозит и улыбается:

— Мам!

Мам.

Мам?!

Блондинка подходит ближе. А я превращаюсь в сканер топового уровня с супер-пупер датчиками.

Длинные крашенные волосы, татуаж бровей, искусственные ресницы, яркая помада. В ушах, на шее и пальцах ювелирная витрина "золото-бриллианты". Объемы по телу 90-60-90, добро пожаловать на подиум.

Рядом Егор поражается встрече "ты откуда, мамуль", она манерно поправляет прическу и жмет плечами "я никогда не пропускаю крупные художественные мероприятия".

Вытираю пальцы влажной салфеткой и слушаю ее программу развлечений. Сегодня она еще поедет на презентацию к открытию модного ресторана и на фуршет — где же на все взять время. Ох-ох. Случайно обращает свое царское внимание на меня и спрашивает:

— Подружку просвещаешь? Мило. Но, Егор, дорогой, существует определенный дресс-код, почему бедняжку в таком виде привел?

Вгоняет меня в неловкость за мои кожаные легинсы и поло, на ее блистательном фоне я словно пришла сюда драить паркет в косыночке и темно-синем халате, с бесконечным ворчанием себе под нос "ходят топчут, а мы убирай".

— Да и боюсь, искусство не всем доступно для понимания, — рассуждает она милым голосом. — Умственные способности у всех разные. Егор, ты ее силой сюда затащил? Сынок, так нельзя, не все ведь такие утонченные, как мы с тобой. Да?

Так, где мое ведро с грязной водой. И швабра с вонючей тряпкой. Надо срочно помыть даме рот.

— У вас на платье, — развожу руки, показывая размер катастрофы, — жуткое пятно.

— Да, — она мрачнеет и щупает спину. — Какой-то идиот кидается медом, — оглядывается. — Пойду к охране камеры смотреть. Егор, позвони мне, если задержишься. А лучше дай подружке денег на трамвай, и поедем вместе на презентацию. Я немного выпила и за руль сесть не могу.

— Мамуль, не обижайся, у нас еще дело, — он приобнимает ее за плечи и чмокает в щеку. Тянет меня за лямку рюкзака. — Позвони Герману, составит компанию.

— Герман занят, — вздыхает она. Подумав, припечатывает. — Саше позвоню, все равно в клубе у себя ерундой страдает. Твой отец неисправим.

На ходу ковыряю банку. Хочу еще кинуть. Все лицо ей вымазать. Мух позвать. Такое чувство, что она специально. С другой стороны, откуда ей меня знать? И что я утром с ее бывшим мужем очень классно целовалась. И у меня болит губа. Но...

Саше она позвонит. Кажется, я только что познакомилась с ревностью. Неприятный субъект.

Сама ему позвонить хочу, но не могу. Когда выбиваешь себе место — это правильно, врубай апломб. А в отношениях первый шаг должен делать мужчина. Он и так думает, что с анонимкой и газетой — моя пакость. И завтра надо встретиться с тем его другом из

хостелов. Настаивает, якобы мне там лучше будет, ага, так далеко от него — чего хорошего?

И поговорить не получилось, у него перенёлся бизнес-ланч, и он уехал. Нет, денег на трамвай не дал, сам подвез. А я постеснялась спрашивать, что дальше. Для него это, вообще, что значит?

Мотаемся по выставкам. После двенадцати останавливаемся на ночной книжной ярмарке. Интеллигентный народ, но шатающихся от скуки бездельников везде полно. Ночь ведь. Угощаем медочком пьяную парочку, ржущую компанию, жадюгу, возмущающегося ценами.

Пьем чай в машине. Теплая тойота, но я хочу в раздолбанный ягуар. Дую на пластиковый стаканчик и листаю тряпсыляции Николь.

— Пост с заданиями набирает участников, — говорит Егор, тоже уткнувшись в телефон.

— Отлично.

Так и общаемся. В основном односложно. Общая задача сближает, когда от охраны с поп-арта улепетывали, хохот разбирал, искренне, как раньше. Но вместе посмеяться один раз — не залог дружбы.

Смотрю пост в соцсети. У нас челлендж, как можно больше народу должны выполнять Пуховские прихоти, если толпа зажигается, значит банда подумает о нашем членстве. Ничего криминального медведь не дает, популярные инструкции, их и до него тысячами выкладывали блогеры. "Пол это лава", "макияж а-ля визажист в отпуске", "пицца с начинкой из клея и кофейных зерен на ужин" — всё на камеру, всё в инет.

В сравнении с выходками самой банды — лепет младенца в пеленках.

Затаились пока. Что-то мутят.

Зеваю, зеваю, зеваю до двух часов дня.

У подъезда сталкиваюсь с сонной Николь. Поднимаемся домой под ее мечты "как завалюсь щас в койку на много дней".

Привлекательно звучит. Но ставлю будильник на шесть вечера, быстренько получаю во сне документальную премию "Эмми", крашу ресницы и губы и к семи еду в хостел.

Мини-кафе на втором этаже притворяется вагоном-рестораном. Бывший коридор, вместо окон на стенах повешали пейзажей. Меня ждут за ужином. Серо-красные тона диванчиков и столов — палитра с железной дороги. Ну, в добрый путь.

Ко мне спиной сидит незнакомый мужчик с бритым затылком, а напротив Аверин. Лысый и волосатый, смешной контраст.

Аверин замечает меня и встает из-за стола. Забирает мою куртку. Хочется его обнять, но он не оценит, ноу-ноу.

— Привет, присаживайся, — он показывает на диванчик. Двигается ближе к мазне березовой роши в деревянной рамке на стене. Ах да, я ничего не понимаю в искусстве, картины пишут лично для его бывшей жены. Возил он эту ценительницу в грязном платье вчера на фуршет или нет? Чего она лезет.

Поезд ушел, Мария. Проваливай с платформы к Герману, обсуждать цены на билеты в трамваях.

— Это Кирилл, — представляет Алекс, когда сажусь рядом. — Александрович.

— Можно без отчества, — Кирилл ведет ладонью по лысине. — Я не такой старый, как Сан Саныч.

Смотрю на Кирилла. На Федора Бондарчука он не похож. Он и не Вин Дизель. По виду — натурель уголовник. И ни капли не моложе Аверина.

— Что тебе взять? Погоди, Кристин, я пройду, — он пробирается через меня и идет за соком мне, бросив наедине с новым работодателем.

Пять минут спустя нет ни его, ни сока. Мне грустно, и я произвожу невыгодное впечатление, говорю невпопад. Безразличие мне вредит. Заканчиваю рвать салфетку, отовигаю ворох пористых полосок, и улыбаюсь в ответ на поднятую светлую бровь:

— Извините, не выпалась. Я обычно не торможу.

— Тяжело у Саныча в борделе? — спрашивает Кирилл, хохотнув. Он ест шоколадные профитроли. Одну за другой. Шумно запивает чаем. Облизывается на последнюю и вздыхает. — Сладкоежка я, — хлопает себя по внушительному пузу. — Знаешь диету какую-нибудь? Вы же, девчонки, вечно худеете.

— Так мы девочки. Прекрасный пол. Мужчинам проще, сила есть и хватит.

Он смотрит на меня пару секунд. Кивает. Со смехом забирает последнюю пироженку:

— Вот и я так думаю. Это перед тобой поскромничать решил.

— Да ну, — отмахиваюсь.

— Не надо? Больше не буду, — подмигивает.

Натянуто улыбаюсь. Отвожу глаза. Вроде и кажется добреньким, но смотрит цепко. Мысленно прикидывает мой оклад. Жалею, что надела открытую блузку. Консервативно черную, но по бокам просвечивает вышивка. Несолидно. Решит, что я у свингеров задницей вертела и не гожусь для ответственной работы. А у меня еще и губы ярко покрашены.

Безголовая.

Но блин, у нас же с Алексом типа свидание. Если этого Кирилла убрать.

Вижу вынырнувшего из-за стойки Аверина со стаканом сока, и шлепаю ладонями по ребру столешницы. Он меня тут не бросил. И он обещал похвалить. И, может, потом домой меня подвезет. И я не буду молчать в этот раз, и все спрошу.

— Саныч, ты за соком в магазин что ли ходил?

— По телефону говорил, — он ставит передо мной стакан.

— Спасибо. Я на пять сек, — слезаю с дивана. — Где у вас туалет?

В туалете стираю помаду. Лучше поздно. Надо было еще очки Николь прихватить. И книгу подмышку "Всё о гостиничном бизнесе".

А если Кирилл мою кандидатуру не примет, я бы вернулась в клуб. Там привыкла уже. И начальник...

Едва выхожу в зал, меня хватают под руку.

— Поехали, — он почти тащит меня к дверям.

Смотрю на пляску желваков под кожей и хочу подергать ему бороду, чтобы не бесился. Послушно спускаюсь рядом. Наполовину утверждаю:

— Что, я ему не понравилась?

— Наоборот.

Запинаюсь на ступеньке от удивления:

— Так это же хорошо?

— Нет.

Набрасываю протянутую куртку. Осмысливаю, чем плохо понравиться работодателю, и до меня доходит похабная суть:

— То есть он что-то такое намекнул?

— Да.

Выходим на улицу. Ветер швыряет в лицо порцию снега. Но ветер теплый. И снежинки

мягкие. Темное небо, белый проспект, горят фонари и гирлянды, говорят и смеются люди.

Меня, вроде как, ревнуют.

— Может, он мне тоже понравился, и я не против? — спрашиваю, остановившись возле авто.

— Серьезно, Кристина? — он усмехается. Достает ключи и кивает на светящиеся двери. — Обрати пойдешь?

— А что мне делать, Александр Александрович, вы скажите.

Он не говорит, скрипит туфлями и запахивает пальто.

Мне звонит Василина. Раз пятый уже. Вытягиваю руку и показываю экран.

Пока не сказала, что уйду с работы. Он, видимо, тоже. Не появляюсь ни там, ни на сайте весь день — админ мечтает содрать с меня три шкуры.

Намек с Василиной Аверин не улавливает, обходит машину и открывает мне дверь:

— Я пообещал, значит обязательно подыщем вам другое место. В ближайшее время. Вас куда?

— В клуб, у меня вещи там остались.

Он садится за руль. Несколько светофоров проезжаем молча. Ему кто-то звонит. Он сбрасывает. Не отвлекаясь от дороги, говорит мне, что я молодая девушка.

И будто не обнимал меня крепко до хруста костей и не держал на капоте своей развалюхи не отрываясь от моих губ, пока мерзкие бабки не начали орать на всю улицу о разврате среди бела дня — он с непроницаемым лицом несёт обыденную чепуху, что мне еще взрослеть и взрослеть, выкручивает мне извилины, и я разваливаюсь на пару с ягуаром, слушая его уверения на тему "ты очень скоро поймешь, что можешь найти себе кого-то получше, и из нас двоих ответственность лежит на мне, я должен поступить мудро, руководствуясь разумом, не хочу, чтобы ты жалела потом, когда исправить уже ничего будет нельзя, поэтому..."

Ему опять звонят. Он рывкает в трубку:

— Да! Маш, я же сказал: мне некогда.

Мне всё ясно. Подвез ее вчера на презентацию и теперь лечит мне про возраст.

— Вчера я не слышал, что ты звонила, сколько тебе повторять? А сегодня я занят, да, никто тебя не избегает.

Нет, не подвез? Пожалуйста, шли ее лесом, мне срочно надо сказать, что я не пожалею ни о чем, ты самое чудесное, что мной случилось когда-либо, я, похоже, влюблена.

— Не ори. Дай ему трубку.

Кому?

— Я не могу щас приехать, — он смотрит на меня. Морщит лоб. Уже подъезжаем к клубу, и боюсь, что не успею дальше послушать, и уйду, не убедившись, что он отказался, но удача на моей стороне. Он обрывает разговор с ней словами. — Ладно, жди, через час буду.

Окей, лучше бы мне отрезали уши. Дивная новость.

На въезде в наш коттеджный поселок полосатый шлагбаум. С насаженной на него машиной.

Полтора часа назад пацана на лексусе занесло на льду, и металлическая труба-ограничитель проезда пробила лобовое стекло. Прошла ровнехонько между сидений, в нескольких сантиметрах от лица водителя, и уперлась в заднее стекло.

Радоваться тому, что жив остался парень не стал. Он обвиняет в аварии криворукую блондинку, мою жену. Утка красила за рулем губы и не видела, как лексус на всех парах несется навстречу ночной жизни. Маша дословно пересказывает мне оскорбления и ждет от меня реакции, параллельно заливаясь красным "ламбруско", прямо из горлышка.

— Ясно, — черкаюсь фломастером на сигарете и щелкаю зажигалкой. Если бы она по телефону сказала, что зовет разбираться с соседским мажором — поехал бы сразу домой. А теперь такой крюк делать. И все же она мне названивает два дня подряд, и я против воли чувствую удовлетворение. Что раздражает. Смотрю на авто дорожной службы. Народ ждет эвакуатор, нарезает круги у разбитого лексуса и на Машину истерику все забили. — Мне пацану пятак пойти начистить?

— Тебе плевать, что какой-то обнаглевший сосунок чуть не отправил твою жену на тот свет? А если бы это я налетела на шлагбаум? — она делает глоток вина и красные капли падают на шубку. Финская норка, длинный ворс. Ей идёт. Представляю ее в розовом пуховике с серебристой вышивкой на спине и улыбаюсь. Она в возмущении вырывает у меня сигарету и бросает в снег. — Тебе смешно, Саш?

— Нет, Маш, мне грустно. Всю дорогу буду рыдать и в бессилии бить руль, — отлипаю от капота и открываю дверь ягуара. — В другой раз не отвлекай, хахалю своему звони.

— Герман у меня в салоне, с рабочими. До ночи застрял.

— Уж полночь близится, а Германна все нет, — киваю. — Он поди в карты играет. Съезди проверь шулера.

— Я тебя позвала не Пушкина цитировать, — она отталкивает меня от машины и хлопает дверью. — Надо поговорить. Проводи меня до дома. У меня стресс, мне необходим свежий воздух. Машину охрана потом пригонит.

Скептически поднимаю бровь и смотрю на бутылку в ее руках. В голове гуляет мутная, как вино, идея, что если Маша напьется, я могу гадко этим воспользоваться. И пусть потом объясняет Герману, что в ее кровати делает голый бывший муж. А еще лучше сам объясню. Закончу знакомство его морды с тротуарной плиткой "нейтральная тучка" и урод дорогу забудет в мой дом.

— Ну пойдём, — убираю ключи в карман и беру ее под руку. — Ты... — шарю по пальто, отвлекаясь на вызов сотового. Кирилл. Устал дозваниваться и докапывается с сообщением "Саныч, че ты дуешься, как тёлка. Сам давно праведным стал?"

— Тебе важнее меня слушать или с девушкой переписываться? — Маша дергает руку. — Саш, это неуважение.

Спрашиваю текстом "тебе баб других мало? Я к тебе человека работать привел" и убираю телефон в карман.

— Слушаю.

— Неужели, — Маша отбрасывает волосы назад. Распахивает шубку и в свете фонарей ее короткое платье переливается золотом. Она блестящая, аж глазам больно. Давит каблуками снег и с обычным достоинством оратора перед многотысячной аудиторией начинает речь. — Так вот...

Мне звонит Кирилл.

— Саша, я в таких условиях не буду разговаривать, — Маша шипит на трубку в моих руках и ускоряет шаг.

Вообще-то, я собирался сбосить. Но не стаптывать мне туфли в погоне за ней. Оправдываться она должна, не я в нашу постель чужого мужика притащил.

— Да, Кир, — говорю в телефон.

— Сань, че ты взъелся, не пойму, — друг с недовольством пыхтит в динамик. — Я же не против, пусть бы попробовала, админа правда ищу. Но одно другому не мешает. Самому надоела, мне отдал. Я так понял.

— Неправильно ты понял. Ей девятнадцать лет, Кирилл. А тебе сорок.

— Большая уже. Такие короткие юбки носят девочки-трёхлетки. Или взрослые телки, которые хотят трахаться. Короче, давай замнем.

— Чего ты мне тут придурка включаешь? — закипаю. Раз, два, три, четыре — дергаю бороду. — Я тебе сразу сказал, что девочка молодая, но справится. И обижать ее не надо.

— Кто ее обидел? Просто совета у тебя спросил, серёжки ей купить или она без побрякушек обслуживает. А ты феерично посылаешь меня и красотку утаскиваешь. Честь ее что ли блюдешь? Саньч, если бы ты не соком плеснул, а чаем горячим, мы бы с тобой щас по-другому общались. Че молчишь?

— Мы бы щас по-другому общались, если бы ты рядом стоял. Ладно, Кирилл, повторю: иди на хер, — сбрасываю вызов. Смотрю на гаснущий экран. У Кира сомнений нет, что Кристина большая, цирк, а я ощущаю себя неуверенным пацаном и боюсь.

— Ты уже с друзьями из-за этой пигалицы ссоришься? — оборачивается Маша. Хлопает в ладоши. — Bravo. Дальше что? Издательство на нее перепишешь?

— А ты будешь мне указывать, как собственными средствами распоряжаться? — нагоняю ее. — Герман не разрешает нос совать в его дела?

— При чем тут мой Герман?! — она швыряет бутылку в сугроб, и красная винная дорожка неровной волной растягивается по белому снегу. — Мне до старости надо было терпеть твой шляховской клуб? Или твое весеннее обострение, это же кошмар был! — она напоминает о моей паранойе и развале семьи, и сердце опять рвет мне рубашку и пальто. Лезу за таблетками. Ее несёт по кочкам дальше. — Ты сам не видишь, что эта твоя Кристина не просто так рядом крутится? Думаешь, ты такой распрекрасный? А знаешь, кого я вчера встретила на выставке? Любовницу твою. Вместе с нашим сыном. Девчонка с двух сторон подбирается к вам в койку, а вы оба как безмозглые козлы, жуete эту жвачку.

— Статистика, — морщусь, глотая капсулу.

— Что?

— По статистике один волк на семь козлов. Козлов больше, ясно? Все жуют. И Герман твой.

— Ты издеваешься? — Маша покачивается на каблуках и бьет меня в грудь кулаком. — Саш! Я серьезно!

— Я тоже, — снова беру ее под руку и быстрым шагом веду к дому, надоела. — Не мели чушь. Я четвертый месяц в институте работаю. Егор сам ее цепляет постоянно. Они с

Кристиной не дружат. И по выставкам не шатаются. Ты ошиблась. Совсем заняться нечем, что уже внешность ее мониторишь?

- Поинтересовалась. Кто моих мужчин на поводок присаживает. Если твоя любовница...

— Она мне не любовница, — обрываю. — Это что-то меняет между нами?

Не ждала вопроса. Моргает.

— Я несвободна, Саш, — вздыхает. Разрешает. — Но ты можешь попытаться меня вернуть.

— И что делать?

— От подстилки своей избавься. Чтобы я ее ни с тобой, ни с Егором в радиусе километра не наблюдала. А дальше подумаем, как нам быть.

— Чего ты мне мозги полощешь? — теряю терпение и сжимаю локоть. — Три месяца меня гнала.

— Ты в клубе не скучал.

— Да ради бога, тебя мой секс не парил. А теперь мне нравится девушка, и у тебя пригорает, помои на нее льешь. Рот закрой и Герману своему на уши садись.

— Саш, ты дурак, — Маша качает головой и роется в сумке. — Скоро она допрет, что ты о ней заботиться решил, и тогда прощайте деньги. А сын останется без будущего.

— Все сказала? — вырываю у нее сумку и сам достаю пульт от ворот. Специально время тянет, стерва, поверх ее банок с косметикой лежал. Нажимаю на кнопки и сую обратно. — На.

— Не все, — она подходит ближе и кладет ладони мне на плечи. Заглядывает в глаза. В нос пробивается запах вина и макродоза ее любимых духов, жасмин и вишня, привет из счастливой жизни. Запахи смешиваются на ветру и вяжут мне руки, могу лишь стоять и пялиться на нее. В кармане оживает сотка, и я позорно радуюсь спасению, эта женщина не потеряла власти, я ее еще люблю.

Прислоняюсь к воротам и слушаю Василину. Админ уточняет, работает у нас Кристина или искать помощницу. И добавляет, что Кристина устроила драку в клубе, Котик вступился и пострадал, и они вдвоем уехали в трамвпункт.

На улице тихо, Василина перекрывает басы, и Маша все слышит. Смотрит на меня с ехидной улыбкой.

— С Кристиной что? — перебиваю оханье Василины.

— Не знаю, что-то с плечом.

— А поехали они куда? — задираю рукав пальто — половина десятого. Прикидываю, сколько добираться. Отключаюсь и Маша тут же проедает мне плешь.

— Горе, бедняжка поранилась. Потрясла перед кем-то сиськами, втянула парня в заварушку, и ждет, что ты успокаивать помчишься. Нет, ну какой примитив, — она шлепает сумкой мне по ногам и проходит в ворота. — Беги быстрее, Саш.

Я не бегу, но тороплюсь, Маша от души прошлась шпильками по нервам. И если приплюсовать к анонимке и статье спровоцированную драку, то так все и выглядит, как она говорит. Меня имеют. А я очень не хочу разочаровываться.

В больнице пересекаю приемную и огибаю очередь. Бармен с Кристиной сидят у дверей в кабинет. Она видит меня. Удивление расцветает улыбкой и она тут же начинает стирать рукавом темные дорожки туши на щеках. Ревела что ли?

— Покажи, где болит? — спрашиваю по-детски, наклоняясь к ней.

— Там ничего страшного, об стену ударилась, — она кивает на бармена. — Вот у

Котика рука, кожу до мяса рассекло.

— Покажи, — требую, не глядя на бармена. — Быстрее. Хватит тратить мое время.

— А вы врач, Александр Александрович? — ее голос, синхронно с моим, наполняется злостью. — Почему в таком тоне разговор? Я не виновата, что в клубе полно пьяных. Я, вообще, только вещи хотела забрать. А тот парень...

Все сильнее подозреваю, что ничего у нее там нет. Не даю себя забалтывать и стягиваю блузку с ее плеча. Она меня толкает, я резко дергаю, слышится треск ткани и оборванные пуговицы скачут по грязному полу.

Я и вся очередь смотрим на ее стесанную до крови кожу, полупрозрачный лифчик и блестящую фиговину в пупке.

Она ошарашенно запахивает рваную блузку и вскочив с места, вылетает за дверь, в полутьму лестницы.

Поворачиваюсь на бармена.

Тот светит локтем в багровой корке: я ни при чем, я молчал.

Проклинаю себя и иду на лестницу. Всё чертова неуверенность засирает мне черепушку.

Кристина сидит на ступеньках, пытается связать концы блузки. Поднимает голову.

— Очень болит, — веско выговаривает. — Похоже, вывих. Меня прям по стене размазали в смятку, — сыпит садистские подробности, криво улыбаясь. Заставляет чувствовать себя гаже некуда. — Котик за меня вступился и его за грудки через стойку протащили. Я старалась одному яйца запинать. И он как давай меня метелить, вы бы видели, — радостно заканчивает. — Вы довольны? Или жалеете, что меня не прибили там?

Снимаю пиджак и набрасываю ей на здоровое плечо. Сажусь на корточки перед ней, и подвинув за талию, осторожно касаюсь губами кожи рядом с царапинами.

— Надо подуть, — подсказывает.

Дую. Еще раз целую. Говорю:

— Купим другую кофточку.

— Нет уж, — она трясет волосами. — Мне тех кошачьих трусов хватило.

— Застудишься на бетоне, — сгребаю к себе, разворачиваюсь с ней и сажусь на ступеньки.

Она ерзает у меня на коленях, устраивается удобнее, чтобы не задевать травму. Большим пальцем стираю с её щеки чёрные крупинки туши. Другой рукой набираю Василине сообщение. Если дебилы ещё в клубе, охрана им во все щели пиво зальет. И водку, и коньяк. Как надо напиться, чтобы девочку об стену швырять?

Она щекочет носом мне шею и быстро шепчет, проглатывая окончания, что у нас ничего не будет. Мне всего тридцать девять, а ей нравятся мужчины постарше. И чтобы был маленький член, а то она как на вышке сидит. Александр Александрович, вы замечаете, что ваш кол вот-вот проткнет ваши упомрачительные брюки?

Усмехаюсь и оттягиваю ей волосы, впечатываюсь в губы. Сминаю талию, и пиджак падает мне на колени. Языком спускаюсь на шею, на грудь под чёрной сеткой. Тискаю её всю, как игрушку, она тёплая, вкусная и маленькая, совсем не для моих габаритов. Полуголая на моей ширинке, мне так не насытиться.

Ее юбка задралась и узкой полоской скаталась на бедрах. Лезу туда рукой. Она вздрагивает. Отрываюсь от её кожи и смотрю в глаза. Так же, как тогда за стойкой, кипит шоколад, но теперь она мне не мешает. Веду ладонью по трусикам. Она доверчиво полагается на меня. Позволяет сдвинуть в сторону шёлковую ткань. Обнимает меня за шею,

и у неё влажная ладонка. Волнуется.

Пальцы зудят. Хочу залезть в неё, узнать, как там горячо, но мне крайне невовремя приходит мысль, что у меня руки грязные. И я давно не был у мастера, и что-нибудь ей пораню своими отвратными заусенцами.

Борьба с самим собой идёт, пока она тоже собирается меня потрогать и возится с моим ремнем, щелкает пряжкой.

Чертыхаюсь. Возвращаю трусики на место и перехватываю длинные пальцы. Она вскидывает подбородок и шепчет на ухо: почему?

Мою нежность не объяснить, на словах я просто идиот. Но меня мало это колеблет, я могу быть нормальным мужчиной, а не озабоченным владельцем секс-бардака.

Полоска света у двери расширяется и раздается кхе-кхеканье.

Смотрим на бармена.

Надо разжать руки, а у меня тут малыш пригрелся, мне хорошо с ней, я эгоист и не отпускаю её, пока парень, глядя в пол, мямлит, что очередь пришла, и Крис ждёт врач.

Она тонет в моём пиджаке и скрывается в кабинете. Пока жду, даю бармену оплачиваемый выходной, деньги, и вызываю такси.

Кристине рекомендуют носить повязку под руку и мазь, которую мы покупаем в аптеке по дороге домой. Заезжая в знакомый уже двор думаю, что завтра можно вместе куда-нибудь сходить. Останавливаюсь у подъезда и не успеваю открыть рот, как взгляд упирается в красную тойоту сына, запаркованную у забора рядом с детской площадкой. Если прищуриться, считывается госномер. Поворачиваюсь на Кристину. Она хмурит брови и молчит.

Попалась.

Нда, Маша права, я всё таки лох.

— Мы живём вместе с Николь. Беркут-Попковой, — напоминаю двойную фамилию, над которой он угарает, но он даже не улыбается. Показываю на машину Егора и объясняю. — Егор, наверное, с Ваней Хромовым приехал. Мы ведем расследование. Слышал про Винни-Пуха? Вон там на четвертом этаже свет горит. Наша кухня. Уголок "Орхидея"...

— Помолчи, — просит он.

— В смысле? — изгибаю бровь.

— Просто заткнись, Кристина.

Мы проезжаем мимо подъезда и тормозим на углу дома. С одной стороны подвал, с другой зелёный павильон, уже закрыт.

Он наклоняется и роется на моем сиденье, и я привстаю с места. Смотрю, как достаёт бутылек с антибактериальным гелем и зачем-то протирает руки.

— Что происходит?

Закончив, без слов нависает надо мной и вжимает в сиденье. У меня ноет плечо под его весом, но сказать об этом не могу, у меня во рту горячий кляп. Борода царапает кожу, как всегда, но щас он словно, вообще, забил на мои ощущения и возит своей мочалкой с целью стереть моё лицо в пыль.

Не знаю, что случилось, но со мной больше не церемонятся.

Одной рукой со всей силы давлю его шею, перекрываю кислород, чтобы он сделал паузу. Но ладонь узкая, а шея у него необъятная, и я в проигравших. Без пользы копошусь под его каменными мышцами.

Ещё немного, и этот полузадушенный поцелуй отправит меня в кому.

Он затягивается как сигаретой, глубоко, и у меня сыпятся искры из глаз, путает мои волосы и от них шпарит током. Сжимаю челюсти на его губе и жду реакции, чтобы он рыкнул или дернулся, но ему не больно, в рваных движениях слепой фанатизм, и он с каждым выдохом невольно лишает меня рассудка.

У разливающейся по телу нездоровой тяги нет источника, она внушает знание, что должно быть именно так, остро и ломано. Запускаю пальцы ему в прическу, твердые покрытые лаком пряди рассыпаются, и я цепляюсь сильнее, хочу его небрежного, настоящего, взерошенного, каким он просыпается. Нам тесно, в двухместной машине толком не повернуться, и тонкая спинка кресла подо мной скрипит и откидывается. Он отрывается от моего рта, но я тяну обратно, он только что заразил меня чем-то темным, бесконтрольной алчностью, и смертный грех вихрем зашибает весь мой мир, это даже не похоть, я хочу душу, хочу вырвать ее и обвешать цепями, и он всегда будет моим.

— Погоди, — он выворачивается.

Перчаткой быстро разжимает крепления на лобовом, с одной и другой стороны, убирает откидную крышу, и резко двигает меня головой к багажнику.

Просторнее.

Наваливается сверху. Задирает юбку, шелковые мини, и без прелюдий вставляет пальцы. Один или два не разобрать, мне жжёт внутренности от беспардонного вторжения и этой антибактериальной жаровни на его коже, гель, кажется, со спиртом. Наполовину запутана в одеяле, вверху небо темно-синее и чистое, холодный свет звезд и ветер, но меня не студит,

раскаленная вулканическая лава бурлит вместо крови по венам, среди декабрьского льда и снегопада во мне родилась не женщина, а стихийное пекло.

Он толкает до основания, и замирает, чувствую, как подрагивают фаланги, я насаженная на вертел тушка, у меня вкусная сочная корочка, и я жду, когда меня съедят.

— Не могу больше, поехали, — он стаскивает меня на сиденье.

— Куда? — не даю ему встать, держу за воротник пальто.

— В клуб.

Встречаемся взглядами.

И меня передергивает.

От прерванного удовольствия, от серьезных, без намека на улыбку глаз и прозаичности предложения. Улетучилась мистерия, и остался нетерпеливый взрослый мужчина, который хочет меня примитивно факнуть. Еще и не дома, а в клубе.

— Почему не к тебе?

— Какая разница?

— Мне неприятно в приват-комнатах.

— Домой я женщин не вожу.

Пауза. Отчего бы сразу не отхлестать меня по щекам.

Не найду сил разжать пальцы и отпустить его, пока он в моих руках, он все еще мой, и я глупо надеюсь, что он вот-вот скажет "я пошутил". Он молчит, и я говорю сама:

— Я думала, у нас по-другому.

— Кристина, — он смотрит на часы, и сам перехватывает мое запястье. С трудом отрывает скрюченную ладонь. Отпускает, и ветер пробирает меня до костей. — Я тебе объяснил, что это естественный инстинкт, никаких поездок на пони по радуге. Ты поняла. Сейчас в чем дело? Передумала? Тогда иди домой, и мы тему закроем. Уже поздно, день тяжелый, я устал.

Продолжаю сидеть. Не верю. Некрасиво шмыгаю носом. Мне страшно, что он уедет. А если не уедет — еще хуже, у меня внутри он оставил крючок, потянет, и я буду добровольно стоять перед ним на коленях, изображая пылесос, как Маришенька в тот вечер, когда он даже не разделся, а только приспустил брюки, и я буду делать это в клубе, гостиннице, да хоть где, если он еще раз спросит, я поеду, мне мерзко и грязно от этой мысли настолько, что пелена злых слез застилает глаза, и я готова его голыми руками на части разорвать.

— Всё, иди домой, Кристин, — раздраженно прерывает он мои всхлипы.

А он даже не предлагает.

— Вот и пойду, Саш, — отрезаю. Поправляю юбку. Не открывая дверь, выбираюсь из машины через верх.

Передразнила. Пик моих ментальных угроз. Даже на пощечину не осмелилась.

Бегу к подъезду. Влетаю в квартиру и запинаюсь на раскиданной обуви.

— Кристина, это ты? — кричит Николь. — Где ты шляешься, мы одни должны все делать?!

Сбрасываю сапоги и шмыгаю в свою комнату. Кидаю куртку на кровать, Аверинский пиджак, рваную блузку. Переодеваюсь в домашний костюм. Верчу шарф, прикидывая, вязать ли повязку для плеча. Беру его с собой и иду на кухню.

— Боже, что с лицом? — ужасается Николь, отставляя чай.

Хмуро оглядываю компанию и сажусь на свободный стул.

— Ты сообщения принципиально не читаешь? У нас третье задание. Последнее, — от

плиты оборачивается Ваня. Помешивает в кипящей кастрюле макароны и просит. — Николушка, ну проверь, вдруг уже готово.

— Сам ты Николушка! — она вскакивает с дивана и отталкивает его в сторону. — Еще раз так меня назовешь и никакой тебе еды, — вилкой тычет в кастрюлю. — Вань, в твоём возрасте пора уметь варить улитки.

- И что в задании? — завязываю узел на палантине и примеряюсь к руке.

Егор двигается на диване. Наклоняется к моим волосам и морщит нос.

— Насквозь отцом пропахла, — видит мою кислую мину и ухмыляется. — Ревела? Трахнул и послал?

Не сдерживаюсь, бью его шарфом по губам. Он часто моргает. Хватает из кружки чайную ложку и с брызгами шлепает мне по лбу.

— Пошёл вон из моего дома! — запускаю в него корзинку из-под хлеба.

— Успокоились оба! — Ваня выдирает у Егора стеклянную сахарницу и передаёт Николь. — Опять драки в песочнице, вам пять лет?

Егор встаёт, брезгливо стряхивает крошки с рубашки. Отхожу к холодильнику и наливаю сок. В шутку замахииваюсь стаканом, и он отшатывается, как же, его стильный костюм яблочного, с мякотью, надругательства таки не переживёт, и Егор, сверкая пятками, помчится в химчистку.

— Кристина, щас пойдешь в свою комнату, — предупреждает Николь.

Закусываю губу. Плохо из-за одного бородатого козла, а достать хочется всех. Разгромить кухню и постоять в наказание в углу. А потом снова с улыбкой до ушей жить.

— Информацию готова воспринимать? — Николь сливает воду над раковиной. — Ай, жжется, — подпрыгивает на месте.

— Так варезку, — Ваня заботливо подсовывает прихватку. Картина с названием "счастливые молодожёны". — Крис, давай тарелки, жрать хотим.

Егор точно не привык к улиткам альденте из упаковки "паста мания" и вчерашним котлетам, утонченная Мария брякнулась бы тут с сердечным приступом от предложенного её сыну деликатеса. Но я не обостряю, встаю на цыпочки и снимаю блюдца.

За ужином ковыряюсь в тарелке и слушаю планы на завтра. Или уже на сегодня, первый час ночи.

Сообщники кинули клич в сетях — в шесть вечера на площади устраиваем флешмоб. Выбрали популярное шпионское задание: участники надевают тёмные очки, ходят по зоне флешмоба с блокнотами и ведут записи. На остальных смотрят через газеты, в которых прорезаны дырки. Ровно через двадцать минут достают шампанское, и ещё три минуты пьют в унисон и кричат "За Винни-Пуха!"

— Если соберем людей и все пройдёт, как надо, — заканчивает Ваня с набитым ртом. — То можем рассчитывать на личную встречу с бандой. Народ флешмобы обожает. Проблемы вряд ли будут, статья у нас в кармане.

— А ещё завтра после учебы нужно найти костюмы, — Николь запивает макароны моим соком. — Фу, яблочный? Договаривались, что ты грушевый купишь.

— Беркут, тяжело тебе живется, привереде, — Ваня допивает сок и брякает стаканом об стол. — Короче, после пар не расходимся! Всем ясно?

— Слушаюсь, сэр, — салютую ему вилкой.

С половины одиннадцатого утра и до трёх торчим в институте. Дальше мотаемся по магазинам и театрам. Егор с Ваней великодушно взяли на себя расходы, но на маску Пятачка

мне и самой хватило. Поросячком выржаться не привлекательно, но у меня розовая куртка, прибавить к ней розовые джинсы Николь и готов хрю-хрю.

Николь предложенный костюм осла тоже не вдохновил, но куда деваться, мир ждёт от нас подвигов.

В шесть вечера Егор паркуется во дворе у площади. Забираем газеты, выбираемся из машины и огибаем дом.

Смотрим на рассеявшихся по проспекту участников и пробивает на смех. Некоторые в мультяшных костюмах, как мы, и все с газетами. Сквозь проделанные дырки наблюдают за ошалевшими прохожими и хихикают.

— Разделимся, — предлагает Егор. За мягкое длинное ухо тянет Ваню в сторону салонов одежды. На ходу раскрывает газету и быстро смешивается с толпой. Кроме Егора, вижу ещё нескольких Пухов.

Так, и Пятачок не один. Братья свиньи.

Иду мимо шашлычной, сквозь дырочки рассматриваю посетителей за стеклом. Толстый мужик перестал есть. А ребёнок стучит ладонью в окно. Кричит, наверное, рот открывается и лицо радостное. Машу ему рукой.

— Я с тобой, — слева, прикрываясь газетой, вырастает ослиха Николь. — Только что симпатичный парень покрутил пальцем у виска.

— Да ладно, — открываю дверь пиццерии, пропускаю ее внутрь. — Все привыкли давно ко всяким рекламным акциям.

— Тебе хорошо в своей куртке. А этот театральный костюм воняет какой-то кислятиной.

Идём мимо столиков. Показательно черкаемся в блокнотиках. Удивленная официантка спрашивает, мы проводим съёмку скрытой камерой? Мы важно киваем и закрываемся газетами.

Гуляем по площади. Прошло десять минут, осталось столько же.

Заходим в магазин светильников. Скучная обстановка и злые люди. Похожая на трость бабка-продавщица негостеприимно размахивает люстрой и орет, чтобы мы убирались со своими листовками, мы, промоутеры, как ссаки в лифте, запрудили улицы.

Гуляем, прудим. Приветственно машем другим участникам.

Время почти на исходе, и что к чему. В чем смысл флешмоба и остальных тупейших заданий — я не шарю. Но это не даёт мне грустить по татуированным рукам, я так быстро привыкла к нему, и рада, что некогда реветь в подушку.

Дергаю за ручку очередную дверь, говорю Николь "закрыто, пошли тогда ближе к памятнику, пара минут осталась", и застываю на месте.

Сначала вижу длинную зеленую палку, всунутую в ручку с той стороны, она заканчивается широкой белой щёткой швабры и мешает открыть дверь. А внизу на полу... ноги. В чёрных брюках, с ремнем. Другая половина туловища лежит в торговом зале. Задираю голову и читаю вывеску "Ювелирный центр".

— На полу охранник! — ахает рядом Николь. — В отключке!

Одновременно сдираем на шею маски и прижимаемся к плотному стеклу входной двери. Происходящее в зале не рассмотреть, нам видна только часть от входа и розовая фигура поросёнка с зажатым в лапе воздушным синим шариком.

Наступая друг другу на ноги, перепрыгиваем бордюры, ныряем обувью в снег и расплющиваем носы на панорамном окне салона. Обзору мешает большая искусственная

ёлка заброшенная белой мишурой, стоит прямо возле стекла. Щурюсь сквозь пышные ветки.

Они там. Все. Кролик и Тигра с пистолетами пугают персонал, медведь, осел и совунья громят витрины и сбрасывают драгоценности в рюкзаки.

— Не стой, снимай, — верещит Николь.

Лезу в карман, выхватываю смартфон, он выскользывает, я пытаюсь поймать и ребром ладони даю ускорение. В ужасе смотрю как он летит на плитку у входа, и крышка с батареей отскакивают в сторону.

— Кристина-а! — стонет Николь, пока я ползаю и собираю гаджет.

— Снимай сама! — рявкаю. Дрожащими пальцами вставляю запчасти.

— Телефон у Егора в машине, в этом идиотском костюме нет карманов! Быстрее, Кристина! Чёрт, где наши парни?!

Снег скрипит от её нервных прыжков на месте. С площади доносятся музыка, смех и голоса, привычная ежедневная атмосфера вечера, а я от волнения не могу вставить гребаную крышку и матерюсь, ведь судьба дала шанс, мы единственные в этот момент обладатели инсайдерской бомбы.

— Они уходят! — кричит Николь.

Крышка щелкает, я жму кнопку включения, по крайней мере, успеем заснять побег. Но не успеваю даже выпрямиться, дверь резко распаивается, бьёт меня по лбу, и я валюсь с ног, и смартфон снова падает.

На улицу выскакивает Пятачок, за ним медведь.

Телефон загружается, играет музыка заставки, и медведь оборачивается.

Мягкая большая голова. Уверена, что он смотрит на меня сквозь сетку, и от невозможности тоже увидеть его глаза, человеческие, а не блестящие мертвые пуговицы, меня продирает жуть.

На нем жёлтые тимберленды, в цвет костюма, и на одном царапина, этим ботинком он едва не оставляет меня без пальцев, когда с силой опускает подошву на мой телефон. Швыряет его по обледенелой плитке вперёд, на дорогу.

Наш контакт длится две-три секунды, но в замедленном времени сознание окрашивается во все оттенки страха, весь его спектр.

Банда, с рюкзаками за спиной, стремительно разбегается врассыпную. Двадцать минут закончились, и на площади стреляют пробки шампанского и вопят моберы "За Винни-Пуха!"

Следом завывает полицейская сирена.

Мы с Николь тонем в сумерках, теряемся среди моберов и вваливаемся в маршрутку. Кто-то тоже испугался мигалок, в салон за нами протискивается Пятачок. Может быть, один из шайки, спокойно плюхается в кресло и катит с места преступления, пока там его ищут.

До дома едем, как во сне. У подъезда дорогу преграждает тойота Егора, хлопают двери.

— Куда вы дернули? — набрасывается Ваня. — Я вам кричал, а вы в маршрутку лезете!

— На площади кипиш, полиция приехала, — Егор трет лицо. — Мы с Ванькой еле нашли. Проспект оцепляли, когда мы уезжали.

Николь, захлебываясь, рассказывает про налет на ювелирку.

Голова лопается. Нас использовали, с этими мутными трансляциями и призывами взорвать мир, будем теперь первыми подозреваемыми. Отличная идея — чужими руками устроить суматоху и повернуть дельце. А как просто затеряться среди людей в похожих костюмах. И главное, хоть кого спросят на той площади — все знают, что посты с флешмобом мы размещали.

— Ты дура криворукая, — Егор сплевывает на асфальт возле моих сапог. — Если бы ты видео сняла, у нас бы доказательства были!

— То есть я виновата? — от его наглости у меня дергается щека. — Это ты нас втянул в чокнутые задания!

— Я тебя за волосы тащил?

— Ты меня вообще уже достал одним присутствием своим!

— Хорош орать, — Ваня морщится и достает телефон. — Посмотрим по тегу, что пишут. Без паники. К вам пошли что ли? Шампанское откроем. Красиво в лужу сели, отметим.

— И мой телефон отдайте, — просит Николь. Поворачивается ко мне. — Стой, а твой...

Смотрю на нее, и вижу, как Винни-Пух давит подошвой мой гаджет. Он где-то на дороге валяется, если машины не раздавили. Возле ювелирки. Еще одна улика. Замечательно.

Расстроено машу рукой, и иду к подъезду. Первым пищит домофон. Второй где-то вдалеке оживает сирена.

Так, если щелкнуть зажигалкой четыре раза, а потом прикурить — пожара не будет.

Если не наступать на шов между бетонными плитами, а держаться ближе к перилам — крыльцо не расколется, и мы не провалимся в царство Аида.

Если в следующей Машиной фразе число слов наберется четное — отвечать нельзя, дело пахнет кладбищенскими гвоздиками.

— Саша, а я тебя предупреждала, эта девка втянет Егора в какую-нибудь глупость — вот, пожалуйста, нашего сына подозревают в вооруженном налете!

Тыц-тыц. Двадцать, включая слова из одной буквы.

— Ты меня, вообще, слушаешь?

Четыре слова.

— Саша, куда ты пошёл, я с кем разговариваю?!

Восемь слов. Дура не собирается следить за речью. О, это невозможно. Кажется, мне хуже.

Спускаюсь вниз и отхожу к авто. Жена идет следом и засирает мне уши.

Торчим в отделении всю ночь. Уже за полночь, а их все ещё не отпускают.

Как банда вчера вечером выставила ювелирный — записали камеры торгового зала. Охранника оглушили красным баллоном с гелием. Служащим угрожали оружием. Они забыли в салоне две гранаты — муляжи. И пистолеты, возможно, в магазине игрушек покупали.

И не надоело полициям муржить детей, ну они же не идиоты, так подставляться — несколько дней светиться на весь интернет, и как ни в чем не бывало грабануть лавку на двадцать пять миллионов.

На площади и других придурков в костюмах задержали. Версии отработывают.

Ох, дурдом. Где таблетки.

Скрип двери бьет мне по мозгам. На крыльцо выходят Ваня с Егором, за ними девочки.

Умоляю, не наступайте на швы в плитах, ну не сложно ведь.

— Егор! Отпустили! — Маша семенит на каблуках к сыну. — Ну что?!

— В понедельник опять вызывают, — Егор морщится на солнце.

Кристина хмуро косится на Машу. Видит меня и улыбается, а когда я не отвечаю, опускает уголки губ.

Малыш такого не заслуживает, знаю.

Она теперь думает, что я хотел все между нами свести к атанотомии, и я моральный урод. И лучше бы так, но я ведь тоже влюбляюсь. А если у них с сыном что-то есть — не буду же девушку у пацана отбивать. У них жизнь только начинается, а у меня экватор.

Если бы она поехала вчера со мной, путь назад отрезала. А у нее должен выбор быть.

На пальцах тогда ее запах остался. Вперемешку с антисептиком, но от нее часть. Мне бы всегда с собой. Настоящий женский, и я, как парфюмер, законсервировал бы его, если б мог. Быть близко — значит, возвращать помешательство мое. В розовой куртке. Шоколадку.

— Ты! — Маша направляет указательный палец с красным глянцевым ногтем в Кристину. — Добилась своего? Егора всю ночь из-за тебя в этой казенной дыре продержали! Там же воздуха нет! А если приступ?

Виски простреливает. Двадцать слов. Чётное, Маша, ты играешь с судьбой. Кажется, ещё и бетон идёт трещинами?

— Начинается, — Кристина закатывает глаза. — У вас фишка семейная на меня собак спускать?

— Дерзишь мне?

— Отстаньте, я устала.

— Егор, как она со мной разговаривает?

— Мы тут все пострадавшие, — влезает между ними Попкова-Беркут. — Должны быть на учебе с десяти утра. И нам до половины восьмого на парах щас сидеть. Не кричите.

Ну вот. Подружка за нее заступается, а у Егора язык в жопе. Что за отношение. За косички девочку во втором классе дергают, а не на втором курсе. Так внимания не добиться, балбес.

Может, я накручиваю, и там просто с Винни Пухом тема, без всяких симпатий? Но он ведь гадил, чтобы я ее уволил или еще зачем-то. В то, что это не Кристина верю уже. Да и она сама, кажется, выбор сделала, это я туплю. А она хорошая.

Да, осталось выйти на середину дороги. О той прекрасной девушке на земле. Ты, ветер, напой мне.

— Поехали скорее, Егор, одни хабалки вокруг, — Маша, грациозно подхватив подол, устраивается на водительском черного крузака. — Ванечка, садись давай, подвезем.

Бросать так девчонку и уезжать никуда не годится. А сын спокойно сваливает.

Идёт снег. Если четыре раза открыть и закрыть дверь, а потом сесть за руль — с крыши не упадет сугроб на мою машину и сосулькой меня не зашибет тоже.

— Александр Александрович, — Николь, путаясь в мягких ослиных штанах, торопится ко мне. — Вы нас не подбросите? Ужасная ночь. Переоденемся и поедem в институт, но мы как лимоны выжатые. Тут нам недалеко.

— У меня дела, извините, девочки.

У Николь вытягивается лицо — не рассчитывала на отказ.

Мне их жаль, да. Но я сухой сухарь в Сахаре, и моя вода тут рядом, но пить ее нельзя, ведь я начну и никому не дам.

— Александр Александрович, — Кристина дергает меня за пальто. — Одиннадцать лет школы нас обманывали, получается? Что учитель старший товарищ. Вы, как дипломированный журналист, отказываетесь помочь братьям по профессии до дома добраться. Вдруг в маршрутке уснем и нас ограбят? Это не по-человечески.

Отчитывает меня. Старается серьезно, но улыбается краешком рта. Завидный оптимизм. Не обижается, не сдаётся, и чтобы так искренне радовались одному только моему присутствию — не помню такого счастья, у меня от нее грудную клетку защемляет. Области тьмы, области сердца.

Смотрю на часы. Сбиваюсь с правильных решений, что больше суток грызли. Брошу таблетки, и курить, и все, что попросит, и сверну на ближайшем светофоре без считалочек, и никого из-за этого не выкинет на обочину.

Я ее не отбираю и не заставляю, если она изначально моя.

Жестом показываю, чтобы залезали.

Николь шныряет на переднее сиденье:

— У вас же марк два? А где ягуар?

— Сломался.

— Жалко как! — она откидывается на спинку и чешет блондинистую голову. — И у нас непруха. Щас проверка начнётся соцсетей, где мы задания получали от банды. Нам, знаете, что тот усатый сказал? Что мы, вообще, могли сами себе сообщения слать, чтобы подозрение отвести.

— Ясно, — беру с панели засветившийся телефон и принимаю вызов. — Антон, ты? Только хотел набрать, что задержусь.

Слушаю бомбезную новость. Инвесторы в курсе, что я ищу им замену и мужикам канитель не нравится, разумеется. Ехать разливать треба скоренько.

Йокарный бабай.

У меня пары с трех часов.

Жую губу.

— Приеду, понял, — отключаюсь, листаю контакты. Магера заменит в институте. Не забыть ей издание по медиаграмотности в интернете заказать. И подсунуть в стол. Как взятку. Принципы у нее не брать напрямую, странная дама.

— И костюмы на шайке такие же были, — Кристина вклинивается между сидений. Толкает мой локоть, но не замечает, вываливает возмущения. — Я одна на Пятачка не похожа, но якобы могла переодеться. А то, что их шестеро, а нас четверо — так типа сову с тигром найдут, когда связи наши в институте прошерстят.

У меня срочный звонок, но я забиваю. Ее эмоции распирают, и перебивать грешно, даю выговориться. Киваю, киваю, киваю.

— И даже по голосам не опознать, — продолжает. — С продавцами разговаривал поросенок. Дышал гелием из шарика и раздавал указания. Парень или девушка, фиг знает.

— Короче, вы в полиции на карандаше, — подытоживаю пресс-релиз.

— Ага. Ну вы хоть верите, что это не мы? — вопрос Николь застаёт врасплох. В эту сторону не думал даже. Что они сами преступники. Смешно, конечно.

Набираю Магеру и намекаю на учебник. Договариваюсь о замене. Заезжаю во двор. На углу дома девушки видят мой ягуар. Николь вопросительно поворачивается, но я игнорирую.

Времени не было отогнать в сервис. Он в тот вечер не завелся, когда Кристина ушла. Созвучно со мной расстроился. И я его бросил, родного, разозлился.

Кристина дожидается, пока Николь поблагодарит и выйдет, возится на заднем диване. Но ослица никуда не собирается. Накручивает на палец светлую прядь:

— Спасибо вам, Александр Александрович. Значит, вашей пары не будет сегодня?

— Нет. Ладно, девочки, увидимся, — даю понять, что мне пора. В зеркало смотрю на Кристину. Тоже хочу два слова сказать, но лишние ослиные уши мешают.

— Кристина, пошли, — она поворачивается и следит, как та недовольно пыхтит и выбирается из машины. — До свидания.

Ладно, успеем. Главное, решение принять, а все сомнения лесом.

Стартую до ресторана. Беседа с этими типами — как пальцы в розетку совать, шандарахнет в любой момент. Обоюднo друг друга достали, но бизнес... В апреле думал, что они меня убить хотят. А тогда еще не параноил, все по-настоящему, шрам есть, из-за вымысла от кровопотери не отдыхают в коме.

Может, это не они покушались, не узнать, а я таперича каждый день вижу мнимые смерти от дурацких вещей. И плохого жду. Если на голову упал кирпич — это не случайно, чувак считалкой не озаботился.

Но работать с партнерами нам напряжно. Я не суюсь в издательство, они вкладываются

в журнал — такой договор. Бесит меня это.

И когда в десять вечера звонит Василина с доносом, что Егор с друзьями нажрались у меня в клубе и спят на диванах — я нахожусь в стадии "писюкатый злыдень".

Музыка в клубе орет.

Я его, наверное, продам.

Терпение с катушек капитально слетает. Егор требует ремня. В январе двадцать человеку стукнет. Двушка в центре в подарок, с восемнадцати лет просил. Обойдется. Ремень и подарю.

— Где? — кричу, наткнувшись в проходе на Василину.

— Вон, — она указывает на стол, заставленный стаканами и бутылками. На диванах сын с Ваней, дровами валяются, — админ мнется на месте. — Но там Крис с подружкой пришли с ними. Пока без драк.

Я уже и сам вижу.

В цветных пятнах, прыгающих по платьям. На танцполе зажигают. Она и Николь. Рядом два шкета-атлета вьются. Она танцует, руки перебирают воздух. Тянет к себе атлета за невидимый галстук. Он держит какой-то коктейль и короткими шажками к ней чешет. Вертит стакан перед ее лицом. Она смеется.

Меня даже таблетка от бешенства не спасет.

Вот этого я и боялся.

Выставлять себя дураком постоянно.

За малолеткой бегать.

Ей гулять и гулять.

А меня расклад не устраивает.

Тараню толпу, разбрасываю препятствия. Первой меня Николь видит, и глупая улыбка переходит в испуганный писк, когда я хватаю Кристину и разворачиваю к себе:

— Плечо не болит? Или мало в прошлый раз об стену покидали?

— О, ты здесь, — она убирает прилипшую к щеке прядь волос. Ей неудобно с завернутым локтем, пытается высвободиться и не может. Еще и удивляется, — что случилось?

— Эй, дядь, ты кто, — меня хлопают по спине. Пьяно хрюкают. — Папаша ее что ли?

Втягиваю воздух.

— Слыш, засранец, — замахиваюсь у него перед глазами и пацан отшатывается, расплескав на футболку коктейль. — Щас всеку разок, и домой друг на руках понесет, — нагибаю за шею и толкаю на второго кренделя.

— Ты что делаешь? — она подпрыгивает рядом. Трет локоть. — Мы же танцевали просто.

Поправляю пиджак. Занять руки. Чтобы не взять за шкуру. И не тащить через весь клуб. Как... папаша, отгоняющий шмелей от цветочка.

— Сегодня без танцев, Кристина.

— Кто сказал?

— Я.

— И почему ты командуешь?

— По кочану.

Она смотрит на Николь. Я тоже. Потом замечаю Василину, Линду с подносом. Народ забыл, чем занимался. Отлично. Я перед всеми сразу лоханулся.

Она отворачивается от меня, идет к дивану. Выдергивает из-под Ваниных ног сумку.

— Подожди, — удерживаю за ремешок.

— Я в туалет.

— Сядь, говорю.

Толкаю, и она плюхается на стол, опрокинув пару бутылок. Сидит, теребит сумку. Вскидывается, впечатывает её мне в живот.

— На. Я макияж поправить хотела. Что я не так сделала?

Не постигает. Сам виноват. Столько гадости наплел. И жду, чтобы других не было.

— Какой праздник? — меняю тему. Киваю на отрубившихся парней.

— Провал отмечали, — она мрачно оглядывает Ваню. Тот храпит, положив ее куртку под голову. — Медведь удалил аккаунт, нам теперь точно не напишут. В институте все думают, что банда мы. И моберы в личку строчат шутки. Собираемся мы миллионами делиться или нет. Они ведь помогали на площади. Мы бездари. Нас посадят, да?

— Кристина, никто вас не посадит, — поднимаю её лицо за подбородок. Расстроенная. Страшно ей. Ей поддержка нужна от сильного человека, а не ревнивые предьявы. Спускаюсь на корточки и пожимаю ладошки. — Клоунов этих найдут. И статью свою напишите, как главные участники событий, — молчу, перебираю ее пальцы. Ногти обкусанные подрезала. Лаком намазала. Темным, в цвет помады. Красиво. Откашлявшись, говорю. — Я неправ был. Можно мне извиниться?

Она сводит брови.

— Все в порядке, — широко улыбается. Торопливо заверяет. — Я не обиделась, я не маленькая. Ты освободился?

— Да, — взгляд падает на спящего Егора. Чешу затылок. — Ребят только домой транспортировать.

— А с тобой нельзя?

Представляю Машину мину, когда мы вместе приедем и морщусь. Здесь их не бросить. Кристину просить дожидаться меня — вспоминаю атлета, и снова морщусь.

— Щас, — достаю телефон. В такси называю свой адрес. Нахожу в кармане ключи от квартиры и кладу ей в колени. — Поедешь первая? Я недолго.

— Серьезно? — она недоверчиво косится на связку.

— Ага.

Кристина цепляет на палец кольцо от брелока и зажимает ключи в кулаке, вскакивает на ноги и все так быстро. Волнуется, что я передумаю и отберу.

Хочется засмеяться, но она надуется. Оставляю её, иду к охране. Они загружают парней в машину, я еду до Маши.

Мне открывает Герман. Помнит нашу первую встречу и едва не хлопает дверью у меня перед носом, но я ставлю ногу в проем, распахиваю.

— У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля, — цитирую, изучая его домашний костюм. Треники привез, а в тапочках моих ходит, не заморачивается.

— В смысле?

— Парней из машины помощи дотащить, — оглядываюсь на авто. — Егора привез.

— Герман, кто там? — Маша высовывается из гостиной. Запахивает красный шелковый халат. — Саша! Не смей его трогать!

Не собирался.

Следующие пять минут она охает и ахает над дровами, которые мы затаскиваем в

спальню, но я не слушаю, у меня превосходное настроение. Нос ощущает родные запахи, полгода не заходил сюда, а память не стерлась. Но ностальгия слабо цепляет, не свербит, как в прошлый раз, здесь моя семья живет, а у меня дом в другом месте, так бывает.

Моя доброжелательность разъедает гель в ее губах, кривит, и она переходит к обвинениям: Саша не уследил за сыном, Сашин притон необходимо закрыть.

— Единственное злачное место в городе, естественно, — соглашаюсь. — Спокойной ночи.

По дороге думаю позвонить Кристине, может, ей в магазине что-то купить. Но у нее же телефон забрали. У салона наши. И ладно, не буду звонить. Вдруг она не дома. Взвесила все, и решила, что не поедет. Оставила ключи в клубе.

И все так хорошо быть не может.

А я размечтался.

Дорога в кошмар превращается, осади, Сань.

Заезжаю во двор и сразу смотрю на свои окна. Меня ждут. Лампа горит.

И внутри меня кто-то свет включил.

Если на горячую сковородку с маслом добавить аджику, то соус для спагетти не получится. Вспыхнет огонь. А если ты к тому же криворукая, то испугаешься и уронишь сковороду на дорогуший паркет.

Пол у Аверина на кухне — "черно-белые соты". Я только что прожгла белый ромбик.

У меня есть чёрный лак для ногтей и я закрашиваю безобразия. Тошнит. Алекс пригласил в гости Эдварда руки-ножницы. Руки-крюки. Руки-попа.

Но у него нечего было кушать. И я подумала (да-да, гениально), что вот он приедет, а тут я встречаю с ужином.

Как настоящая женщина.

Кухня в дыму и в аромате гари, и чует носик, что он вернётся и отправит хозяйку восвояси. Выправлять конечности.

Но я, по крайней мере, вынесла из ситуации крайне важный жизненный урок: аджика и томатная паста — не одно и то же.

В кулинарии куча тонкостей. И почему я раньше не научилась готовить? С семи лет, поваренную книгу в зубы сразу после букваря, и к плите, нести вахту.

Ох, проклятье!

Макаронны забыла снять.

Вскакиваю и хватаю кастрюлю, бегу к равковине. Капрон прилипает на ромбике, и мы с макаронами падаем. Шипим вместе с кипятком.

Горячо, я обварила лапку. Цапку, культяпку. Дую на пальцы.

Звонит домофон. Алекс приехал. Пол испорчен и ужина нет.

Страхиваю с платья лапшу. На неё слёзы капают — в тему, воду-то я не солила.

Заставляю себя подняться. В коридоре жму кнопку на трубке, слушаю, как пищит подъездная дверь.

У него видеофон и на экране мне видна лестничная площадка.

Классный дом. В том, где мы с Николь снимаем хатку лифт наполнен пресловутыми ссаками, а здесь чудесно. И квартира у него чудесная, лофт. Город, как на ладони. Дома-высотки, деревья далеко внизу, игрушечные машины, куклы-человечки.

И сам он лучший в мире мужчина.

Щелкаю замком и открываю дверь нараспашку. Топчусь на месте. Вытираю рукавом мокрые щеки и мельком смотрю в зеркало. Все еще не верю, что я у него дома. И нравлюсь ему по правде. Он в клубе ведь дал понять. Не постеснялся Николь и никого, не скрывает отношения, и плевать, кто что подумает. И зачем в машине тогда врал, что у нас все просто так?

На этаже гудит лифт. Потом его шаги и вот он — улыбается, весело спрашивает:

— У нас пожар? Дым аж на лестнице.

Запирается. Разуваётся, бросает пальто на длинную стойку с полками. От него пахнет морозом, когда наклоняется и целует. И сам он холодный, хочу скорей согреть, обнимаю за шею.

— Теплая какая, — прижимает к себе, запрокидывает голову. — Ревешь что ли?

— Соус, — шмыгаю.

Коридор расширяется, слева кухня, справа гостиная. Алекс огибает угол и обзирает пол, крушение меня, как повара — в мутных лужицах тонут спагетти.

— Обожглась? — поворачивает мою покрасневшую руку. — Под холодную воду, Кристина, несчастье моё, — снимает у меня с плеча макаронину и идёт к мойке. — Вот тут кран, если не разобралась.

Иду следом. Сую пальцы под струю воды.

— Где-то мазь была от ожогов. Так, а она у меня... — обходит перевёрнутую кастрюлю и открывает шкафчик. По пути заглядывает в сковородку с кусочками помидоров. — Хм. Малыш, а что готовила-то?

Малыш.

И он ухмыляется, кажется.

Пересекаю кухню. Упираюсь ему в грудь и подталкиваю назад. Он хмыкает. Послушно отступает. Прижимается спиной к холодильнику. Встаю на цыпочки и цепляюсь в рубашку, наклоняю. Чувствую тяжёлое дыхание на губах и, как мне в живот тычется его хотелка.

Я не малыш.

— Не смешно больше? — ловлю серьёзный взгляд. Целую в краешек рта и пищу, когда он сдавливает талию.

— Не смешно. Вернусь из душа и кое-что покажу, — он роётся в брюках и даёт мне телефон. — Любишь суши? Закажешь? — растегивает ремешок часов и смотрит время прежде, чем на стол положить.

— Что там высматриваешь вечно? — тоже заглядываю в циферблат.

— Вредная привычка.

— А точнее?

— Потом как-нибудь. Ужин сможешь заказать, не запутаешься? — останавливается в дверях.

— Хо-хо, — корчу ему рожу.

Он скрывается в ванной, а я ползаю по паркету и собираю изделия из твёрдых сортов пшеницы, коим не суждено уже стать едой. Так и в жизни бывает, из-за чьей-то ошибки страдают другие. Мы, например, как тесто — преступники нас использовали, и где мы оказались?

Хихикаю. Философские думы с поварешкиной неудачей к чертям летят, через пять минут из душа выйдет сногшибательный мужчина. И сшибет меня с ног, да. На кровать.

А на диван я плюхнусь сама.

Растягиваюсь на серо-стальной коже и звоню в доставку суши. Три сета, будут через полчаса.

А я пока сделаю, что смогу. Видела в шкафчике ром. Давно попробовать хотела.

Наливаю два стакана и возвращаюсь к дивану. Ставлю на черный столик, и замечаю засветившийся экран телефона. Даже необязательно открывать сообщения, читаю шапку "Санечка, куда опять пропал? В понедельник встретимся?"

Маришенька. На секс зовет.

Отшивать гадкую тетку не решаюсь. Может, он ничего и не собирается менять? Меня в клубе не будет, не увижу, как Аверин на вечеринках бусами ее душит. Я наезжать не рискну на него. Не жена, чтобы наглеть. Но должна же я выяснить, кто мы друг другу, и вообще. Мы вместе или как?

Взгляд натывается на стол. Точно. Только что ведь смелость по стаканам разлила.

Опрокидываю ром. Р-р-р, бедный мой язык, черт, как жжется.

Залпом осушаю второй стакан. Бе-е-е, кошмар, как он его пьет?

Выбиваю чечетку на полу и обмахиваюсь журналом, внутри пожар, и отобрали весь воздух. Фу, умираю. Откидываюсь на спинку и глубоко дышу. Огонь переходит в приятное тепло, разливается по телу. Резкий вкус во рту сглаживается, и я теперь знаю, почему ему нравится это пойло. Ваниль, мускатный орех, чуть-чуть банана, замечательно.

Еще налью.

Встаю, покачнувшись, и хватаюсь за пальму возле дивана, едва не опрокинув кадку.

А, нет, достаточно пить. На старые клубные дрожжи шампанского меня разматывает. Квартира перед глазами слегка плывет, но, проморгавшись, вижу все даже лучше. Как у него классно. Строгая мебель, европейская стилистика, ничего лишнего, все безупречно.

А Маришенька тут была?

Меня берут бесячки. Забираю телефон и иду в ванную. Без стука распахиваю дверь. Белый кафель с черными фигурками. С одной стороны душевая кабина, в другом углу небольшая ванна. Он возле зеркала. Впиваюсь глазами в его голую татуированную спину в капельках воды, пока он заворачивает белое полотенце на бедрах. Шикарный. Оглядывается:

— Очередь в душ?

— Нет, — пытаюсь не пялиться. Выставляю перед его лицом телефон. Снова пошатываюсь и опускаюсь на бортик ванны.

— Ты когда накидаться успела, Кристина? — на телефон он не смотрит, с улыбкой наклоняется и принюхивается. — Ром мой пила? Лицо, как помидоры. Из которых ты соус делала.

— Танцевать мне нельзя, а тебе переписываться с Маринами можно? — трясущим смартфоном, привлекаю внимание к экрану. — Я против. Надеюсь, это ясно.

— Да? И что предлагаешь? — он разглядывает меня. Все ещё улыбается.

— Удалить ее из контактов.

— Еще что-нибудь?

— Я не шучу, — надуваю губу.

Встаю, но он удерживает за плечи, и я плюхаюсь обратно. От него вкусно пахнет свежестью океана. Вода с блестящих волос скатывается мне на платье. Он касается прохладными губами щеки и негромко говорит:

— Библейскую мудрость знаешь? Женщина создана из ребра мужчины. Мужчина ставит условия, это естественно. А когда ребро кидает предьявы — это глупо, сама посуди. Согласна?

Моргаю.

Нет.

Неслыханно.

Меня сравняли с вещью. С костью. Кем он себя мнит царителем-повелителем-господином?

— Хозяин, но отчего в таком разе я до сих пор не на коленях и пятки вам не облизываю? — вырываюсь, отталкиваю его руки. Скольжу на бортике и проваливаюсь в ванну, но он успевает схватить за платье.

Тонкая ткань трещит в его пальцах, он тянет к себе. Спускает воротник с плеча вместе с бретелькой лифчика и кусает ключицу. Сжимает зубами кожу на шее, я в мурашках, но мне обидно. Бесплезно барахтаюсь, стенки корыта в воде и пене, и я катаюсь, как по маслу,

подставляя ему тело.

Бью его по рёбрам, тем самым, из которых я сделана. С него падает полотенце, а с меня слетает все опьянение.

Мужскую гордость уже видела, когда компромат записывала. Но тогда не мне в рот толкали эту штуку. А пусть и не в рот, ни под каким предлогом, ни обманом, ни тайком этот маяк в меня не влезет, и его слова так себе смазка. Я вытерпела и смирилась, что в машине он звал меня на одну ночь, но тут же он прямо говорит, что, вообще, спрашивать меня не собирается, и слушать, и я ничего не решаю. Нагнет, как захочет, и адью. Инстинктивно сжимаю ноги, но он между ними как раз.

Замечает, что раздет, от холодной ванны ему неприятно. Встречаемся взглядами, и он поднимает бровь:

— Мальш, ты чего перепугалась? Вставай.

Вытягивает за руку и ставит на пол. Снова заматывается полотенцем. Подталкивает к дверям.

— Я не знаю, что там с ребром Адама, — начинаю. — Но если ты с этой Мариной...

— Кристина, брось, — перебивает. — Круглосуточно ты одна в моей голове, какие ещё Марины, зачем? Но с претензиями, правда, не стоит приходить.

— А если буду приходить?

— Рискнуть охота?

— Ага.

Он делает шаг ко мне, но звонят в дверь.

Прислоняюсь к косяку и смотрю, как он роется в пальто, достаёт кошелёк, расплачивается с доставщиком.

Улыбаюсь. День и ночь я в голове — главное услышала. А командирские замашки как-нибудь сгладим. Из руки там женщины, или из шеи растут, мужчины могут думать, как им удобно.

Алекс закрывается и кивает на моё измятое платье:

— Рубашку дать?

— Дать.

— На стол пока накроешь?

— Посмотрим.

— Куда ты там посмотришь, деловая, — он сбрасывает коробки с суши на стойку и ловит в объятия. — Носом щас потолок проткнешь, — щелкает по кончику.

Смеюсь и выворачиваюсь. Ногой наступаю на пульт, и оживает телевизор. С первых кадров узнаваемо — канадский сериал, где агенты учатся мыслить, как преступники.

— Поищи, что нравится, — Алекс поднимает пульт и кладет на стойку.

Пока он роется в спальне, сгребаю коробки и несую на столик возле дивана. Распаковываю рыбу и палочки, одним глазом смотрю фильм. Там идет дождь, и, вроде как, девушку похищают.

Широко зеваю. Когда я спала последний раз? Час ночи, и алкоголь расслабил, усталость накатывает, аж ноги не держат. Но мне так хорошо. Вечер с пятницы на субботу лучше не проводила.

Он появляется в дверях, кидает в меня черной рубашкой. Отходит к шкафчикам и возвращается с пузатой бутылкой "бакарди."

— У тебя такой же ягуар? — киваю на оранжевую машину на экране. — Ты отогнал

его?

— Нет пока. А ты водишь машину? — плещет в стакан темно-коричневую жидкость, мочит губы.

— Умею, — перегибаюсь через подголовник и забираю с пола сумку. Вытаскиваю футляр для карточек и с гордостью показываю права. — С Николь вместе на первом курсе сдавали. Она меня, кстати, чуть не съела. Ты в курсе, что она на тебя глаз положила? Кристина, колись, как ты его захомутала, — передразниваю соседку. С набитым ртом вываливаю новости. — Она и из клуба со мной ехать напрашивалась, когда ты ключи дал. Домой не хотела. К нам родители ее прикатали из-за этой фигни с Пухом, представляешь, какой ужас? У нее мамаша сумасшедшая.

— А твои родители не приехали? — он перестает есть. Мрачнеет, мой возраст опять перекашивает черты его лица.

— Неа, мама не сможет, у нее маленький ребенок, — цепляю кубик "Калифорнии" и тычу ему в губы, пока он рот не открывает. — Братику два года. Он малыш, а я большая.

— А маме сколько лет? — спрашивает он, прожевав.

— Тридцать шесть, — сообщаю, и слежу, как вытягивается его лицо. Прикидывает. Моя мама младше его на три года, и меня одну это смешит, он серьезный и растерянный. — В семнадцать лет меня родила. И бабушка ее тоже в семнадцать. Это я запозднилась, — намекаю, что мне девятнадцать, и я не против вроде бы, если так сложится.

— А папе сколько? — он делает несколько больших глотков рома.

— Папе тридцать четыре, — говорю шепотом. Его глаза достигают размера летающих тарелок. Не выдерживаю и прыскаю. — Саш, я шучу, конечно. Пятьдесят один папе. Пятнадцать лет разница. По стопам иду.

— Инфаркта моего добиваешься, — он опрокидывает меня на диван и щекочет стопу, невыносимо до визга. — Все, доходилась.

— В ванную еще сгоняю и готово, — задыхаясь, сползаю на пол, хватаю рубашку. Под его пристальным взглядом шмыгаю в душ.

Завязываю волосы узлом на макушке, быстро споласкиваюсь, и думаю, что вот-вот он зайдет сюда. У меня проблемы, стресс, мне нужен секс. Он ведь не сопливый пацан, будет аккуратен и бо-бо не сделает. Или я потерплю вдруг что. Анестезии только добавить.

Натягиваю рубашку. Пахнет кондиционером для белья. Запах Франции, как говорят в рекламе, и слабо туалетной водой, не отстирывается.

Секса в ванной не будет. Значит, будет в гостиной. Я полна решимости.

Возвращаюсь, забираю у него стакан и опрокидываю залпом. Он смотрит, как я дергаюсь и хмыкает:

— Кристина, по-моему, тебе крепко.

— Ерунда, — отмахиваюсь и падаю рядом.

Сглатываю горечь. Рукой крадусь ему под полотенце. Натыкаюсь на жесткие волосы, шупаю дальше. От моих настойчивых касаний кровь приливает ему между ног и мышцы твердеют в моей ладони, так просто, так быстро, кожа теплая и гладкая, и нежная, очень странно, единственное нежное в нем — это то, что делает мужчину мужчиной, эрекция на пару десятков сантиметров. Сжимаю крепче и ойкаю, вдруг ему больно, но он молчит, и я продолжаю проверку на прочность, мой личный урок анатомии. Член не гнется и реагирует сам, шлепает мою ладонь, познакомился со мной, тоже хочет двигаться во мне. Приглашаю насовсем.

Смотрю на Алекса. Другой рукой веду по заросшей щеке, спускаюсь к губам и обвожу контур. Он ловит ртом мой палец, прикусывает. Вздохнув, перехватывает запястье.

— Ш-ш-ш, маленькая, — чмокает мою ладонь. — Я сейчас сорвусь, а ты нетрезвая. Ляг поспи. Ладно?

Шоколадно. Хмуро наблюдаю, как он встает, складывает коробки на столе.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься, — предупреждаю.

— Не сомневаюсь, Кристина, — говорит, не поворачиваясь.

Не прокатило. Ползу на диване выше и закидываю ноги на спинку. В потолке вместо люстры россыпь светильников, звездное небо имитируют. А я имитация женщины.

Веки тяжелеют и закрываются. Меня грубо отшили. Отказ студит мысли, наверное, недостаточно приятной внешности, я не умею кипятить кровь, чтобы он не соображал и срывался, без моральных думок и прочих гирлянд, но я не сдамся, освою роковую страсть и вот тогда...

Продираю глаза под назойливый звонок будильника. Голова трещит. В окно падает свет, утро. Вспоминаю, что с половины одиннадцатого два семинара, и стону, ну какой умник придумал учиться по субботам?

Нескольких минут хватает обнаружить, что я в квартире одна. Отлэ. Вчера продинамил, так еще и уехал. На столе нахожу его телефон и прилепленный на экран стикер "позже увидимся, заберу симкарту".

Жую яблоко, запиваю соком и вызываю такси. Его рубашка длинной, как платье, но в институт в ней ехать как-то не комильфо.

По дороге домой сбрасываю несколько звонков от незнакомых абонентов. Как он без связи справляется, интересно? Мстительно удаляю номер Маришеньки.

В квартире все вверх дном. Мама Николь уверена, что мы живем в грязи и наводит чистоту, громко комментируя свои действия:

— Свинство, натуральное свинство, девочки, вы в курсе, что мусорные пакеты нужно выбрасывать, а не коллекционировать?

— Быстрее давай, валим отсюда, — Николь влетает за мной в комнату. Тараторит, пока я влезаю в джинсы. — Кристина, что тут было. Она шмон устроила, искала ворованные драгоценности. И до сих пор ищет. Под предлогом уборки. А тебя не колышет, да? Клево с преподом развлеклись? — цокает. — Ты не могла сразу сказать? Я бы другой вариант прикидывала. Три месяца впустую светила декольте.

— А папа что? — кидаю учебник в сумку.

— Папа не верит. Считает, что у нас мозгов бы не хватило на авантюру.

— Мило.

— Девочки! — орут нам из зала, когда мы обуваемся. — После учебы сразу домой!

— Коммендантский час? — выталкиваю Николь на лестницу.

— Родительский контроль.

На паре садимся с Егором и Ваней. Выглядят хуже меня. Сонные, помятые, полбара вчера залили в себя.

— Короче, — Ваня трет виски и морщится от занудного преподского голоса. — Что будем делать? Так все оставлять? У нас преимущество есть, все думают, что мы мультяшки. Надо это как-то использовать. Выкурить банду.

— Как? — рядом Егор с шипением открывает минералку. Жадно пьет. — Другую ювелирку грабануть? На пятьдесят лямов. Они расстроятся, что мы больше урвали, и

позвонят, да?

— Не idiotничай, — Николь отбирает бутылку, и он давится, кашляет. — Seriously, надо что-то придумать. У меня мама спятила.

У меня в кармане вибрирует телефон. Достāju по привычке. А, да, не мне сообщение. Мария проснулась:

Саш, куда поехал, немедленно приезжай обратно!

В "Биг Босс" привели бороду в порядок. Откромсали несколько сантиметров волос, и теперь не подергать. В страховой Игорь выцыганил мою любимый коньячок, который я из командировки привез. Маше дома скучно, карикатурная сварливица-р-р-львица, но не светская, а с гривой в бигудях или куда там она наматывает хаер.

Что-то мне все утро смешно, не могу.

Смотрю на часы — половина второго, с пары у журналистов уже был дзынь. Парковка возле института в оккупации — студенты чешут домой. Или не домой, суббота. Я бы тоже с удовольствием до бильярда прокатился, боулинга, в кино бы ходил, вай нот. Вечерком.

Примеряюсь, куда выбросить бычок, вокруг так чистенько. Закапываю в снег за машиной. Мимо, в шубе до пят плывет Ольга Евгеньевна. Пристает к студенткам:

— Соколова, ты мне ответь, как проект собираешься готовить, если границу между парафразом и плагиатом вообще не видишь?

Выпрямляюсь, отряхиваюсь, и ох, солидарен с Соколовой. Тоже ничего больше не вижу, ни границы, ни погранца. Моим миром правят длинные русые волосы, стянутые в хвост и широкая улыбка, мне адресованная, и ресницы в снежинках, моя картинка, веселая, идет, размахивая рюкзаком.

Из-за Кристины едва не пропускаю Егора.

Удерживаю сына за рукав пуховика. Бронепоездом прет, и это подзаколебало меня. В конце концов, долго мне с ним нянчиться? Воспитывать рублем не выход, но как просто было бы — урезал содержание, и язык бы сразу развязался.

— Постой, на две минуты. Вань, и ты, — киваю Хромову, плетущемуся следом.

— О, Александр Александрович, здрасьте, — гаркает Ваня. — Вы на нас за клуб поди греетесь? То, что накидались вчера? Первый и последний раз, клянусь, гадом буду.

— Какое помпезное вранье, Хромов, — отмахиваюсь. — Нет, по другому поводу. Ребят...

— Так вы нас ждете? — Николь облакачивается на капот. Переводит взгляд с меня на Кристину. — Что-то случилось? Или соскучились?

— Соскучился, — знал, что выслушивать подколы придется не на раз-два и не от нее одной, и все таки тянет в ершик растрепать получасовые старания парикмахера, и прячу руки в карманы. Ну какое дело этой ослихе до чужого амура. Втягиваю воздух. Откашливаюсь. — Ребят, сразу по теме. Предлагаю стажировку в издательстве, оплачиваемую. График подберем. Поработаете в журнале, с профессионалами. Отличная возможность. За несколько месяцев в общих чертах всю образовательную программу освоите. Как смотрите?

— Конечно, еще бы! — Кристина смотрит положительно. Умница таки. Подпрыгивает, сдвигает брови и щелкает пальцами перед лицом Николь. — Ты мне рассказывала, "Провокатор", называется?

— Да-да! — Николь энергично кивает. Отлипает от капота. — Александр Александрович, вы серьезно, можно? А в газетах писали, что вы акции продали.

— Газеты часто преувеличивают.

— А когда?!

— Да ну нафиг, — хмыкает Егор. Кривится на девчачий восторг. — У тебя все? Ванек, поехали, — вертит брелок на пальце.

— Егор, погодь, — Ваня чешет кудрявую голову. — А вы это...ну...журнал ведь топовый, мы вам там не подгадим статус, со студентами до третьего курса неохотно связываются?

— И ты туда же, — Егор рыхлит снег ботинком, комки летят в разные стороны. — Ладно, Вань, на созвоне.

— Сам замечаешь, как глупо себя ведешь? — хватаю его за рукав. — Куда пошел? Так и будешь в уголовную ерунду с Винни-Пухом играть? Я предлагаю реальное место и реальные деньги, голову включи, Егор.

— Александр Александрович, — он вырывается. Отряхивает куртку. — У вас в издательстве с кадрами совсем беда, что уже нас уговаривать прикатил? Я сказал — нет. Пока.

Смотрю, как сын разболтанной походкой тикает к машине. На ходу машет растопыренной пятерней девчонкам-однорупницам, мол, красотки, садитесь, домчу с ветерком.

Устраивать разборки на учебной парковке у всех на виду стремно, и непедагогично, и трэш из семьи выносить на люди несдержанно, но психологический мысленный треп катится в оставку, у меня нет больше длинной бороды, зато есть раздражение, бьет прибором, топит здравый смысл, кого-то ушатаю щас, и я делаю шаг.

— Саш, ты куда, не ходи, — на пути тут же вырастает Кристина. Упирается в грудь и трогает мою щеку. — Дать зеркало? Спорим, испугаешься? — понижает голос до шепота. — Кошмарный видок. Правда, страшно. И мы тебя ждем так-то.

Перевожу на нее глаза. Она наклоняет голову набок и детским жестом дергает меня за пальто:

— Купишь по дороге мороженку?

— Что? — отрываю от себя ее пальцы. Осмысливаю банальную просьбу и невольно улыбаюсь.

Она смеется:

— Всё, ты не злишься? Я пошутила. Поехали в редакцию щас прям? Мы очень хотим.

Сын упаковывает девушек в тойоту и газует. Достаяю сигареты и фломастер. Разворачиваюсь к авто.

— Едем? — Николь вопросительно поднимает брови.

Киваю. Сажусь за руль. Рядом плюхается Ваня. Шумно отодвигает кресло и с задних сидений доносится писк: "каланча, аккуратнее нельзя? Ты меня прижал".

Дышу дымом в приоткрытое окно. Смотрю на часы.

Плевать, дома с ним побазарю. Зачем отказывается, дурак. Упирается бараном. Но я взрослый человек, и подстраиваться под его капризы не буду, баста. Диктовать мне как жить, с кем, где работать — борзет, и дальше хуже будет, а я не пресекаю. Попал ты, Егор.

Торможу на заправке и оглядываюсь назад:

— За мороженым пойдете, Кристина?

Она задумчиво жует губу и делает мне одолжение:

— Ладно, так уж и быть.

Хромов рядом закатывает глаза. У парня хватает деликатности не комментировать ситуацию, но мне напряжно.

Хлопаю дверью.

Они что, не влюблялись никогда, к чему эти многозначительные молчанки и хиханьки, бесят друзья. Преподский имидж вынуждает нацепить маску клоуна, большой дяденька скрывается и не может взять девушку за руку.

Но заявление уже написал, отрабатываю в инсте до конца семестра, и тогда...

Расплачиваюсь с кассиршей и смотрю на Кристину. Топчется рядом, запахивает расстегнутую куртку. Поражаюсь собственной выдержке, ночью ее отделяли от меня крупницы рассудка, повторять как мантру, пока она спит "не буди, не вздумай, трезвой ей понравится больше" и не свихнуться — давайте сюда медальку.

— Привет, — говорю, наклоняясь. Обхватываю ладонями ее лицо и целую. На языке остаётся ее помада, как конфета, сладко. — Ты с каждым днем все вкуснее. Выспалась? Я будильник ставил.

— Ага. А тебя потеряли, — она облизывает губы. Достает из кармана мой телефон. — Мария, в основном. Текстом кричит: вернись, Саша, куда ты поехал, — передразнивает.

Очень похоже. Гашу ухмылку.

— Ззаежал утром к ней, надо было, — тоже достаю телефон. — Вот. Новый. Симкарта там. Как тебе? Симпатичный?

Кристина вертит со всех сторон розовый корпус и хмыкает:

— Может, я твой себе оставлю, а этим сам будешь пользоваться?

— Розовым?

— А ты в себе не уверен?

— Договорись, — шлепаю ее по заднице. Она шлепает в ответ. Ловлю руку, тяну за собой к колонке. — Хорошо, карты только поменяй тогда. В магазин собираешься? — киваю на желтую вывеску павильона.

— За мороженкой? Нет, вечером купите, Александр Александрович. Шоколадное. Ведерко.

— А вас не разбарабанит, Кристиан?

— За пять часов активного секса сгорит пятьсот калорий.

— Если ты сверху будешь.

Она краснеет и шмыгает в машину. Смешная. И чего выпендривается, если боится? Да и я жестить не собираюсь, разницу между ней и клубными перепихонами вижу, разумеется.

Сажусь в авто. Включаю музыку и рулю в издательство.

В редакции не протолкнуться, хотя выходной. Полмесяца до нового года, и работа превращается в балаган.

Здоровуюсь с секретаршей и проталкиваю застопорившихся спутников мимо ресепшен:

— Не стесняйтесь, коллеги.

Студенты таращатся на прелести огромного офиса. Беготня, суета, один стол на три квадратных метра. Раньше и ночевал здесь, теперь заскакиваю на полчаса, когда моя подпись нужна. По сопливному грустно, все таки дело всей жизни, здороваюсь с галдящим народом и улыбаюсь. Пересекаю офис и захожу в кабинет к Антону.

Солнце бьёт ему в спину, за столом тёмный силуэт на фоне песочной палитры стен и паркета. Ещё полгода назад сам сидел в этом кресле, и обстановку под себя подбирал.

— Сань? — директор поднимает голову от бумаг и выползает из-за стола.

Ламинированный финляндский "салли" с беспроводной повер-кис-системой. И на

полках вдоль стены моя коллекция ножей-стимпанк. И мои монстры в белых керамических горшках на высоких гнутых ножках. И мой элитный спиртной бар в углу за диваном.

— Какими судьбами? — Антон жмет мне руку. Ежедневный чёрный костюм, туфли блестят, и постригся под ежик сегодня с утра. Вчера лохматый был. — Вроде вчера с документами разобрались?

— Да. Я практикантов привёл, — открываю жалюзи. Сквозь стеклянную стену ищу глазами девчонок, но вижу только Ваню. Показываю Антону. — Вон. Журфак, второй курс. Лучшие студенты.

— Шутишь? — Антон вглядывается в копошащийся офис. Смотрит на Хромова. Тот вертит головой и не замечает секретаршу с подносом. Налетает на нее спиной, и на пол валятся кружки-ложки. Шумоизоляция, но парень, похоже, извиняется, страдальческая мимика. Он бухается на колени и собирает осколки. Секретарша помогает. Они чему-то смеются. К ним подходят Кристина с Николь, тоже хихикают. Антон поворачивается. — Отлично. И на кой мне здесь этот детский сад?

— Работать.

— У меня штат укомплектован.

— Найдём, куда пристроить. Это важно.

— Сань... — начинает он с раздражением.

— Антох, — перебиваю. — Владелец я вроде как? Они в историю влипли, и мне надо, чтобы ребята никуда не лезли. Спокойненько тут потусуются.

— Ты нарываешься, — Антон резко дергает шнур и жалюзи хлопают по стеклу. — Сначала спонсоров ищешь, потом тащишь в контору молокососов. У нас с партнёрами договор, что ты во внутреннюю кухню не лезешь, или я не допер?! Фу, черт, — достает из кармана платок и вытирает лоб. — Чем закончим? Мордобоем опять? Прощайте инвесторы, — картинно хлюпает носом и машет мне платком.

— Да пошел ты, — беззлобно огрызаюсь и открываю дверь. — Я тогда думал, что они шлепнуть меня пытаются.

— Может, не от них заказ шел. А Маша твоя постаралась.

— Маша убить меня хотела? — ржу. — Антош, напомни, почему моим другом считаешься?

— Александр Александрович! — Николь, за ней Кристина огибают столы и торопятся к нам. С горящим лицом Николь вываливает. — У вас здорово! — тычет пальцем в растянутую на всю стену черно-белую фотографию модели с яркими розовыми ногтями. — Я на нее в инстаграм подписана! Здесь вау-вау!

Антон, растерянный от их бурного ликования, поправляет гарнитуру в ухе. Смотрит по сторонам, на заинтересованных сотрудников, и снова на девушек.

— Не знаю, честно, чем им тут заниматься, Саш, — говорит, не скрывая неодобрения. — И без них забот по горло. Корпоративы начались, работа простаивает, разрываюсь. Предлагаешь следить, чтобы еще они не накосячили?

— Мы не накосячим, — возмущается Николь.

— Я не с тобой разговариваю, — отрезает он.

— Не накосячат, — подтверждаю. Друг бесится, а у меня расслабуха. Не колышет, перетопчется, Антон.

Кристина хмурится и бесцеремонно врывается:

— А вы кто?

— Антон Геннадьевич, — снисходительно поясняет друг. Веско добавляет. — Директор, — смотрит на часы. — Ладно, будет время — подумаю на счет вас.

— Тридцать пять тысяч курьеров, — бормочет Кристина.

Усмехаюсь. Права малыш, у Антона больше понтов.

— Что, прости? — он уже шагнул в сторону кабинета, но оборачивается.

— Что? — она невинно хлопает ресницами.

— Гоголя я тоже читал, — цедит Антон. — Ты мне хамить пытаешься? И ждешь, что я в офис тебя возьму?

— Антох, у тебя задачи, кажется, на повестке, — хлопаю его по плечу. — Пойдем, я, кстати, коньяк заберу, Игорю обещал.

— Ты где эту девицу откопал? — Антон сбрасывает мою руку. Быстрым шагом идет в кабинет. — Тридцать пять тысяч курьеров, — повторяет. — Соплюха. В лицо мне вякает, что я фуфлом страдаю, хрен тут выращиваю. Нормальный сотрудник? Я ее не возьму, Сань.

— Она пошутила, — в кабинете открываю стеклянные дверцы и осматриваю батарею бутылок. — Ты чего взъелся-то? Не упакиваешься, правда, сидишь, макеты утверждаешь. Ну, в пасьянс играешь. А главред ляжку тянет за всех.

— Намекаешь, что я шганы протираю? — Антон с грохотом ворошит папки на столе. — Да из меня только за это утро типография все жилы вытянула.

— Боже упаси, Тох, — загребаю круглую ребристую бутылку и хлопаю дверцей. — Правая моя рука, не серчай. Я поеду, если что на телефоне.

— Доброго пути, Александр, — он утыкается в комп.

Честно, у него с нервами что-то.

За дверью налетаю на Кристину.

— Он злится? — она отлипает от стены, тербит пуговицу на блузке. — Может, извиниться? Я думала, он не услышит.

— Он бывает, не в духе, привыкнешь, — отбрасываю хвост ей за спину. — Что-то я хотел...А! — лезу в карман. Отдаю ей права и ключи. — Вписал тебя в страховку, машину пригнал во двор к вам. Документы в бардачке. Сократите с Николь время на дороге, между издательством и институтом сложно мотаться. Да?

Кристина грызет ноготь. Неуверенно забирает брелок.

— Машина в мое личное пользование? — она осторожно улыбается. — А если я плохо вожу?

— Часов в семь заеду, покатаешь меня. Оценим тебя.

— Хэй, кучер, — она смеется и закидывает руки мне на шею. — Признался бы, что просто водителя хочешь бесплатного.

— Ты бы тогда отказалась, — кошусь на подчиненных. Лупятся, не скрывая, я скриплю зубами. Сплетни поползут, едва в лифт зайду. Не привык на витрине отсвечивать, а сам швыряю нас в эпицентр, метнитесь, дорогие, почесать языками в курилке.

— Нда, — она отстраняется. — Думают, тупую любовницу пристроил типо работать, — цепляется в собачку на куртке и возит туда-сюда молнию. — Но у тебя ведь серьезно?

— Серьезней некуда, — соглашаюсь. Оглядываюсь, ищу Хромова и Беркут. — Оставлю вас, ходите, посмотрите. Вечером позвоню?

— Ок, — протягивает мне розовый телефон. — Симка там.

В лифте пролистываю сообщения от Маши. В машине перезваниваю и уточняю, дома ли Егор. В поселке перед воротами торможу и сигналию, куда-то пульт потерялся, может, вчера,

когда с Германом пьяниц затаскивали, выпал.

Маша высовывается на крыльцо, и взмахивает рукой.

Бросаю машину возле ели, и пока иду в дом, осматриваю тропинку.

— Егор в душе, — сообщает она, запираясь за мной. — Не поняла, что там с издательством? — ее тон повышается со скоростью света и переходит в крик. — Ты правда хотел сына вместе с любовницей в редакцию запихнуть?!

— А что ты предлагаешь? — растегиваю пальто и поднимаюсь по лестнице. — Они так и будут расследования свои дурацкие вести, если их не занять ответственным умственным трудом.

— Взял бы мальчиков, а проституток этих малолетних куда тащишь? — она стоит у подножия, держится за перила и визжит. — Саша, я не допущу, чтобы твоя проныра сунулась в семейный бизнес! Не мечтай!

— Она не проныра. И бизнес у нас с тобой разный. Ты в издательских делах ни черта не смыслишь.

— Саша, ты меня слышал!

И почти оглох. Захожу в комнату к Егору и прикрываю дверь. Белый ковер с длинным ворсом по всему полу, пульта нет. Заглядываю под стол. Откидываю сброшенное с кровати черное покрывало и вижу черную коробочку. Так, пульт есть.

— Что за... — отодвигаю рюкзак и вытягиваю красный блестящий баллон. Портативный, на десять литров. Для гелия. На записях в интернете Пятачок с таким таскается.

Верчу в руках, отбрасываю.

Хватаю за лямку рюкзак и вытряхиваю на ковер содержимое. По ногам бьет склад оружия.

Елки-моталки, вот умельцы.

Поднимаю гранату. Отставляю руку, приближаю к глазам. Муляж Ф-1. Только в упор и отличишь, а с двух метров вряд ли. В ювелирке же не отличили.

Японский бог...

Макаровские пистолеты еще краше. Охолощенные, плохо завороненные дешевым химическим составом боковины затвора, потертости, но если стукнуть такой штукой по витрине, а потом размахивать перед напуганными девушками — никому в голову не придет, что ты шутишь.

Потрошу рюкзак. Быть не может. Он что, в край долбанулся? Какая-то ошибка, точно. Это не его. Подкинули.

Ага.

Полный капец.

Сплю.

Щелкает ручка, в комнату, вместе с паром, всплывает Егор. Трет полотенцем мокрые волосы. Смотрит на меня. На разбросанные по полу игрушки. Помолчав, говорит:

— Пап, ты все не так понял.

В субботу он не позвонил. Ни в семь, ни во сколько. Вот так, нельзя доверять мужчинам, они бессовестные вруны.

И на мои два звонка он не отреагировал. Но я не Бог, и троицу не люблю, унылых гудков без ответа хватило моим ушам.

Я самодостаточная женщина.

Так себе самовнушение. Подражать стилинге Дьяволу и носить Прада у меня не срослось. Всю ночь украшала внешность покрасневшими глазами и обвешивалась соплями, не поняла, меня бросили или как.

По-моему, где-то тут закралась несправедливость.

Утро не обрадовало и солнечный воскресный день обошел стороной.

А вечером полиция задержала шайку придурков в костюмах у детского сада "Винни-Пух и все-все". Шесть старшеклассников украли пару бутылок вина из алкомаркета. Пристроились у садика на заборчике и невозмутимо распивали шардоне под задорное "если я чешу в затылке — не беда, в голове моей опилки да-да-да"!

Допелись до бобика с мигалками и штрафа.

Все окончательно спятили с этим медведем, и мы должны что-то сделать. Но посиделки с Ваней и Егором у нас за чашечкой чая с тегом #выкуримбанду провалились, как и само чаепитие. Мама Николь резко осознала, что наша кухня "Орхидея" жутко грязная, нет в ней того тонкого тропического аромата цветов, заявленного в названии мебельного поставщика. И хозяйшечке срочно пришлось надраивать шкафы вонючей полиролью и беспалевно коситься в нашу сторону: ага, все ясно, они разрабатывают план нового ограбления, дайте-ка я притворюсь, что убираюсь, а сама подкручу локаторы на их частоту.

Сегодня понедельник, через неделю начинается кошмар с жуткой пометкой "сессия", а мы вместо того, чтобы похоронить себя среди талмудов по медиа, с одиннадцати утра торчим в полиции.

Стражи порядка кой-чего проверили, похлопаем же в ладоши их сообразительности. Когда мультяшки угнали машину возле музея, наш Ваня сам был в автошколе. А когда они разбили витрину и сперли шубу, у Николь как раз шел дурацкий конкурс на увеличение груди. И еще какие-то мелочи, и всё вместе тянет на красивую строчку из уголовного права:

А-ли-би.

И, вообще, нас четверо, а не шестеро, недобор.

Мы с Николь прикатили в отделение на новенькой черно-желтой ауди.

Без внимания полицаев машинка не осталась, и они строго спросили: гражданка, а откуда кроссовер. Видимо, решили, что я идиотка, распродаю награбленное и тачки себе покупаю. А когда я показала Аверинские документы на машину, пришлось ловить их падающую челюсть. Интересная версия, наш квартет плюс Алекс и Мария, и ву-а-ля, секстет. Никто не ведь не знает, сколько лет чувакам в костюмах, а вдруг как раз наши главари — сорокалетние предки одного из подозреваемых?

Но серьезно, от нас, кажется, решили отстать. Полицейских мало кто любит, и под шумок им прилетают мелкие пакости от разных мультяшных шаек, то тут, то там кто-нибудь гадит на закон. И круг подозреваемых у них теперь размером с кольцевую систему Юпитера.

Настоящая путаница.

Нас отпускают на волю в половину третьего. Сорок минут, чтобы доехать до института. Первые две пары семинары у Алекса и мне не терпится объяснить человеку, что так себя вести нельзя. Все выскажу. Я ребро-демон, зловредный дух, бес, и седины в бороду ему набросаю не жалея.

Но все таки круто он придумал с машиной. Сегодня похолодало, а с голыми ногами до авто дойти можно.

Да и она классная очень.

И так смотрится, что вах. Хотя брутальная модель, но по мне — она идеальна.

— Крис, тебя надо снимать в сериале "Реальная мистика", — говорит Егор, когда мы спускаемся с крыльца отделения. — Ты до сих пор не собрала по дороге все столбы и никого не сбила — нонсенс.

— А резиденты "камеди" должны предупреждать: умоляем, если вы Егор, то не пытайтесь повторять за нами и шутить, — достаю ключи из рюкзака.

Его шоу одинокого комика все утро транслируется. Как увидел меня за рулем папиной ауди, так сразу и прорвало.

Крис, не насосала, а подарили.

Крис, отгадай загадку: четыре колеса, резиновые шины, мотор и тормоза, и что это...?

Крис, потом обязательно принесу тебе в больницу апельсины и книжечку такую, с картинками, ПДД называется.

— Крис, забьемся, кто быстрее до института? — спрашивает он через крышу своей тойоты. — Проигравшему фофан.

— Я тебе прям здесь могу в лоб дать, если хочешь, — складываю пальцы в колечко и показываю ему.

— Ну конечно. Очко-то жим-жим.

— У тебя.

— Дура.

— Захлопнись.

— Ты первая.

— Захлопнитесь оба, достали, — просит Ваня. Садится к Егору.

— И поехали уже, — поддерживает Николь. Садится ко мне. — Вообще не пойму, чего вы собачитесь все время, — говорит, когда я забираюсь в салон. — Алекс официально в разводе, полгода. Приличный срок.

Достаю очки из футляра и цепляю на нос. Разворачиваю машину и выезжаю со стоянки вслед за Егором.

Я бы его, может, и обогнала, ауди мощнее его тойоты. И гонять я люблю. Но у меня давно практики не было.

Он впереди и сигналил. Бип-бип-би-би-бип. Открывает окно и высовывает средний палец.

Добавляю скорость. Ну все, сам напросился.

Сказала, как отрезала.

Николь включает радио и скептически наблюдает за моими потупами вырваться вперед. Красное гляцевое пятно меня не пускает и маячит бельмом на глазу. Его заносит на поворотах, и на светофорах он раздражающе громко тормозит.

Уже почти возле института от позора меня спасает чудо, проскакиваю между двумя

вазовскими машинами и оставляю Егора глотать засыпанный реагентом снег.

— Вправо-вправо! — обретает веру в меня Николь, ерзает на сиденье. — Крис, красавчик, дави-дави! На лежачем подпрыгивай, давай дальше!

Дальше не получается. Егор подрезает меня у ворот, и мы оба, едва не влетаем в торговую палатку. Препоид по экономике, ежедневно порицающий кучку курильщиков за бычки мимо урны, смотрит на нас с садистской улыбкой.

— Приехали, — комментирует Николь, и следующие пять минут наши с Егором умственные способности экономист подвергает сомнениям под дружный ржачникотинозависимых.

На семинар мы опаздываем. Алекс, не поднимая головы от планшета, машет рукой — садитесь.

Два академических часа обсуждаем презентации на фильм "Доброе утро". Типы продюсеров, продюсирование, как творчество, и так далее.

Он даже не прикидывается, что якобы слушает. И вид у него неважный. Таблетки ест. Чем-то запивает из фляжки. Коктейль из психотропов и рома, мужчина, вы перепутали преподавскую кафедру с барной стойкой? О чем вы думаете?

Рассчитываю привлечь внимание на второй паре, моя очередь выступать. Но на мои кривляния у проектора и эффектное отбрасывание хвоста за спину, когда волосы умопомрачительно взметаются в воздух и выбрасывают в атмосферу запах страсти от "Бруно Банани" ему плевать. Смородина, манго и амбра меня предали, поэтому включаю режим заучки.

Не красотой так умом возьму.

— ... и как результат — мы определим место и задачи продюсера в конкретном медиапроекте, — с гордостью заканчиваю свою блестящую рецензию.

Разумеется, я не ждала аплодисментов и чтобы он меня букетами роз забросал. Но он говорит себе под нос:

— Спасибо, Абрамова, садитесь.

И все.

Иду на свое место, но на ступеньках торможу. Внаглую поднимаюсь выше и сажусь на третий запретный ряд. Один раз Алекс выгнал Егора, когда тот нарушил бредовое правило "два первых и два последних, и не смейте бросить кости в середине".

— Александр Александрович, — с последнего ряда стукачит недоделанный стритрейсер. — С каких пор у нас вето снято и каждый где хочет сидит, м?

Алекс отрывается от планшета. Хмуро смотрит на меня — неужто проняло.

— Кристина, если вас не затруднит, вернитесь на место, — цедит он.

— Извините, ноги затекли, — откидываюсь на спинку. — Встать не могу.

— Тогда ползите в коридор. Сделаете разминку и вернетесь.

Смотрю в его серьезное лицо и лечу на водопаде обиды в ущелье гнева. Одногруппникам смешно надо мной, и виной всему он.

— Кристина, или пересядьте, или выйдите вон.

Пошел к черту.

Задираю подбородок.

Встаю, поправляю водолазку, иду вниз, и мой шикарный конский хвост болтается в такт шагам, пока я не скрываюсь за дверью.

Да блин, просто бедрами вилять не умею. И очень заметно, что я ну ни разу не

американская актриса-модель, чья эффектная попа не помещается на экране.

А так хоть что-то.

До конца пары сижу внизу у автомата, пью кофе и листаю конспект по арт-критике.

С бородатым самцом все понятно. Дарвин, подвинься, у меня зреет теория, что не все люди произошли от обезьян. Аверин — потомок паразитов, мерзкий клещ, укусил меня, и я больна. Такое чувство, что это навсегда, отравлена моя кровь. Он под кожей, вырвать не смогу, и умру.

Со звонком поднимаюсь наверх за вещами. Закидываю рюкзак на плечо, мы остаёмся одни в аудитории, он ждёт, когда я выйду, чтобы закрыть кабинет. Шесть вечера, за окном темень, и свет падает только из коридора, и студенты тихие, большинство разъехались. Обожаю, когда институт полупустой.

Алекс говорит:

— У меня не было времени позвонить, извини, Кристина.

Он безукоризненный, как обычно, выглаженный и деловой, но от него ромом пахнет.

— Прикольнo на парах бухать? — останавливаюсь возле двери и загораживаю выход. — И девушку тогда угости. Вместе бахнем.

— Ты меня отчитываешь сейчас? — он усмехается, щелкает крышкой на пузырьке с таблетками. — Давай, я этого не слышал. Позже поговорим, на пару иди, малыш, — подталкивает меня.

— Ага, буду просто смотреть, пока ты колёса свои горстями глотаешь, — вырываю из его пальцев капсулы. — Случилось что-то? Скажешь, может?

— Дай сюда.

— Хватит их пить. У тебя привыкание.

— Не делай из меня неврастеника, — он неожиданно грубо рывкает. — И лечить меня не надо. Себя полечи перед зеркалом. Все, мне некогда.

Машинально отступаю в сторону, и даю ему дорогу. Я ведь забочусь о нем. А он. От возмущения задыхаюсь:

— Идите в жопу, Александр Александрович.

— Сами идите в жопу, Кристина, — повторяет, не оборачиваясь.

Достаю ключи от машины и швыряю в него. Попадаю в ухо.

Он смотрит на брелок-ауди, шлепнувшийся на паркет. Возвращается из коридора в кабинет и я жалею, что не сдержалась. Большой и злой, а вокруг никого.

Каменным голосом он предупреждает:

— Кристина, ещё раз так сделаешь — получишь.

— Ха! — во мне растёт протест. Лезу за его телефоном и пуляю следом.

Он ловит сотовый. Меняется в лице. Я жалею, дубль два.

Он проверяет время. Хлопает дверью, слышу, как поворачивает ключ. Становится ещё темнее, тянусь к выключателю. Он хватает меня за талию. Отступаю назад, но он и сам, как взрывная волна сметает с ног, сапоги едут по полу, меня тащит по кабинету, пока не врезаюсь поясницей в подоконник.

Алекс ставит сумку на стол, роется внутри и достаёт ленту блестящей фольги.

Квадратики с херомантиями. Похоже, что у него кончилось терпение, а я все таки роковая женщина, от которой мой препод теряет голову прямо в институте.

— Может, после пар...

Мысль о моей власти греет несколько секунд. Он не слушает, разворачивает меня лицом

к стеклу и давит на спину, чтобы я легла.

Безумная страсть — это когда жаркие поцелуи, и с тебя срывают одежду, все знают. А когда сзади щелкает пряжка ремня, пальцы сдвигают в сторону трусики, и он пытается в тебя пролезть — на это я не подписывалась.

— Подожди, — дергаюсь.

Я не готова, не возбуждена, и смазка на контрацептиве не помогает, он со своей глубиной может не соваться.

— Сама подожди.

Он размеренно отвоевывает территорию, сантиметр за сантиметром продирается в меня, двигается туда-сюда насколько влез, и я привыкаю к толщине, дискомфорт проходит, внутри скользко становится, и чувствую, что вот-вот он рванет на всю длину.

Хвост сработал таки. Он вплетает пальцы в мои волосы, и тянет, выдыхает в них: держись, малыш.

Звенит звонок.

Другой рукой обхватывает за грудь и толкает на себя, одновременно подается навстречу, и звон в моих ушах тоже все студенты слышат, железно, я познаю свою глубину так остро, словно он меня только что напополам рассек. Оконная ручка в ладони поворачивается, и ветер бросает колючий снег в лицо, эта уличная оплеуха спасает, уже открыла рот, но дыхание выбивает, и я падаю на подоконник.

Он даже меня не поцеловал, никак не подготовил к сексу, тупо голый хрен, а не прелюдия. И теперь я не шевелюсь, не помогаю ему. Но его движения, глубокие и протяжные, адажио, пальцы ласково гладят мои бедра, и мне так приятно, что едва держу стоны.

Он поднимает к себе, целует затылок и ускоряется. Шлепает меня бубенцами чпок-чпок, в этом звуке похоть безграничная, совсем уже недопустимая. Осязаемость его внутри меня зашкаливает, и я сдаюсь. Завожу руки за спину и толкаю его ближе. Приспущенные брюки врезаются ему в кожу. Я и ремень сжимаем его отличную круглую задницу. Ремень меланхолично, а я кайфую.

Его темп меняет мои ощущения, от сладких к пряным, во мне зреет шаровая молния, я делю ее с ним. Он ставит меня удобнее, опирается на поясницу, и вышивка жемчугом на водолазке скребет пластик. Задирает мою ногу наверх, я давлю коленом на подоконник, но не могу устоять, тяну руки в окно и цепляюсь за карниз.

Пальцы загребают снег, ладони немеют от холода а между ног печка. Дикарь яростным трением добывает мой огонь. Рвано и беспорядочно дышит, как пещерный мужлан выплескивает в меня ярость, это не секс, он потрошит мою тушку, и я пищу, и, дворник, наверное, думает, что где-то неподалеку свихнулись кошки, решили, что на календаре март, сезон охмурения котиков.

Если бы не держал меня, я бы вывалилась, но он держит и вколачивается. Принимаю еще четыре крышеносных удара, и он тормозит. Нет, только не это. Толкается по инерции, пульсирует у меня внутри, и что-то неразборчивое выдыхает в спину.

Не могу думать, что это все, я хочу дальше. Но он выскальзывает. Снимает меня с окна.

Неловко поправляю юбку. Он скатывает забитую белым резинку и швыряет в мусорное ведро. Застегивается.

Кончил дело — гуляй смело, наглядно. И пофигу, что некоторые дела не закончили. И

надеялись на продолжение.

— Мог бы спросить. Не онанизмом занимался.

— Что?

— В любви женщина ребро, а в сексе, судя по твоей логике, рука. С рукой не советуется — будем дальше до мозолей или ты все, устала?

Он хмыкает. Целует, бисеринки пота смазываются на меня, смешиваются со снежинками, которые подкидывает ветер.

В коридоре кто-то дергает ручку, потом негромко стучат. Голос Николь шепчет в щель:

— Кристина, ты там? Ты чего ключи от машины раскидала. Берите, катайтесь, кто хочет.

Он отстраняется. Облизываю губы и не знаю, что должна дальше делать. Меня поймали во всех смыслах. И отодрал, и выкрутил мозги. И мне слегонца грустно.

Алекс идет первым, поворачивает ключ. Плечусь за ним.

Выходим в коридор. Он смотрит на часы. Одергивает пиджак и отдает мне телефон.

— Не роняй больше. У меня пара уже началась, увидимся, — целует в щеку. Говорит Николь. — До свидания.

— До свидания, — круглыми глазами она провожает его спину. Смотрит на меня. — В институте трах-тарарах, серьезно?

— Пошли на семинар, — иду в другую сторону. — А ты почему, кстати, не на арт-критике?

— Не туда. Антон Геннадьевич звонил, директор наш, — она берет меня под руку и тащит к лестнице. — Скинул адрес ресторана, там корпоратив у рекламщиков, которые с журналом сотрудничают. Послал нас как представителей. И за репортажем. Январский выпуск про вечеринки новогодние.

— Вдвоем едем?

— Вчетвером. Егор с Ваней минут десять назад укатили. А я пока тебя нашла...

— Капец, — ноги подрагивают, держусь за перила. — Этот Антон против нас. Кто посылает четырех журналистов на одностороннюю статейку? Он просто не хочет, чтобы мы в журнале крутились, под ногами у него.

— Он грубоватый, — кивает Николь. — Но мне подходит. Тем более, если Аверин занят. Тупить не буду, возьму быка за рога. Антон внешне не хуже. Плюс, он директор издательства.

— И смотрит на нас, как на мусор.

— А мы изменим его точку зрения. Блин, жаль, что я губы-осьминоги так и не успела сделать.

По дороге Николь разрабатывает план "Как захомутать Антона". Включаю музыку погромче — раздражает меня издательский напыщенный индюк. Но Николь права, он все таки директор, и надо искать возможность наладить с ним контакт.

Возможность выпадает через полчаса. В фойе ресторана сталкиваемся с индюком.

— Антон Геннадьевич, и вы здесь? — громко восклицает Николь, углядев мужчину, забирающего у гардеробщицы пальто.

Она виляет к нему, я, вздохнув, следом. Лучше насущное разбирать, чем думать про Аверинских тараканов. Смахивает на то, что мной воспользовались. Как тренажером, напряг сбросить. Но ведь он со мной? Я еще залезу в душу.

— Заскочил проконтролировать, работаете или бесплатное шампанское хлещете, —

говорит Антон. С королевским достоинством набрасывает на плечи одежонку. По-любому, на заказ шил.

— Что вы, мы на задании не пьем, — ужасается Николь. Распахивает полушубок и демонстрирует кофточку с глубоким вырезом. — А вы уезжаете? Так рано? Я надеялась с вами проконсультроваться, как с одним из лучших специалистов, — начала атаку. Выжидает реакцию Антона. Тот окидывает ее нетерпеливым взглядом. Щас откажет. Николь тоже понимает, что сыпанула красноречием впустую и тараторит. — Слышали про банду "Винни-Пуха"? В прошлый четверг на двадцать пять миллионов драгоценностей умыкнули. И так вышло, что мы четверо проходим по делу подозреваемыми...

— Девчонки, наконец-то! — из зала выскакивает Ваня. С бокалом шампанского. Я бы засмеялась, но не успела, ибо он ошарашивает. — В интернете вброс появился. Медведь собирает второй флешмоб. Прикол? Либо кто-то под банду косит. Либо они, пока весь этот дурдом вертится, второе ограбление мутят.

— За мной следят.

Смелое заявление в кабинете у психотерапевта.

Ясно, у пациента обострение — так Ярослав мои слова оценивает, судя по мелькнувшей в глазах насмешке.

— И давно пасут? — Яр понимающе кивает. Раскуривает трубку.

Пахнет издевательством. Но я продолжаю:

— Днём до института за мной ехала синяя десятка. Пары закончились в девять вечера. Пока к тебе добирался еще раз её спалил.

— И кому интересно за тобой следить, Саш? Ты такая важная шишка? — он давится дымом и кашляет, тлеющий табак летит в стороны. Допонтовался. С чего он, вообще, курить начал? — Ты меньше двух недель назад за препаратами приезжал, — напоминает. — Ты превышаешь дозу, отсюда твоя тревожность. Последние дни как себя чувствовал?

Бу-бу-бу.

Ну, как. Позавчера узнал, что сын идиот. На вопрос "зачем ты это сделал?" услышал: финансовая независимость, Александр Александрович, или предлагаешь у тебя в журнале всю жизнь пахать? Я сам заработал, видишь?

И я все рассчитал, пап. Если бы нас поймали на мелком хулиганстве — ты бы меня отмазал. Но нас не поймали. А с ювелирным еще легче получилось. Флешмоб — вещь. Ты ведь меня не сдашь. Или сдашь? Чтобы я не мешал тебе личную жизнь устраивать.

Вывалю это врачу — и положит он большой и толстый член (примерно, как мой) на врачебную тайну. И кинется наяривать в полицию.

— В субботу вечером чуть в аварию не попал по дороге домой, казалось, что у тачки колесо отвалится, — говорю. — В воскресенье не мог из квартиры выйти. Брался за дверную ручку с мыслью, что видеофон коротнет и в меня, и прибьет на месте.

Так и было, уверен, вселенское зло притаилось в электроприборах.

— М-м, — Яр ставит пометку в блокноте. Осторожно затягивается. Табак трещит, и по воздуху плывет аромат костра, характерный, лесной. — А сегодня?

Жую губу.

— Сегодня таблетки помогли. Когда горстями ешь. Я в себе. И за мной точно следят. Дружки сына.

— Опять? — он откидывается в кресле. Мелкими глотками пьет кофе. — Саш, мы ведь с тобой уже прошли эти подозрения. Весной ты на работе кому-то поперёк глотки встал. А Егор тут ни при чем.

— При чем.

— Почему?

— Не могу сказать. Но мне не кажется.

— И как тебе помочь, если разговаривать не хочешь?

Подошвой выбиваю дробь по ковру.

На подлокотнике чашка с чаем стоит, но в меня не лезет. Примерно, как в Кристину мой член.

Ни попить, ни поспать не тянет, кабинет с оранжевыми и салатowymi пятнами

психоделических картин на белых стенах закручивает мозг в шаманскую воронку. Танцы с бубнами вокруг моей головы.

Как он работает в такой обстановке, свихнуться можно.

Выпускаю сзади рубашку и чешу поясницу. Шрам ноет. Весной в подворотне я отмечал второй день рождения, после нападения, со спины, толпой. Чудом случайный прохожий заметил дядю в луже крови и вызвал скорую. О том, что у меня тогда с собой была куча бабла почти никто не знал.

Они накинудись не случайно, я же не дебил, мне почки вырезать пытались, а не мозг.

Первым делом после больницы отмудохал партнеров. Логично — мои методы работы их не устраивают, они нанимают людей, меня чикают ножичком под предлогом ограбления, издательство переходит к Маше, а с ней проще сотрудничать. Доморощенные гении кругом.

Но потом Егор заявляет, что "кто-то" перечислил ему денег на карточку, и он сам купит мотоцикл, на который я перед этим средства зажал.

В мецената я не поверил, и Егору прилетело по морде. Маша заступалась за сына, я не слушал, дальше моя болезнь и развод. И неизвестно, что хуже. То, что сын ради мотоцикла решил в кому меня отправить, или то, что я его в этом нападении подозревал. Мой дом, моя крепость рухнула, а руины я разворотил сам так, что не собрать.

Егора подставили, конечно, чтобы я дальше не копался, я мешал кому-то сильно. Верил в это, когда в институт работать шел, и помириться с ним старался, и извинялся бесконечно. Выбор был — искать крысу в издательстве, или сына вернуть, выбрал сына, и остальное лесом.

А теперь, оказывается, есть другой расклад, и довольно паршивый, Егор в дурацкой медвежьей шайке, значит, и весной отжать у меня деньги он мог. Что там за банда, он не признался, на наш крик прискакала Маша, и выгнала меня, а переорать ее истерику невозможно, да и мне плевать, главное, что Кристина, Попкова и Хромов не замешаны. Но Егоровские дружки отныне ждут, когда я останусь один в темноте. В подъезде, допустим. Возможно. Как еще шпионство за мной объяснить. Ни черта не соображаю.

В городе так много одинаковых синих машин, а я циклюсь.

Молчу.

— А в редакции как дела? — Яр меняет тему. Все еще старается вытянуть пациента на лечение беседой, но вера в подобную психологическую муть тает, как рафинад в "Липтон", меня спасет лишь фармацевтика, химия и только химия продлевает жизнь.

— Не знаю, — растираю ладонями лицо. — Искал новых инвесторов... — приходит смутная мысль, что я снова лезу в управление издательством и наживаю себе врагов, и если дальше ковырять, впору покупать калькулятор для подсчета недоброжелателей, — встаю на ноги. — Выпиши рецепт, поеду я.

— Сань.

— Яр.

Нажимаем паузу и смотрим друг на друга в упор. Яр вздыхает.

— Надо объяснять, что долго так не протянешь? — поджимает губы и берет чистый бланк. — С Машей не помирились?

— Нет, и не помиримся, — шарюсь в бумажнике, достаю деньги. Не выдерживаю и делюсь. — Но есть одна девушка.

— Девушка? Не женщина? — Яр перестает черкать рецепт и поднимает голову. Знаком с моими предпочтениями касаясь возраста, и с моим обычным небрежным тоном, он видит

разницу, и что я улыбаюсь впервые за полчаса. Он улыбается в ответ. — Очень хорошо, Саш, я тебе говорил. На девушке и сосредоточься.

Киваю, кладу деньги на стол.

Сегодня мне было так хорошо. Кристина отбросила все траблы на вечность назад.

Но Кристина не лекарство и не игрушка, она, скорее всего, на простыни в лепестках роз рассчитывала, свечи там, вино вкусное, малыш ведь. А я как мудила поступил.

На улице звоню ей, и она трубку не берет. Звоню еще. Бессмысленные гудки.

Егор втянул их в это дерьмо, чтобы самому все контролировать, и они подтвердили в случае чего: да, вчетвером ведем репортаж, Егор не в банде, мы журналисты, алле.

И так-то, пап, сам прикинь, ты для нее старый — стучит в висках.

Он бы и не подкатил к ней с расследованием, если бы тогда на лестнице в клубе нас не увидел и не надумал всякого бреда. Я, получается, виноват, что ее полиция треплет. Как-то все неправильно складывается.

Заглядываю под днище авто, вдруг бомба. На маршруте аптека-дом высматриваю синюю десятку. Машины нет, и я в сомнениях, что она была. Может, прав Яр, меньше надо жрать таблетки. Но я и так еле сижу ровно, если брошу препараты, скоро некоторым придется свечки за упокой ставить. Шутка? Не думаю.

В подъезде никто с острым-преострым кинжалом меня не караулит.

В квартире варю кофе и складываю на столе учебники, в среду первый экзамен.

Кристина перезванивает в три часа ночи. Наконец-то. Где она шляется. Почему так поздно. У меня нервы из ниток.

— Не спишь еще? — весело спрашивает.

— Нет, — кидаю ручку поверх бумаг и отпиваю кофе. — Ты дома?

— Недавно приехали. У рекламщиков на корпоративе жадный до тусовок народ. А с девяти утра пары, — она зевает. — А ты что делаешь?

— Экзамен по теории медиа готовлю, — пялюсь в телевизор. Идет мультик про недотепу-детектива Гаджета. Девочка разговаривает с собакой и танцует. Я залипаю. Кристины не хватает, хочу поехать и забрать прямо сейчас, мне с ней лучше, но это эгоистично, ей с утра в институт. — До сколько завтра учишься?

— До половины восьмого. Там днем окно в две пары, но с Николь в библиотеку пойдем. Сессия скоро, — она чем-то шуршит, потом говорит с набитым ртом. — А что? Я тебе еще на десять минут нужна?

Скриплю зубами. Она обиду пытается скрыть, но по голосу чувствую, что расстроилась, и мне самому гадко.

— Слушай, Кристин, — перехватываю телефон другой рукой и вытягиваюсь на диване. — Я сегодня не сдержался и был груб. Мне очень жаль. Но то, что произошло — для меня не просто случайный секс. Я серьезно к тебе отношусь.

— Я тоже, — она перестаёт жеваться. — И ты в субботу мог позвонить и сказать, что не приедешь. Я ведь ждала. А ты забил, а сегодня вообще...

Она молчит, и я молчу. Не объяснять же ей про свои завихрения, и опасения, что меня током убьёт. Или что электромагнитное излучение от смартфона просверлит дырку у меня в черепе. Сам сознаю, что все это полнейшая хрень, но эта хрень вертит моей жизнью уже полгода и края ей не видно.

Откашливаюсь.

— Понял тебя. Такого больше не повторится, — обещаю. — Хорошо?

— Я подумаю, — слышу, как она улыбается и сам улыбаюсь. — Напиши или позвони завтра, — говорит требовательным тоном. — На лбу себе высеки.

— Слушаюсь, босс, — чмокаю воздух.

В динамике звучат её ответные поцелуи. Давненько всякой такой романтической ерундой не занимался, и все эти лобызания считал чем-то лишним, и казалось, уже поздно переучиваться, но я ошибался, как же это приятно, целоваться сквозь телефонные линии.

Через лень продираюсь к бумагам. Пью кофе и зеваю, пока солнце не встает. Четыре часа дремлю, дальше душ и сажусь обратно за учебники. Читаю сообщение от Кристины, что Антон их вызвал на работу.

Завязываю с подготовкой и качу в издательство.

В хвост авто пристраивается синяя десятка. Какого черта.

Бью по тормозам.

Шпион почти бах-бабах в багажник чпокается, но успевает вывернуть руль. Криво объезжает меня, и даже сквозь закрытое окно доносится его мат:

— Мужик, ты пи-и-и, в шары долбишься?!

Провожая его глазами, позади мне сигналият, я трогаюсь.

Так и до психушки недалеко. До рассказов в стиле "меня пасут ФСБшники, только т-с-с".

На парковке возле издательства сталкиваюсь с Антоном. Одновременно хлопаем дверями и идем ко входу.

— Сань, — он тянет руку. — Прикатил подопечных контролить?

— Зачем ты их из института дернул? — мимоходом киваю охранникам.

— Сам же просил работу им найти.

— Антон, у них сессия вот-вот, — заходим в лифт. Смотрю на часы. — Ты бы пока не нагружал, а после нового года...

— Шеф, меня все эти разговоры в пользу бедных не касаются, — перебивает он. — У нас производство. Ты сказал — я сделал. Кстати, — он первым выходит на этаже, оборачивается. — Что там за тема с ограблением? Блондинка эта, как её, Николь, наболтала. Правда, Егор твой уголовник?

— Не пори херню, — чешу переносицу. — А Кристина где?

— Ты про то хамло малолетнее? — Антон перегибается через стойку секретаря и что-то ищет. — Девушка фотографу ассистирует.

Смотрю на его гладковыбритый профиль. Он идеально сочетается с блестящей светлой столешницей, так и тянет приложить щекой и возить, пока не научится вежливости.

— Антон, фильтруй базар, — сую руки в карманы пальто, от греха. — Не путай сотрудников с девками своими.

— Сам-то давно разницу выучил? — намекает на мою резкость с подчиненными. Выпрямляется, прихватив какой-то список. — Или к ней требуется особое отношение? За особые заслуги, — подмигивает.

Не успеваю ответить, меня толкают в бок, и над ухом басит Егор:

— Пап, салам. А я твоё предложение рассмотрел, вот, опыта набираюсь.

Сын пьет кока-колу. Антон машет файлом:

— Друзья, я в кабинете.

— Егор, мы с тобой все выяснили, — портится настроение, и я позорно сбегаю, иду мимо столов. — Живи, как хочешь, ради бога. Но дружкам своим передай: если так и будут

возле меня шоркаться, по этапу поедете, всей компанией.

— Кто возле тебя шоркается? Маразм крепчал, Александр Александрович, — говорит мне вслед.

Останавливаюсь, возвращаюсь, подхожу к нему вплотную. Мой взгляд, мой подбородок, зачесанные волосы, кусок тату на шее у воротничка белой рубашки — моё продолжение. Брызжет в меня злобой.

— Это ты был весной? — решаюсь на вопрос. И полгода не прошло. Ни разу ещё смелости не нашлось прямо спросить, но терять, вроде как, уже и нечего, мой мир канул в жопу.

— Да ладно, — Егор хмыкает. — Ты мне сам приговор вынес и слушать не стал. Опомнися, — он встряхивает бутылку с газировкой и кривится. — Кристиночка твоя идёт, — кивает мне за спину. — П-с, у худреда кабинет свободен.

Вот так, я его не сейчас потерял, а в мае, но дошло только что. И от этого как-то никак. Банально не верю, видимо.

— Привет, — Кристина сжимает мой зад. Нырять у меня под рукой. Смотрит в спину удаляющегося по коридору Егора, на меня. — Проблемы?

— Нет.

— А честно? — она хмурится. — Он из-за нас?

— Сами разберемся, не волнуйся, — наклоняюсь и целую в щеку. — У тебя как дела? Есть минутка внизу в кафе со мной посидеть?

— Пойдём, — она тянет меня за руку. Живая, энергичная, захлестывает своими импульсами, и я переключаюсь. Две минуты рядом с ней и ты божество на Олимпе. — Саш, как считаешь, для чего ставить в ассистенты к фотографу двух человек? Чашку с чаем ему вдвоём носить?

— Антон запряг? — усмехаюсь.

— Ага.

— Я с ним поговорю.

— Ты не думай, я не ябедничаю, — торопливо заверяет. — Просто нам даже круг обязанностей не обозначили. Вчера материал собирать для статьи вчетвером ездили. Сегодня второй час с опахалом возле моделей стоим на пару с Николь.

— А тебе чего бы хотелось?

— В рубрику "Скандал недели".

— У нас нет такой рубрики.

— Антон Геннадьевич решил, что со следующего выпуска будет.

Однако. И давно у Антона Геннадьевича решалка выросла?

В кафе на цокольном этаже заказываю Кристине сок и мороженое, себе ром. Сажусь на диван напротив. Она двигает ближе вазочку и тычет ложкой в шоколадный шарик. Ест.

Вокруг темно, как в ночном баре, негромко играет радио, но рабочий день, и мы почти одни. Подношу стакан к губам и смотрю на неё. Она усердно ковыряется в залитой сиропом горке. Отправляет в рот мороженое. На верхней губе остаются разводы от пломбира. Появляется кончик розового языка. Она облизывается.

Ром во рту становится сладким.

Встречаемся взглядами и она хватает салфетку, прижимает к губам.

— Чего прячешься? — улыбаюсь, отвожу её ладонь. — Ты очень красивая.

— Ну-ну, Саш, — она хихикает. Ест мороженое, а я ем её.

Сейчас, когда она напротив сидит, то, что вчера между нами было дымом зволокло, нереально. Я испытываю нечто светлое, но по привычке сделал все быстро и грязно. И мне вкатывало брать её до конца на том подоконнике, и совесть моя не спит, знаю, что так нельзя, но не могу себя заставить жалеть о случившемся, слишком остро память режет фрагменты и толкает мне под нос, её голые бедра в мурашках, сползшие чулки, скатанную на поясице вишневую юбку, я все вижу в деталях, я смотрю этот фильм на повторе, и та часть меня, что в трусах, рвётся на вторую серию, но жанр я сменю. Наравне с возбуждением растёт нежность.

— Мне надо к Антону заскочить, — смотрю на часы. — Потом можем до торгового центра съездить. По магазинам. Или куда ты хочешь?

— На флешмоб, — она встряхивает волосами. Запивает мороженое ледяным соком. Поворачивает мою руку и всматривается в циферблат. — О, уже шесть. Ты не в курсе? — замечает мою поднятую бровь. — В соцсетях черте что творится. Все думают, что новое ограбление планируется. В этот раз ещё больше толпа соберется.

Кристина самозабвенно болтает, я пью ром.

Егор совсем башки лишился.

Какой к дьяволу флешмоб.

Его же посадят.

— Пошли в редакцию, — резко встаю из-за стола.

Лифт сломался. Идём по лестнице. Набираю сыну, он не берет трубу. На входе у секретаря спрашиваю, где Егор.

Она говорит, что он десять минут назад уехал.

Облокачиваюсь на стойку секретаря, смотрю телевизор и жду, когда Алекс выйдет от Антона.

Из коридора, под ручку, вырывают Николь с Ваней. Равняются со мной, и Ваня подмигивает:

— Ну все, катим на площадь? Ты Егора, кстати, не видела?

— Он вроде уехал уже, — качаю головой.

Зеваю. Стою тут, как на привязи. Николь возмущается, что Егор нас бросил, а мне надо сказать, что я их тоже бросаю. Меня не отпустили на флешмоб, ибо "прекрати, Кристина, эти люди преступники, а для вас все игрой кажется". Чувствую себя ребенком. Мне последний раз что-то запрещали лет в пятнадцать. Я большая и самостоятельная женщина, и не смогла возразить этому бородатому командиру. Позор.

— Ты идешь или как? Опоздаем ведь, — Ваня толкает меня в спину.

Собираюсь ответить, что сегодня без меня, но отвлекаюсь на пиликающий смартфон. Читаю сообщение от Алекса: "я задерживаюсь, посиди пока в кафе", и громко цокаю. Значит, у него с Антоном архиважные дела, а наш репортаж так, ерунда. Он будет строить из себя меганачальника, а я должна ждать возле окна и вышивать крестиком.

— Нет уж, — говорю вслух, и первая ступаю на лестницу.

— Что нет уж? — поднимает бровь Николь.

— Если бы Антон начал командовать, ты бы слушалась? — берусь за перила.

— Он нами и так командует, — хмыкает Николь. Передразнивает. — Беркут, метнись к редактору за макетом. Беркут,ними свои шпильки, ты на них еле ходишь. Беркут, почему кофе несладкий, ты сахар не размешала? — она морщится. — Попроси Алекса, пусть даст нам другую работу. Пока я девочка на побегушках, у меня мало шансов закадрить Антона.

— Вы кроме мужиков о чем-нибудь еще думаете? — вклинивается Ваня. — Заколебали.

Ты прав, парень, стыдно. Мой мир не вертится возле брутального, татуированного, красивого, самого лучшего на свете самца, щас уеду на флешмоб и докажу ему, что я отдельная личность, а не приложение, и нельзя мной распоряжаться, как вздумается. У меня куча своих суперкрутых забот.

Молча спускаемся вниз.

В машине Николь открывает дубль гис. Тщательно изучает карту. Перекрикивая музыку, сообщает:

— Слушайте. На перекрестке на площади с одной стороны дом культуры. С другой бизнесцентр. Налево ночной клуб, где ты работала раньше. И направо парк, в котором моберы соберутся. Ювелирный салон один ближайший. Плюс два ломбарда.

— А банки есть? — спрашивает Ваня с задних сидений. — Вдруг они на банк нацелились. Черт, Егору не могу дозвониться, он оглох что ли.

— Четыре банка, — сверившись с программой, Николь убавляет радио. — И участковый пункт полиции, через дом от парка. Х-м, странно, — тянет она. — Они же не идиоты, под носом у ментов салон обчистить? Походу, это не Винни-Пух. Какие-то подражатели. Заскучали. Впустую что ли едем? Ой, — она сует мне под нос смартфон, — смотри, а в ДК скоро начнется собрание анонимных наркоманов. Всегда интересно было, что они там

делают?

— Убери, — отбрасываю ее руку. Нервно сжимаю руль.

Все таки больше хочу по магазинам прошвырнуться с Сашей, среди витрин с гирляндами и силиконовыми елочками, снеговиками, и дедами морозами, где вкусно пахнет, и ненавязчивая музыка, чем таскаться по холодному парку в ожидании преступления. А если он разозлится, что я смоталась от него, и забудет, что серьезно ко мне относится, и решит, что не нужна ему малолетка, у которой вместо головы бочонок с медом, тогда я крупно облажалась.

Мне, в конце концов, плевать на всех них, я встречаюсь со взрослым мужчиной, и хочу ему соответствовать. Ага. А сама тайком еду на площадь, караулить медведя, поросенка, осла, совунью... Вот дура.

Паркуюсь во дворе за парком. Ваня, наконец, дозванивается до Егора. Тот в печали, говорит, что у него спустило колесо, и он будет позже.

Вылезаю из машины, и осматриваюсь. Народу больше раза в два, чем тогда, и почти все ряженые, не улица, а детский утренник. Мы трое не переодевались, боже сохрани, шайка украдет брюлики, а нас опять в отделение потащат.

— Разделимся, — предлагает Ваня. Дает "пять" Николь и широким шагом углубляется в заснеженный, ярко освещенный фонарями парк, к взрывам хохота и крикам.

— Я к ДК, — выбирает Николь.

Топчусь на месте. Прикидываю, где погулять: возле двенадцатиэтажной свечки, забитой офисами или у Сашиного клуба.

Плетусь к клубу. Через полчаса явятся сотрудники, через час он откроется, я ностальгирую. Под окнами замечаю снеговика, но не целого, кто-то спер дилдо и снес ему голову, а мне так обидно становится, просто невозможно, аж губы дрожат. Слепили бы своего и ломали.

Вандалы.

Загребаю варежками снег и леплю новый кругляш. Я его так не брошу. Голова щас даже ещё лучше прежней получится, пусть не расстраивается.

Минут десять спустя люблюсь обновленной версией. Подпрыгиваю от пробирающего куртку холода, и смотрю на электронное табло бизнесцентра. Цифры говорят, что температура воздуха минус пятнадцать, и ждать еще пятнадцать минут. А потом можно валить.

Вдруг успею вернуться, и Алекс не заметит, что меня в кафе не было?

Мою робкую надежду убивает входящий звонок. Пялюсь на его имя на экране и жую щеку. Пока соображаю, что сказать, он сбрасывает.

Вздыхаю. Зря я сюда приперлась.

Иду к светофору, придумываю, что Саше наболтать. Хватит, пусть Ваня с Николь сами стерегут зоопарк. Несолидно.

Обгоняю пару хихикающих Пятачков.

Дожидаюсь зелёного. На той стороне вижу Николь. Она идет ко мне. Встречаемся в середине пешеходного перехода. Она передергивает плечами:

— Фр-рр, холодрыга. У ДК кучка придурков пьют шампусик и танцуют. С Ваней созванивались, у него в парке полицаи тусят. Тоже, походу, соцсети мониторят и банду пасут. А у тебя как, ничего криминального не заметила?

— Неа. Николь, я поехала, — натягиваю капюшон. — Вряд ли что-то будет. Это какие-

то задроты на волне Пуховской популярности развлекаются.

— Ну нет, — Николь молитвенно складывает ладони перед собой. — Давай ещё десять минут. В кафе зайдём, погреемся?

Переминаюсь с ноги на ногу.

Светофор пищит, намекая, что время вышло, и чтобы мы убирались с дороги. Торможу пару секунд и киваю:

— У меня ключи от клуба остались, там никого, пошли чай попьем.

Загорается красный, мы бежим обратно к клубу под раздражённые гудки водителей. Николь смешно перебирает каблуками, юбка карандаш ее сковывает, и я радуюсь, что с утра надела легинсы и дутыши.

Пересекаем парковку и шмыгаем в тамбур. Останавливаемся у служебного входа, верчу связку ключей. У меня тут и от съёмной квартиры, и от дома, и от домофонов, так, вот от клуба есть, точно, Алексу забываю отдать. Надеюсь, он не против, что я похозяйничаю немножко.

Внутри тепло и темно, и пахнет моющими средствами, мистер Пропер постарался, но скоро пьяная толпа зальет потом танцпол и испортит кислород перегаром.

Свет в зале не включаю, только лампочки над стойкой. Щелкаю кнопкой чайника.

— Какой будешь? — поворачиваюсь.

— Свари кофе. И коньяка плесни чутка, — Николь сбрасывает на столешницу полушубок и устраивается на высоком табурете. Дует на покрасневшие руки. — Я разбита. Родители достали. С Антоном по нулям. До сих пор не пойму, как ты Алекса окрутила.

— Я не крутила, — жму кнопки на кофемашине. Делюсь сомнениями. — Если у нас секс, и все. Он думает, что всерьез со мной, а скоро поймёт, что со мной нечего ловить. И найдёт состоявшуюся женщину, с дипломом, у которой уже карьера, а не недоучку. Или хуже — к жене вернётся. Надоеет со мной нянчиться.

— Просто секс — это плохо, — Николь авторитетно поднимает вверх указательный палец. — Надо его проверить. Когда мужчина занимается твоими проблемами — значит ты ему нужна. А когда отмахивается — тогда ему по барабану на тебя. Попробуй.

— И какие мои проблемы ему подкинуть? — сдвигаю брови. Ставлю перед ней чашку с кофе и скручиваю крышку на бутылке с коньяком.

— Например...

В тамбуре хлопает дверь. Слушаем громкие голоса.

— Ты не заперлась? — Николь отклоняется на стуле и щурит глаза в темноту коридора.

— Заперлась, — убираю бутылку на полку. — Наверное, смена, скоро открытие, — торопливо затираю капли кофе и приглушаю лампы. Котик бесится, если у него за стойкой посторонние торчат, а я здесь даже и не работаю больше. — Николь, давай на диван...

— Т-с, — шикает она, рванувшись на стуле. Пригибается к стойке и бледнеет. — Там... они, кажется.

— Кто? — вглядываюсь в зазор между толстой белой колонной и стеной.

Голоса приближаются. Вспыхивает резкий верхний свет, и в проеме вырастает фигура Винни-Пуха, с закинутым через плечо красным баллоном. У него за спиной Кролик, с большой спортивной сумкой в руках.

У меня волосы дыбом встают. Какого лешего? Я что, правда не заперлась?

Плюхаюсь на пол. Мультяшки спорят:

— Нельзя было стрелять. Пистолет на крайний случай, а теперь получился

вооруженный налет.

— Это и был крайний случай, дерева кусок. В новостях говорили, что у нас муляжи, и деньги бы за игрушечную гранату нам не отдали.

— А ты не мог...

Смотрю, как Николь ползет к колонне и прячется. Осторожно высовывается.

Банда поднимается на второй этаж, цепочкой, все шестеро, на ходу бубнят друг на друга. Я напрягаю уши. Мягкие кукольные головы искажают, но все же...

— Голос знакомый, нет? — ползу к Николь.

У нее вибрирует телефон. Она прижимает трубку к щеке, я наклоняюсь с другой стороны. На проводе тараторит Ваня:

— Девчонки, вы где?! Ой, какой тут капец! Они появились, банк хлопнули, я же говорил! Моберы мордой в снегу лежат, полиция всё оцепила, точно не уйдут, они где-то тут!

— Они где-то здесь, — хрипит Николь. — Беги в Аверинский клуб.

Шайка скрывается за лестничным поворотом. Мы переглядываемся.

— Что делать?! — кричит она шепотом.

— Понятия не имею! — так же тихо ору. От неожиданности мысли не собираются в кучу, такой тяжёлый груз, что рухнули все полки. — Вызываем полицию, — достаю телефон.

— Стой, — Николь перехватывает мою руку. — Надо подняться наверх и подслушать.

— С ума сошла? — кручу пальцем у виска. — Их там шестеро, а нас двое.

— Щас Ваня придёт. У нас материал, забыла? Полиция их скрутит и увезет, а нам что останется? Быстренько запишем их на телефон, а потом ментам звякнем. Крис, соображай скорей, — умоляет она.

Она проглатывает окончания, и ее глаза горят азартом. Мы обладатели эксклюзива, на краткий миг представляю, что упустим этот шанс и скриплю зубами. Струсить и слиться?

— Ладно. Ваню впусти.

Выглядываю — путь свободен. Встаю на ноги и несусь через зал, через двойные двери, дрожащими руками отпираю главный вход. Поворачиваюсь. Сквозь стекло Николь посылает какие-то пасы. Набрасывает полушубок, как ниндзя, изворачиваясь, скользит к лестнице. Грызу ноготь и пританцовываю на коврике с надписью "велком".

Ну же, Ванечка, живее, пока они не смотались.

Ваня врывается внутрь вместе с потоком холодного воздуха:

— Честно, они здесь?!

— Да!

— Откуда?!

— Не знаю!

— Во дела...

Перескакивая ступеньки, поднимаемся на второй этаж. В коридоре справа приват-номера, слева кабинеты, костюмерная и бильярд. Николь пристроилась у костюмерной, зажав в вытянутой руке телефон. Крадемся к ней. Шепчу:

— Записала что-нибудь?

Над ухом хлопает дверь. Мы втроем вжимаемся в стену, словно так нас не заметят. И нас не замечают. Из комнаты выходит Сова, по сторонам не смотрит, идет к кабинету Алекса, помахивая спортивной сумкой. Николь провожает птичий полет записью на камеру. Совунья в широких бархатных штанах коричневого цвета, но верх спущен, спину обтягивает

белая футболка. Изучаю темноволосый затылок с выбритой чуть сбоку вертикальной полоской и тереблю хвост. Блин. Кто с такой прической ходит, прямо вертится в мозгах...

Пускай за окнами снега, буду помнить всегда, о тебе и про тебя, девочка моя — орет мой телефон.

Сбрасываю Сашин звонок, но разумеется, Сова все слышал. Парень неторопливо оборачивается.

— Пипец, — обреченно вздыхает Николь.

— Пипец, — повторяю за ней, моментально узнав Сову. — Мистер Пропер?

Уборщик растерянно моргает и тупо глазеет на нас. Испуг сменяется удивлением, и на его губах искривляется усмешка. Он делает шаг обратно к костюмерной и зовет:

— Народ. У нас гости.

В коридор высовывается голова Пятачка. Он присвыстывает и выходит полностью, следом показывается Кролик.

Мы отступаем к лестнице.

Все трое, не сговариваясь, надвигаются на нас. Устрашающе. Ваня выставляет руку вперед, и схватив поросенка за розовые уши, швыряет на перила. У него в руках остается голова. Пятачок мотаает встрепанными светлыми волосами. Николь водит камерой и поражается:

— Кристина, это что, официантка?

Открытой дверью бью Кролика по морде и разглядываю Линду. Господи, уборщик, теперь еще и она?!

Ваня завязывает Кролику мягкие лапы за спиной, пока тот дергается, как в смирительной рубашке, и когда срывает ему голову, я вижу бармена.

— Кристина, это что, бармен? — снова вступает Николь. Она снимает видео и пятится по ступенькам вниз. Мистер Пропер вырывает у нее телефон, и сумка с его локтя падает к ним под ноги.

— Деньги спрячьте! — орет выскочивший в коридор осел. — И костюмы убирайте! — указывает кому-то в комнату.

Ваня набрасывает совиный прикид уборщику на глаза, я хватаю сумку с деньгами, пока они не забрали. С трудом поднимаю улики, там скорее всего, не только бабосики, и размахнувшись, швыряю на первый этаж. Меня толкает осел, и я промахиваюсь. Сумку уносит на полторашку, ровнехонько в окно засадила, с громким звоном бьется стекло, и спортивную авоську жрет вечер. Наверняка я только что выбросила несколько миллионов. В оглушающей тишине я, Николь, Ваня, Иа и Сова смотрим на острую дыру в раме.

— Наши деньги! Ты что творишь?! — первым приходит в себя осел. Зовет. — Винни, сюда, она выкинула деньги!

— Бежим! — оживает Николь, не выпуская из рук камеру.

— Дай сюда телефон! — осел дергает ее за волосы и тащит назад.

Николь визжит и выворачивается. Ванин удар в грудь кулаком, выбивает у него воздух, осел разжимает лапы и заваливается на перила. Размахивает в воздухе конечностями. Ваня и подоспевший медведь цепляют его за ноги, но ослик выскальзывает из костюма и срывается вниз.

Медленно, очень медленно, шлепается на исцарапанный каблуками паркет первого этажа. Джинсы, белая футболка, и мягкая голова — как стоп-кадр.

Секунды идут, а он не шевелится. Мы тоже застыли.

— Он ведь не умер? — нарушает молчание Николь.

— Вы убили ослика! — ахает медведь.

— Ты сам его не удержал! — возмущаюсь в ответ.

— Заткнись, дура! — он бросает в меня костюм.

Внизу скрипит железная дверь, и кто-то весело кричит:

— Эй, здравствуйте, клуб уже открыт?!

Вздрагиваю. Конечно. Свидетель подтянулся, нам так фартит, что это финиш.

— Избавьтесь от гостя! — Мистер Пропер округляет глаза.

— Ты уборщик, сам и убирай, — мну в пальцах мягкую ткань, оставшуюся от осла, и не понимаю, что делать.

— Теперь нас точно посадят, — бормочет Ваня.

— Ау, есть кто живой?! — зовет парень.

— Тупицы, не стойте, или всех спалят, — уборщик, выпутываясь на ходу из штанов, расталкивает нас и сбегает по лестнице.

Смотрю на свесившуюся через перила шайку. Линда, Котик, охранник, и Винни-Пух, одетый. Может, это повар. Или админ Василина. Хотя, голос вроде мужской был.

Надо достать телефон и вызвать полицию. А меня сковывает страх. Вдруг с осликом беда. Он преступник, но он ведь жив, надеюсь. Оборачиваюсь к Николь. Ваня что-то шепчет ей на ухо, она сосредоточенно кивает. Собираюсь спросить, но тут Ваня со словами "валим отсюда" просачивается между нами и ныряет в разбитое окно.

— Что... — начинаю.

— Тикаем, — Николь вываливается за ним.

— Эй, куда собрались? — отлипает от перил охранник.

Пока не поймали, не раздумывая, выхожу из ступора и сигаю третьей. Через полтора этажа плюхаюсь в сугроб. Задний двор, одинокий фонарь, напротив два жилых дома и мусорные баки.

Охранник высовывается в окно и задушенным шепотом орет, чтобы мы не смели брать их деньги.

После его слов, Ваня закидывает на плечо сумку, и улепетывает. Рядом, переваливаясь в снегу, семенит Николь. Тащусь последней, абсолютно не соображая, что к чему мы делаем.

На освещенном проспекте Ваня отряхивается. Через дорогу куча мала полицейских машин, люди в форме и в дурацких костюмах вперемешку и толпы зевак ждут, когда грабителей, закованных в наручники, затолкают в бобик.

А мы внаглую премся с краденным баблом к светофору.

— Объяснишь, какого черта? — нагоняю его и хватаю за куртку. — Вон полиция, только свистни.

— Ага, давай, свисти, — Ваня строит рожу. — А если мы ослика кокнули?

— Всего-то второй этаж, он не разбился. И у нас есть видео, там понятно, что мы не специально.

— И нам поверят, что мы не при делах, а не деньги делили? — переспрашивает Николь. Ускоряет шаг и переходит дорогу. — Мы уже по уши влипши. Едва менты придут, эта стайка недоумков сразу нас приплетут. Им терять нечего, а мы им только что нагадили, заметила? А ты сама еще и в том клубе работала. И Пятачком по площади разгуливала. Скажешь, не знала ничего? Что это они банда?

— По-твоему, я в курсе была? — перевариваю ее заявление. — Ты совсем спятила? И,

вообще, это Егор нам подсунул тогда адрес сайта.

— Егор? А ведь точно. И он сегодня слился с флешмоба, — на ходу оборачивается Ваня. Растерянно переводит взгляд с меня на Николь. У него в кармане разрывается телефон. Он читает имя на дисплее и зло усмехается. — Егор. Машину парень починил.

— Винни-Пух в костюме остался, — вспоминает Николь. — Получается, Егор?

Останавливаемся возле забора. Мимо проходит полицейский и превращает мое лицо в кирпич. Если попросит показать, что в сумке, нам крышка. Ваня беззаботным голосом болтает какую-то чушь. Мы с Николь наигранно смеемся. Полицейский мажет взглядом по нашим лицам и отворачивается, ступает на зебру.

— Короче, — другим тоном говорит Ваня. — Надо что-то быстрее придумывать, пока нас всех не закрыли. И куда-то деть сумку на время.

У меня играет телефон.

— Аверин, — Николь сует нос в экран. Кусает губы. — Думаешь, он знает про шайку?

Дергаю плечами. Если Алекс знает, и молчал, это подло. А если не знает, то ненамного лучше, я не послушала его и поперлась на флешмоб, и теперь стою у светофора с ворованными деньгами, а кругом полиция ищет эту сумку, и в любую секунду нас могут арестовать. Тянусь отключить вызов, но Ваня советует:

— Ответь, послушаем, что скажет.

— Ты где? — спрашиваю, когда она, наконец, снимает трубку.

— Ой, Саш, прости, — тараторит. — Я забыла предупредить, у Вани тут конспекты появились по инфотейнменту, уникальные просто. От выпускника нашего института, у него щас передача есть своя по кабельному каналу. И мы по ним к экзамену готовимся. Станем умными и популярными.

Слышу уличный шум, и как в трубке завывает ветер.

— Так поразила уникальностью, что до дома не дошла, на лавочке у подъезда готовишься? — говорю с иронией, но ощущаю сквознячок по коже. Она мне, похоже, врет с чего-то вдруг.

— Я на балкон вышла, чтобы не подслушивали. У нас родители Николь живут. А ты где?

Мне не нравится ее скороговорка. Очевидцы уже затопили ленту постами про ограбление банка. Никого не поймали, а я ждал, что мелькнет моя фамилия. Егор Аверин Винни-Пух, парню светит десяточка. Готов был. Денег Маше дать. Когда она его отмазывать начнет.

И я не наивный молокосос, прям таки Кристины не было на площади, а их троица с конспектами обнимается.

— Я еще в редакции, — говорю. — Кое-что утрясти надо. Давай заеду за тобой через пару часов?

— Саш, я бы рада, но начало девятого. Пока мы закончим, не знаю сколько время натикает.

— У тебя завтра нет пар. Выспишься.

— Да, но я что-то устала.

— Ясно. На флешмоб не ездили?

— Нет, — отвечает после паузы. На заднем фоне кто-то поет песенку из мультика " куда идем мы с Пятачком — большой-большой секрет".

Окончательно убеждаюсь: за дурачка меня держит. И в парке торчит. И дальше будет с дружками в детективов играть.

— Ладно, созвонимся, — отключаюсь.

Закипаю. Лезу за таблетками.

Я почти жизнь новую начал, где Кристина на первом месте. А она действительно ребенок, тусит с такими же детьми и хер кладет на мои фантазии про наше будущее.

Между нами двадцать лет, и в интересах полный антипод. Наверное, я ослеп, когда увидел в ней свою женщину. Разбит был, а она с такой помпой в разум ворвалась, нахальничала, бесила, перед носом вечно маячила, и я слюни распустил. Подвис.

И я не шутил, чувства не разбрасываю, и пути назад ей не дам, сама напросилась.

А за лапшу на моих ушах будет дома сидеть.

Наливаю в кружку чай, рука трясется, лью мимо, и кипяток шпарит разбитые костяшки. Шиплю.

День сегодня по всем фронтам неудачный. Рука бо-бо — Антона стукнул. Мнениями не сошлись. На мой взгляд директор полномочия превышает, а на Антошин взгляд я чисто

номинальный владелец, и согласовывать со мной решения, да ну, зачем, право, какая ерунда. Сам моей печатью документы шлепает. Поди и подпись подделывал.

Несу чай в конференц-зал. В редакции никого, только я и Ирина, сидит, зарывшись в отчетность. Если Антон и проворачивал делишки, в документах отразится когда и куда.

— Еще что-то хочешь? — ставлю кружку на столе перед бухгалтером.

— Нет, спасибо, — она подносит чай к губам. — Саш, я надолго застряла. Езжай, завтра утром встретимся, и...

— Я не спешу, — перебиваю. — Работай спокойно, — отхожу к окну.

Скоро грянет ночь, луны еще нет, в небе мрак, меня все заколебало. Из меня так себе рифмоплет, в курсе.

В кармане звонит телефон.

— Да, — принимаю вызов.

— Пап, — на проводе нервничает Егор. — Я влип.

Молчу. Не дождавшись реакции, сын продолжает:

— Мне некому больше позвонить.

Он говорит и говорит. Слушаю его захлебывающийся голос и смотрю на свое размытое отражение в стекле. С каждым словом из сына рвется что-то прежнее, становится похож на того, каким был до нашей ссоры, когда не спорил, не качал права, а видел во мне авторитет, подражал, советовался, в рот заглядывал, и я настолько отвык, что не осознаю, как так случилось, неужели ему нужно было наворотить все это море дерьма и потонуть, чтобы вспомнить, что я всегда на его стороне.

— Я клянусь, не знаю, кто весной тебя в подворотне пас, — вываливает в отчаянии под конец. — Это не я. Но ты подумал на меня, что я ради кучи металлолома, ради мотоцикла... Ты бы сам простил такое?

Тереблю бороду. Тучу раз представлял себя на его месте, как мой отец обвиняет меня в попытке его убить, и будь я в возрасте Егора — наверное, у меня так же не стало бы отца, когда другие лажают, и так по-жесткому, великодушным быть сложно, этому учишься годами.

— Вряд ли простил бы, — говорю правду, откашлявшись.

— Вот и я не мог. Я ни при чем, это честно. И я бы не стал тебя щас просить. Но все на измене и трясутся, что они в ментовку стукнут. Ты говорил Кристине, что я Винни-Пух?

— Не говорил.

Кристина. Ясно, почему малыш чушь про супер-пупер конспект плетет. Они сами боятся, меня в том числе.

— Они трубки не берут. Даже Ванька. Подозревают меня походу. Пап, что мне делать?

Из телефона паника и обреченность по капле капают и разъедают дыру в моем недоверии — он меня не подставлял, уверен, и с меня валятся булыжники. Его косяки — моя вина и моя забота, что бы он теперь ни наворотил, он мой ребенок, и словно разбивший соседское окно непослушный пятилетний пацан, бежит домой каяться, чтобы папа утряс беду. "Пап, что мне делать?" — развнзначно "давай замнем", и я включаюсь рефлексивно.

Оборачиваюсь.

Ирина погрязла в мире цифр, шелестит файлами, на столе стынет чай.

— У меня в ауди трекер-прослушка стоит, — понизив голос, говорю Егору. — Как противоугонка. В прикуривателе. А машина у Кристины. Раз они еще на площади, значит скоро в тачку сядут. Послушаю и перенаберу тебе. В панику не впадай, понял? Я разберусь.

Сбрасываю. Роюсь в телефонной книге. Звоню на симку, установленную в маячке.

Тихо. Гуляют пока.

На кухне варю себе кофе. Снова звоню. И врываюсь в середину разговора:

— ...собрания по вторникам и пятницам, до пятницы мы деньги не заберем, кабинет закрыт, — рассуждает Хромов.

— До пятницы решим, как заявить на них, — говорит Попкова. — Телефон бэушку купить и симкарту левую, и анонимный звонок сделать, так думаю. Мы же прямо не скажем — господа полицейские, вот они, вот деньги, доставайте наручники. А то начнут нас трепать, мы и сессию завалим, и вообще, пока идут разбирательства спятым. И надо как-то узнать, что с ослом. Если он все таки копыта того самое... тогда все откладывается. Нам для начала адвокат нужен.

- Может, мне у Саши напрямую спросить? — слышу голос Кристины и невольно дыхание задерживаю. — Вдруг Егор ни при чем. А так бы он нам помог.

— Кристин, это не лучшая ситуация, чтобы ему свои проблемы подсовывать и проверять, решит он их или пошлет тебя, — Попкова выдает нервный смешок. — Ты вспомни, как Аверин на парах звереет, чуть что не так. Он на вид классный, конечно, но мы же его сыну угроза. А мамаша у Егора, истеричка ненормальная. Такая ведь в приступе и машиной переедет.

— И как понять, Егор медведь или нет, когда мы с ним не разговариваем?

— В гости к нему напросимся, — предлагает Хромов. — Поищем улики.

— Чтобы нас там убили? — спорит Попкова.

— Возьмем с собой нож.

— Сами слышите, что несете? Черт, куда ты прешь, debil, — Кристина бибикает кому-то, матерится сквозь зубы. — Все, ждем пятницы, забираем сумку, подкидываем в клуб и наводим полицию. Кого арестуют, тот и медведь, сообщники сдадут Пуха все равно.

— Ух, Крис, злишься? Переживаешь, что препод твой нас как лохов разводит? Знал и молчал?

— Если сам не замолчишь, Вань, пешком дальше пойдешь, — предупреждает Кристина. Включив радио, обрывает разговор.

Размешиваю пенку в кофе. Делаю глоток.

Круть. "Вполне Вероятно Моя Будущая Супруга" прикидывает, как закрыть в тюрьму моего сына, с которым мы едва помирились. Неахтец ситуация, деликатно говоря.

Их винить глупо, Егор их подставил, да и это, в общем, правильно, шайка нарушили закон. Но для меня правильно другое.

Пью кофе, параллельно делюсь с Егором: сумку с деньгами они спрятали, и почему-то не могут ее забрать до пятницы. Есть время найти ее раньше, тогда с одним видео они ничего не докажут, улик-то не будет. Успеем.

Возвращаюсь к Ирине и сажусь за документацию. Еще и Антон мутит воду, к утру находим несколько прекрасных левых счетов. По идее Ирина недосмотрела, бухгалтерия на ней. Я прощаю, меня же простили сегодня, мои личные прощенные сутки, блудный сын вернулся, Страшный Суд грянул, аминь.

Заезжаю домой в душ и переодеться.

В институте принимаю экзамен.

Одним ухом слушаю болтовню в ауди, троица едет на поиски бомжа, чтобы на него симкарту оформить. Конспираторы решают дыхнуть гелия, когда в пятницу в полицию будут

звонить, гляньте, какие стратеги.

Одним глазом листаю дубль гис, ищу клад. Догадываюсь быстро. На площади ДК, в нем два этажа. На втором кабинет, в кабинете секрет. Собрание анонимных наркоманов, два раза в неделю, с восьми до девяти вечера, было вчера и будет в пятницу. Кошей Бессмертный, ты в полете со своим яйцом, концом, уткой, и всеми чародеями, ребята расстарались от души, сумку точно там где-то засунули.

Надо просто вскрыть кабинет и забрать. Хоть после экзамена сразу, уже стемнеет.

После экзамена звонят инвесторы.

Отмазаться от встречи нет возможности, меня дурит мой якобы друг директор, а я хочу снова вести бизнес напрямую и не хочу терять издательство, и для этого пять часов трачу на дорогу в другой город на переговоры.

До ночи торчим в ресторане. Кажется, заметно со стороны, что во мне уже нет агрессии, я не бросаюсь с кулаками, и не шарюсь по другим спонсорам, и учитывая, что мы превосходно ладили раньше, все идет по маслу гладко.

На утро созваниваюсь с Егором. Он тревожный, сообщники писиются от страха, и требуют срочных действий. Заверяю, что выезжаю, но застаеваю еще на сутки. Мужики ждут продолжения банкета:

— Сань, отлично вчера посидели, никаких "я поехал", давай в сауну.

Посылать людей сразу, как только вы руки пожали, нерентабельно.

Нефильтрованное пиво, немецкие колбаски на гриле, люксовая водка, копченое сало. Финская парная, бамбуковые веники, гидромассаж, оплачиваемый секс.

Да, проститутки.

Я не при делах.

Кристина словно чует, звонит в момент, когда дама с четверочкой, не стесненной лифчиком, трется об мое плечо, активно нахваливает мои татуировки и настойчиво убеждает, что всё оплачено, она мастерица и жаждет отработать.

Сообщаю ей, что от малыша пахнет карамельками, а от нее колбасой, и ухожу в комнату с телефоном.

— Ты второй день не звонишь, — без предисловий начинает Кристина. — Что случилось?

— Работы много было, — беру с тумбочки бутылку и делаю глоток. — Как у тебя, все нормально?

— Я скучаю. Можно к тебе приехать?

— Я в другом городе, командировка небольшая, — слушаю ее разочарованный вздох, и понимаю, что тоже очень соскучился. Хотел купить эти вонючие палочки, которые для запаха жгут, и вкусный лубрикант, шоколадки-сердечки, глинтвейн, вибростимулятор для клитора, пушистые наручники, короче, все, что девочкам нравится, и четыре оргазма сначала организовать, а потом уже с членом подключиться, чтобы не считала меня единоличником, но мои романтические помыслы нарушились, и вот она далеко, а я зря об этом сейчас думать начал, ибо под полотенцем растет недовольство.

В комнату стучат, и сразу дверь открывается. Не успеваю шикнуть, дама с четверочкой с порога тупит:

— Александр, я приняла душ и почистила зубы, колбасой больше не пахнет. Начнем?

— Вышла отсюда, — делаю жест рукой.

— То есть нет?

— Ты глухая? — вскакиваю с кровати.

Она шмыгает в коридор, от удара двери трещит косяк.

— Александр, — возмущается в трубке Кристина. — Что там у вас за колбасное производство с почасовой оплатой?

— Кристин, это не у меня, —двигаю защелку на двери. — Партнеры отдыхают, я просто пиво пью.

— На переговорах? Шикарно, — саркастично оценивает. — А офис где находится, в бане?

— В сауне, — мрачно поправляю.

— Серьезно, Саш? — громко хмыкает. — Ты не перетрудишься, а то сплошная работа, а развлекаться когда?

— Кристина, — морщусь. — Я по-твоему за пятьсот километров уехал в кедровой бочке поплескаться? Это для дела.

— Ну раз т-а-ак, — тянет. Меняет голос, томно спрашивает. — Александр, я в нижнем белье, прислать фоточку, пока платье не надела?

— Куда собралась? — смотрю на часы. — Девять вечера так-то.

— С Николь на корпоратив, — мстительно выплевывает. — Антон Геннадьевич послал. Там, конечно, море шампанского и парней-моделей, но это для дела, вы-то меня понимаете.

Молчим. Готов забить на алкопромилле и гнать к ней. Или взять такси и гнать к ней. Велосипед, вертолет, самокат, ковер-самолет, и да.

Таблетки в брюках, а брюки в раздевалке.

— Саш? — зовет. Я не отвечаю, она зовет еще раз. Говорит примирительно. — Там уныло на самом деле, особенно после наших вечеринок в клубе, у них креатив на нуле совсем, по шаблону шпарят. Ты ревнуешь?

— Да.

— И я да.

Опять молчим, но у паузы тоже есть интонация, и я мог бы и дальше слушать ее дыхание, если бы не помехи, там где-то на фоне бубнит мама Николь, и у женщины на редкость противный фальцет.

— Блин, достала, — бурчит Кристина. — Ты когда приедешь?

— Завтра.

— Я буду ждать.

Она не говорит, что завтра собирается бабосики мне в клуб подкинуть, а я не говорю, что сделать это ей не дам. Какой-то аномальный статус-кво. Но была бы она одна, а ведь с ней еще Попкова и Хромов, предлагать им за молчание те же деньги нет смысла — идейные студенты, помешанные на профессии, поэтому и лучшие на курсе.

Тусуемся в сауне до утра, немножко спим, сердечно прощаемся, выезжаю в час дня.

По телефону вкруговую убеждаю Егора, что мы все успеем, он не верит — ведь сумку мы не нашли. Про дом культуры я не сказал, он полезет сам и вдруг попадет. Доводит меня до каления, и тут только замечаю, что это не меня штормит, а машину. Торможу, любуюсь проколотым колесом.

Феерично.

В город приезжаю не в шесть, как планировал, а почти в девять.

Вот теперь пора врубить панику, я опоздал.

Прослушиваю ауди, троица направляется за деньгами в ДК, а я только перед постом и

вывеской приветствием "Добро пожаловать".

— Егор, — говорю в трубку. — Будь в клубе. Хромов какой-то там грим нацепил, деньги оставит на полторашке за цветами. Остальных не вмешивай, сразу забирай сумку и иди на парковку. Там встретимся.

— Они же будут думать, что сумка там, и в полицию позвонят все равно. И клуб засветят. Сначала полиция меня подозревает, а дальше анонимный звонок, что банда в твоём клубе? Рядом с банком, где на днях налет был?

Добавляю скорость и матерюсь. Супер, донаходили бомбы, дозрывали миры.

Хотя

стоп.

Бомба.

Раз клуб засветится, так его можно сразу не фонариком, а прожектором херануть. Отвлечь внимание от одного скандала другим покрупнее.

Фейк-ньюз на практике.

Пишу сообщение Егору, чтобы взял у охранника-Тигры телефон позвонить и шарик гелиевый захватил.

Заезжаю на парковку и слушаю спектакль в ауди. Мультяшный голос говорит:

— Полиция? В клубе "Want you" на Комсомольской площади скрывается банда Винни-Пуха. Доказательства спрятаны на площадке между первым и вторым этажом, за горшками с драценами. Поторопитесь.

Из тамбура вываливается взмыленный Егор, на плече сумка спортивная.

— Молодец. Садись. Разблокирован? — тяну руку за дарами. Набираю номер, вдыхаю гелий. Дожидаюсь ответа диспетчера. — Полиция? Мы пошутили. В клубе "Want you" на Комсомольской площади заложена бомба. А вот это не шутка.

Моя выдержка подвергается серьезным испытаниям.

Каждую неделю ночуем в отделении, чудная традиция.

Кратенько о главном:

Пятница, начало десятого вечера. Наушничаем в полицию на счет сумки с бабосиками и ждем у меня в машине через дорогу, у ДК. На место подруливают экипажи групп быстрого реагирования, кинологи, оцепляют территорию и эвакуируют народ, собаки что-то вынюхивают, и как-то... может, я ошибаюсь, но на поиски сумки немножко не похоже.

Потом из толпы оперативники выдирают Тигру-охранника и увозят в наручниках.

Мы в недоумении жуем попкорн. У нашего триллера непредсказуемая развязка, а мы никудышные сценаристы.

Дальше к нам подкрадывается довольный Егор:

— Капец, ну и дела творятся. Охранник спятил, позвонил в полицию и наврал, что в здании бомба. Его арестовали. Телефонное хулиганство. За его шутеечку или большой штраф, или срок дадут. Если бомбы, правда, нет. Пока еще ищут. Он отпирается от всего.

Егор беззаботно улыбается.

Идет снег, но тепло, у нас открыты окна, мы настроены доброжелательно, надеялись, что сегодня все решится, но пора, стало быть, подозревать: что-то пошло не так.

— А деньги, которые ты украл, там? — невинно хлопает ресницами Николь.

— Ты о чем? — поражается Егор.

— Не прикидывайся идиотом, — Ваня крутит пальцем у виска. — Успел сумку перепрятать? Но она же где-то близко, да? Далек бы не унес, — он выбирается из машины. — Егор, без обид. Но мы покажем следователю одно интересное видео.

— А-а, — коротко говорит Егор. — На котором вы осла мочканули? — складывает руки на груди, самоуверенный и спокойный, жмет плечами. — Давайте, идите.

— Я тебя умоляю, — Николь закатывает глаза. — Мы вчера здесь были, и видели осла, жив он.

— Уверена? И кто, по-твоему, осел? Вы шею парню свернули. Его со вторника никто не видел.

Мы скептически переглядываемся.

Иа, когда его через перила уронили, остался в маске, ни волос, ни лица его не знаем, но судя по комплекции, это был второй охранник, и он вчера работал, на входе стоял, с Тигрой. Мы его методом исключения вычислили, мы молодцы.

— Вы облажались, недоумки, — разочаровывает Егор. — Но, конечно, зовите полицию. Объясните им, куда тело спрятали и почему.

— Ну ты же врешь? — высовываюсь в окно.

— А ты проверь.

В толпе через дорогу, Алекс болтает с мужчиной в форме. Пальто расстегнуто, руки в карманах, на лице озабоченность, в черных волосах тают снежинки. Невольно залипаю, он крупный, броский, и привлекает внимание. Не пойму, в курсе ли он про Егора, мне надо поговорить, и обняться, сильно хочу к нему, долго не виделись, и меня это не устраивает, куча мыслей и все о нем.

Перевожу взгляд на Егора. Он весело объясняет, что тело ослика в надежном месте. И как только мы ляпнем полиции про ограбления, они тут же сдадут нас. Вопрос, кому дадут больше: им за налеты или нам за убийство?

Он все врет, он не был бы настолько невозмутим. Скорее всего. Я и про Винни-Пуха не верила, что это Егор, но он не отпирается. А гнет свое: друзья, сушите сухари.

— Сам суши! — Николь бросается в него попкорном.

— Ладно, — Егор медленно разворачивается. Орет. — Гражданин следователь! Можно вас на секунду!

— Ты больной? — Ваня шикает. Растерянно смотрит на нас с Николь. — Он ведь блефует?

— Нет, показывай видео, — Егор машет мужчине, отделившемуся от опергруппы. — А я расскажу про осла.

Молча наблюдаем, как следователь быстро перебегает дорогу. Внимательно всматривается в наши физиономии, ставит бровки домиком и морщится:

— Не понял. Опять ваша четверка? Какого черта?

Ну и вот, после этого нас забирают в отделение.

Ночью не трогают, а с самого ранья полощут мозг. В полицию поступило два звонка с разных номеров, но мы все твердим, что охранник подражатель Пуха, крышей поехал. Он, наверное, тоже самое говорит, не признаваться же ему, что он член банды. И мы молчим, позорно трусим.

Это какая-то воплотившаяся в жизнь тупая пародия: "я знаю, что вы сделали в прошлый вторник". Малодушно скрываем переделку с ослом, но мироздание справедливо, и нас настигнет возмездие, каждого по очереди шлёпнут, как в фильмах.

Сижу в коридоре, листаю учебник по креативному продюсированию и зеваю, Николь еще торчит у следователя. Сегодня суббота, а у нас две пары с половины пятого вечера, но зато последние в этом году, с понедельника сессия.

Оптимистично полагаю, что мы до нее доживем, да.

Хотя, если и преступим закон жанра ужастиков, и нас не убьют, то нас посадят. Мы полицейским и глаза намозолили, и плешь проели, и по горло залезли, и колем попу шилом, короче, они наверняка будут рыть.

Кроме меня в коридоре Мария. Мучает уши спутнику. Чувачок симпатичный, на актера похож из сериала про маньяка, но до Алекса ему далеко. Алекс мужественный, от него веет мужчиной, до него мне нравились высокие и худые парни, но теперь почувствовала разницу, когда он такой мощный, а ты рядом малявка, это так надежно, и сексуально, и тянет меня неотвратно, рассматривать картинки на его теле, и трогать каменные мышцы, и глянуть еще разок на заросшую грудь, в нем есть что-то животное, вброс в атмосферу, неуловимый, с воздухом ко мне в легкие, и мне кружит голову, и жду, чтобы он обязательно сказал нечто вроде:

Кристина, я без тебя не могу, давай поженимся.

Бодренько.

Ну а почему нет?

Нормальное желание.

Бабушка познакомилась с дедом на дискотеке. Они танцевали, он проводил ее домой, она подарила ему свой платочек, он позвал ее замуж. Утром ему надо было на корабль, но он пообещал, что вернется за ней. Она ждала. И он вернулся через два месяца, и забрал ее с

собой.

А мама встретила папу на свадьбе старшей сестры. Он был свидетелем жениха, она наврала ему про свой возраст, они не расставались два прекрасных дня, пока свадьбу отмечали, но потом он узнал, что ей шестнадцать, и впал в шок. Объяснил ей, что ему тридцать один, и это невозможно. Она ревела по нему целый год, звонила и бросала трубку, тайком наблюдала за ним возле дома, знала по именам его женщин, мазохистка, но не хотела забывать. И вот через год они снова встретились, на крестинах ее племянницы, и он на все наплевал, и они почти двадцать лет счастливы.

А мы три месяца не замечали друг друга в институте, и встретились по-настоящему в клубе, в начале этого месяца, и он мой, я знаю это так же четко, как и то, что стану журналисткой уровня Кристиан Аманпур, да.

Мария прижимает пальцы к вискам и нудит:

— Герман, какой кошмар, господи, неужели это происходит со мной.

Прикрывшись учебником, кошусь на них.

— За что мне это, Герман, скажи.

Герман меланхолично пилит ногти. Мария скоро продавит себе дырки в черепе.

— Они меня в больницу загонят своими выкрутасами. Боже... Сердце. Задыхаюсь. Рядом с этой девицей. Невозможно Герман, проводи меня в уборную.

— Конечно-конечно, кисонька, — оживает Герман. Берет ее под ручку и ведет по коридору.

В уборную.

Ага.

Туалет в огороде у нас на даче и то привлекательнее. Там есть дверь. Представляю рожу Марии при виде клозета и хмыкаю.

У меня из рук вдруг выдирают учебник.

— Привет, — Алекс рывком поднимает меня с лавки, прижимает к стене, говорит. — Так соскучился, чуть не умер.

— Может... — не успеваю закончить "не здесь". Ну и ладно. Пусть здесь. С удовольствием целуюсь, моя футболка вплотную к его пиджаку и пропитывается его запахом, его язык во мне, мазками с привкусом мятной жвачки, и с любительницами колбасы, он мне, скорее всего, не изменял, меня давит доказательство в его брюках, и мне приятно. Закидываю руки ему на шею и улыбаюсь ему в рот, настроение поднимается синхронно с его членом, мне становится смешно, и я хихикаю.

Он отрывается. Разглядывает мои губы, улыбается. Шепчет на ухо:

— И мне тоже расскажи.

— Саша! — гремит возмущенно. — Ты другого места не нашел, кроме отделения? Господи, какой стыд.

Смотрим на Марию. Вцепилась в своего Германа, трясет завитыми волосами. В глазах осуждение, причем не наигранное, поразительно. Ей срочно пора надеть юбку до пола, замотаться в платок и запереться в монастыре, чтобы, о-о, никогда-никогда не видеть нас, грешников, прочь от порока, Машуля.

— Это оскорбительно, — цедит. — Герман, почему ты стоишь? Сделай что-нибудь.

— Так, ясно, — Алекс подхватывает с лавки мою куртку. — Поехали.

— Куда ты собрался? — она преграждает дорогу. — Сына еще не отпустили, а тебе лишь бы любовницу развлекать? Немыслимо!

— Герман, приведи даму в чувство, — просит он. — Кристин, вот тут обойди, — тянет меня за руку. Маша делает шаг в мою сторону, но он выставляет локоть. — Стой тихо, а то щас малыша мне заразишь.

У нее даже истерика стопорится. Как рыба, беззвучно шлепает пухлым ртом. Уже в спину нам кричит:

— Попомни мои слова, пожалеешь!

Непонятно только, для Саши пророчество, или мне угроза.

Выходим на улицу и садимся к нему в машину. Он просит:

— Не хмурься.

— А чего она, — запальчиво возражаю. — Ты ей поводы даешь?

— Нет, Кристин, там все кончено.

— А чего она, — повторяю.

— Завидует.

— Чему?

— Тому, что мы поедем в ресторан и закажем буйабес. Хочешь есть?

— Что закажем? — поднимаю бровь.

— Вкусный суп.

— Хочу.

Смотрю в окно. С утра похолодало, люди закутались до глаз, снова валит снег, такими темпами скоро померяемся сугробами с Камчаткой. Я уехала и бросила Николь, и должна спросить у Саши про Егора, и мог ли осел сломать шею, но мне кажется, если я начну, то не выдержу, и мы поругаемся, а пока все так хорошо, и я тяну резину.

В ресторане нам приносят странную похлебку. В чашках суп с разной рыбой и омарами, вроде, и отдельно на подносе соусы и еще куча рыбы. Он подробно болтает: мидии, кальмары, тигровые креветки, гребешки, лангусты, и бла предыстория про марсельских рыбаков.

Ему вкусно, и мне поэтому тоже. Когда так расписывают, не соображаешь, что ешь.

Он смотрит на часы, и я спрашиваю:

— Какой сакральный смысл в гляделках на будильник?

— Счастливые число ищу, — он вытирает рот салфеткой.

— Давно?

— Ага.

— Давай помогу, — коварно предлагаю.

Алекс щурит глаза. Собирает лоб складками — думает. Кивает. Растегивает ремешок и тянет через стол мою руку к себе. Закрепляет часы на запястье, встряхивает. Часы большие и болтаются, как браслет, но не спадают. Рассматриваю обрuch. Платина, бриллианты, стильная и очень дорогая модель, точно. Но ценность в другом, в самом жесте. Он от паранойи отказался. Меня послушал. Это так вдохновляет, что я продолжаю, пока он мягкий и расслабленный:

— А на сигаретах черточки?

— А еще что? — он смеется. — Ты сильно любопытная, Кристина. Секунду, — отрывается на телефонный звонок.

Пью кофе и вполуха слушаю музыку. Зал полупустой, на субботний завтрак, стоимостью в хороший смартфон, очередь не выстраивается, да. Так что, может, Мария и завидует.

— Прокатимся до редакции? — он убирает сотовый в карман. — Ненадолго.

— У меня, кстати, машина на площади осталась, — встаю из-за стола. — Я могу пока...

— Нет, потом заберем.

Прячу улыбку.

Я тоже хочу с ним. Но когда он про нас говорит "мы", аморозо, я знаю, где седьмое небо и со всеми хочу поделиться адресом, почему они сонные и грустные, когда в окнах такое солнце яркое.

На светофорах он целует, и потом у издательства на парковке, и потом на лестнице, все пользуются лифтами, а пешком мы одни, и можем развратничать.

В редакции Алекс сразу идет к Антону. Я болтаюсь по офису. Николь пишет, что они с Ваней скоро приедут, сноб Антон Геннадьевич припахал.

Перегибаюсь через стойку, и смотрю, как секретарь сортирует коробки. Она поднимает растрепанную голову и улыбается.

— Кристин, закинь бумагу в туалеты, если не трудно, — сует мне коробку.

Выполняю поручение.

Вот так. Носим кофе, заботимся, чтобы сотрудникам было, чем подтереться — мы тут занимаемся чем угодно, только не журналистикой.

Четыре женских кабинки, дальше дверь напротив и четыре мужских. Уже выхожу из последней, когда в туалет влетает Егор. Прижимает трубку к уху и говорит:

— Да-да, пап, в издательстве.

Шмыгаю обратно. Слежу за ним в приоткрытую дверь.

Он стоит перед зеркалом, зачесывает пальцами волосы назад и закатывает глаза:

— Потому, что я им сказал, что осла грохнули. Ага. Пап, конечно, все норм с ним, а что оставалось? Да. А ты у Кристины спрашивал что-то? Что? Понял.

Он дает отбой. Заходит в соседнюю кабинку.

Напевает.

Слушаю журчание и думаю, что меня, похоже, используют.

Разумеется, жив-здоров осел. И Тигру они, наверное, подставили,

Мало того, что Алекс знал про Егора, он одобряет его, а меня от себя от не отпускает, возможно, поэтому. Чтобы в курсе быть. наших планов. Банальная история, в Аверине и близко ничего нет от мужчины, судьбой предназначенного, как у мамы, у бабушки, он просто козел, и сыночек в него уродился.

Ясно. Хотят войну, будет им.

Выхожу от Антона и сразу натыкаюсь на скандал.

Они с Егором возле туалетов, орут друг на друга. Сын закрывается рукой, она лупит его рюкзаком.

— Дура, укол от бешенства поставь!

— Ой, боже, Егор, причёска помялась, гляди-ка! — ахает она. — Привезу тебе в тюрьму гель для укладки и...

Понесло дикую кошку.

Борец за справедливость.

Иду к ним. Хватаю её за руку и тащу за собой, пока она всю редакцию на уши не поставила. Кристина упирается и тормозит по паркету, отрываю её от пола, открываю дверь и забрасываю в конференц-зал. Запираюсь, она у меня за спиной, яростно бунтует:

— Ты меня обманул, использовал, специально дал ауди, добренький, чтобы нас прослушивать, ты врун и подлый человек, и тогда в институте, будто надувной вагиной мной развлекся!

О, как.

— Ты что такое плетешь, Кристина? — оборачиваюсь. Подхожу ближе, привлекаю к себе, она вырывается. Удерживаю ее на месте. — Я сам недавно узнал, и это к нам не имеет отношения, абсолютно. Честно. Проблема с Егором мешать нам не должна и не будет мешать.

— Да неужели?! — она хмыкает так значительно, что мне на пиджак летят её слюни. — Я взяла и поверила. Ты мне говорил, что у тебя все серьезно, а сам вынюхивал. Блохастый пес, фу, рад теперь? Вот, конец, все, давай, марш в будку!

Она замахивается, а я не успеваю среагировать.

Бьёт меня.

По лицу.

У нее на запястье мои часы. От души проезжается по мне корпусом.

От неожиданности впадаю в ступор. Так и стою, смотрю на неё. Чувствую, как по виску вниз струйкой сползает кровь.

Блохастый пёс, марш в будку.

Пока не встречал психов, рискнувшись мне подобное ляпнуть.

А чтобы кто-то разбил мне лоб и айда спокойно дальше по делам — это за гранью где-то.

Глаз заливают красным.

Она бледнеет и отступает на шаг. Бежит.

Делаю подсечку, она падает. Едва не шлепается с размаху коленями, но перехватываю ее у самого пола, синяки нам не нужны. Она пытается подняться, я давлю ей на плечи.

Наклоняюсь, выдыхаю в ухо:

— Нет, не вставай. Сиди. Подумай, ты всё правильно сделала?

Она молчит. Стоит на коленях, опустив голову, и шмыгает носом. Ревет.

Маленькая злокачественная опухоль. Ей бы рот с мылом прополоскать. И пару дней в наручниках походить, если полагает, что можно меня метелить, как Егора.

Черт, я совсем не воспитатель. Она беззащитная, и по сути ребенок, и напугалась.

— Кристина, — зову.

Она не реагирует. Поднимаю подмышки. Она валится обратно, куклой виснет у меня в руках.

— Кристина! — прижимаю к себе, тоже пугаюсь. Может, у нее шок, а я большой страшный debil.

— Что, Саша! — рывкает в лицо. Вскидывается и лепит мне пощечину.

Да ладно. Аж окаменела вся от страха.

Выкручиваю руку ей за спину, она кроет меня матом и топчется сникерсами по моим туфлям. Тяжело дышу, не могу унять бешенство, но я бессилён — женщинам не чистят пятки, женщины и не распускали раньше ручонки, в самую первую нашу с Машей ссору, лет двадцать назад, я закрыл ее голую на балконе, зимой, она постучалась спустя минуту и попросилась впустить, и больше мы к дракам не возвращались, а сейчас эта мелкая провокаторша срывает мне резьбу, таблетки в машине, ее длинный язык треплет меня на износ, я и гад, и сволочь, и скотина, она добивается, чтобы я заткнул ее нахрен, и я выплескиваю злобу в нее.

Сжимаю ее подбородок, грубо целую.

Она отвечает. Сразу. С такой же злостью.

На губах смешиваются кисло-сладкие ручьи моей крови и соленый град ее слез, похлеще, чем водка с соком в "отвертке", одним махом вскрывает мне мозг. Она накручивает на запястье галстук и душит меня, я наматываю на кулак волосы и заставляю ее пятиться, давлю своим весом, она плюхается на диван в углу, крепко держит меня за шею.

— Ты козел, — вякает.

— Сама ты коза, — сдираю с неё джинсы вместе с бельем. Расстегиваю брюки, подхватываю её и разворачиваюсь, сажусь, на её нежной коже остаются блестящие отпечатки моих зубов, пока я медленно спускаю её ниже.

Многочасовая прелюдия курит бамбук. Я планировал долго ублажать хорошую девочку. А на меня садится грубиянка и драчунья, и я хочу ее так, что у меня вырубает пробки, проводка горит.

Поддерживаю её за талию, она цепляется в мои руки, и сама резко бухается вниз до упора. Ойкает, выгибается и раздирает мне татуировки ногтями.

— Жива? — говорю ей в грудь. Горячо, мокро и туго, до головокружения прёт. Мои владения. Она стискивает член, я зажимаю её саму, отбрасываю ее волосы и целую шею.

— Чтобы не как в первый раз, а дольше, — нашептывает мне на ухо.

Двигаюсь, в ушах звенит её протяжное "м-м-м", как драм-музыка, с вибрацией в стены, в зале шумоизоляция, но Кристину услышат в другой галактике, я срываюсь с катушек, она скручивает громкость, ловлю ее язык, вопли наполняют мне рот, горячо и остро, жаримся в реках лавы на краю ада, заплыли в токсичность, не выбраться.

Кладу пальцы ей на губы, она втягивает их в рот и сжимает челюсть, боль должна отрезвить, не помогает, обнимаю ее крепче, чувствую её глубже, я хотел с ней заняться любовью, а на деле еще никого так по хардкору не брал, и мне никто так не отдавался, это оно, крайняя ненависть и крайняя любовь сродни вулкану, страсть слепит, в черноте есть движения, остальное разрушено, ее спутанные волосы мокнули от пота, она такая хрупкая, под моей ладонью хрустят позвонки. Счет на секунды, и, кажется, я переломаю ей кости, а она откусит мне пальцы, отобрали друг у друга контроль и вместе тонем в самых дальних

скрытых гибельных гранях порока.

Она сдаётся, когда я сам на подходе. Ее лихорадит, она дергается, отталкивает меня, лезет под моим локтем. Теряюсь, наблюдаю, как ее мотает по дивану, она сжимает ноги и громко делится впечатлениями в мягкий подлокотник: а-а, блин, Саша, что ты сделал, блин, блин, я не могу, убери это.

Первый раз вижу, чтобы так кончали. Тянусь к ней, раздвигаю ее ноги и жадно изучаю. Внутри на бедре большое родимое пятно, усыпанное родинками. Представляю пляж и ее, и как всякие упыри тонут в слюнях и мечтах снять ей трусики и глянуть, где заканчивается метка, и мои собственнические замашки бьются в припадке, всё, Кристина будет носить купальные шорты, никому не покажу, нереальное украшение, с зоны бикини родинки растягиваются до влажных нижних губ, это чуть ли не стрелка, намек, что там вкусно, я не сдерживаюсь и наклоняюсь, пробую. Веду языком глубже, переворачиваюсь на спину и тяну ее за бедра к себе на лицо.

Она мокрая.

И гладкая.

И пряная.

Аккуратная. От нее пахнет женщиной, еще юной, но уже такой горячей, слизываю все до капли, мне мало, глажу ее живот под футболкой, ее до сих пор потряхивает, ноги дрожат. Касаюсь ее ртом, медленно и ритмично, она ерзает и подается вперед. Берет меня за волосы и приказывает:

— Быстрее.

Поднимаю глаза. Она смотрит сверху вниз, крутится у меня на лице и наслаждается властью. На щеках засохшие багровые полосы, под глазами небрежно размазанная тушь, обкусанные губы красные, волосы в беспорядке раскиданы и прилипают к шее, она воплощение страсти, естественного импульса, что стал непослушен разуму, моя мания, влезла в сознание, у меня привыкание,

Кристина, мне отныне кранты без тебя.

Скольжу руками на ее бедра, сжимаю, обхватываю губами клитор и втягиваю, она взвизгивает.

— Саш, я пошутила, отпусти, о-о-й, — она скребет ногтями диван и вздрагивает.

Управляю ее дыханием, добиваюсь второй порции, ее тело послушно откликается, она давит лбом подголовник и начинает возню. Не даю встать, вплотную прижимаюсь к ней ртом, ее колотят судороги, и меня за компанию, на языке танцует ее оргазм.

Кристина как после отжима, медленно неловко сползает по мне, ловлю в объятия, долго целую, она устраивается у меня на груди.

Эх. Надо застегивать брюки от греха, он зря стоит и болит, жаль ее тревожить, уставшая кроха.

Или подождать. Пять минут. Хватит ей отдохнуть. В круглосуточной тренажерке на первом этаже есть душ, и, вообще...

Кто-то пытается войти, ручка не поддается, стучат. Кристина вяло приподнимается на локте, прислушивается. За дверью тишина.

Кристина щурится на меня. Отбрасывает назад волосы и откашливается:

— Это всё, конечно, очень хорошо. Но тебя ведь напрягает, что Егор так спалился, а я все знаю. Отношения, замешанные на лжи, ненастоящие, Саш. Я хочу по правде.

— Кристин, недоговаривать и врать — разные вещи, — опрокидываю ее, нависаю

сверху, нос к носу. — Я тебе просто не сказал. А ты мне наврала. Что к экзамену готовишься. А сама по площади рассекала.

— Суть не меняется, когда двое вместе, нельзя против друг друга что-то мутить.

— Так не мути.

Она задумчиво теребит мою рубашку. Обнимает меня бедрами, лежит подо мной, я упираюсь в неё. Она кусает губу. Господи. Я ведь не железный, у меня будет инфаркт, она сама знает, какая красивая?

Отжимаюсь, встаю.

Она лениво, по-кошачьи потягивается. Напоминает:

— Саша, так и что делать, банду-то ищут.

Поправляю костюм, морщусь:

— А что ты хочешь делать?

Она смешивает нас и лишнее.

Тигра под стражей, суд ждет, если его и мурыжат на счет Винни-Пуха, он же не debil сдаваться, за вооруженные налеты штрафом не отделается. От нее и остальных отстанут, тупо не о чем уже разговаривать. В обществе резонанс, молодежь главный двигатель, полно придурков с букетом мелких правонарушений во имя косолапого. С такой популярностью полиция на шайку не забьет, в ближайшее время точно. Но если не тратить деньги, не соваться в скупку с драгоценностями, нигде не отсвечивать, и если Попкова с Хромовым рты закроют, тогда им предъявить нечего, флешмобы устраивать законом не запрещено.

— Доносить на них смысла нет, — Кристина натягивает джинсы. — Из доказательств только видео, где Ваня осла с лестницы столкнул. Там даже не видно, что в сумке. Можно уверять, что миллионы, но со вторника несколько дней прошло, а мы молчали. Из-за ослика. Начинать трепаться себе во вред, — помолчав, торопливо добавляет. — Я бы и не стала уже, я с тобой, — подходит ко мне, касается лба. Улыбается, — ты как из триллера. Очень болит?

— Малыш, себя еще не видела, — усмехаюсь, корябаю засохшую корочку у неё на щеке. Возвращаюсь к поучениям. — Кристин, учись решать конфликты словами. Если повторится такое, будешь наказана.

— Наказана? — шепчет, округлив глаза. — Плеткой? — встаёт на носочки и трется об меня, она не боится, прячет улыбку, а я ведушь.

— Ты маленькая развратница, — целую родинку на губой, поворачиваю её руку и смотрю на часы. — На пары поедешь сегодня?

— Неа, там у меня все сдано, — мотает головой, дергает меня за жилет. — А ты давно обещал по магазинам. Поехали. Может, купим ёлочку. Игрушки? И к тебе в гости, и отключи телефон, до понедельника. Да? Скажи да.

Киваю.

И так рассчитывал домой ее заманить, ёлочка, так ёлочка. Сама виновата, нельзя быть такой шоколадной, и чтобы тебя не съели, два дня постельного режима, потом колечко на пальчик, и все, никому не отдам.

А пока до понедельника лично моя. Сорок восемь часов — вечность.

Сорок восемь часов — миг. Понимаю это, когда в понедельник торможу на парковке возле института. Целую Кристину, отпиваю кофе, возвращаю ей стакан.

— После экзамена позвоню, — она выбирается на улицу. Дверью не хлопает, снова заглядывает в салон, тянет меня за воротник и чмокает. — Я супербыстренько. Елку без

меня не трогай.

— Слушаюсь, — салютую.

Провожая глазами ее фигуру, как она несется по заснеженной аллее к зданию. Смешная. Первая моя женщина, которая не качает попой на каблуках, но сексуальностью размазывает меня в мокрое пятно.

Включаю телефон. Сотку долбит смс-атака, листаю вести.

Егор требует уgomонить его шайку, ребятам не понравилось, что тигра под монастырь подвели. Да неужели, они бы и так сели, все вместе, а тут всего один, зачем возмущаться, не пойму.

Отправляю сыну сообщение, что приеду к открытию.

До вечера разгребаюсь в издательстве и выношу людям мозг. Еду в клуб, называю Кристине.

Экзамен четыре часа назад кончился, а у нее телефон не абонент.

На парковке натыкаюсь на Егора. Стоит, прислонившись к капоту и курит.

— Однако, — киваю на сигарету. С воспитанием позднечко, маслом кашу не испортишь, наварил-то он будь здоров.

— Пап, они хотят, чтобы ты договорился со следователем, — вываливает Егор. — За шутку с бомбой можно штраф выплатить, и тигра отпустят.

— Еще что хотят? — роняю телефон, наклоняюсь.

Поразительно. Творят херню, палятся по-черному, и условия мне выдвигают, оборзели края не видят.

Дверь со стуком ударяется в стену, едва успеваю сдвинуться и не получить по мордасам. Из тамбура вылетает Кристина, с рюкзаком в руках, в глазах паника. Мазнув взглядом, бежит мимо нас, но рассмотрев, резко тормозит.

— Ты! Совсем тупой? — швыряет в Егора рюкзак. — На, сам разбирайся!

— Что там?

— Побрякушки твои ворованные, — она встряхивает волосами.

— Откуда?

— От верблюда!

Егор шарит по карманам пуховика. Машинально поправляю съехавшую крышку на смартфоне и еще на что-то надеюсь.

Его рюкзак с украшениями из ювелирки лежал в камере хранения на вокзале, я хотел забрать и не успел. Ячейка автоматическая, нужен лишь смарт-ключ.

— Попкова с Хромовым? — спрашиваю.

— Сперли ключ, — подтверждает Кристина. — Думают, я оставила рюкзак за горшками с драценами между первым и вторым этажом и...

— ...сейчас звонят в полицию, — заканчиваю.

— С именами и фамилиями, — добавляет.

Блестяще.

Где-то на улице сигналит машина. Егор гулко шоркает подошвой бетон. Чертыхается и открывает дверь:

— Пошли, за шариком и сотовый у осла возьмем.

— Опять бомба в здании? — Кристина крутит пальцем у виска. — У тебя совсем балки рухнули?

— А у тебя варианты есть? — он делает шаг к ней.

— Да это уже на цирк похоже! — она закатывает глаза.

— Замазали сумку, замажем рюкзак и свалим с радаров, все, подкидывать им больше нечего, Крис, Бога ради, не тупи, — Егор шелкает пальцами у нее перед носом.

— Я туплю? Ты просираешь ключи, а я таскаюсь с твоими бриллиантами, чтобы тебя не посадили, ты... — она кашляет от дыма и выдирает у него сигарету. Оборачивается. — Саш!

— Пап!

Тру переносицу.

Второй донос, что шайка тут окопалась, а тут ничего не будет — оперативников откровенно дурят, яснее некуда. В пятницу у них был виновный — поехавший мобер, играющий с телефоном, на него можно было спустить злость, неудачу, всех собак, а сегодня без бомбы эту муть загонят под лупу, Егор прав.

— Иди за шариком, — говорю Егору и захожу в тамбур. — Мальш, езжай домой, — сую Кристине брелок с ключами. — Сваришь макароны, как тогда.

Она не берет и не отстает, почти бежит рядом, пристраиваясь к моему шагу. Я резко торможу, она натывается на мой локоть.

— Я не уеду, я с тобой.

— Кристина, мы играем с законом, это очень плохо. Тебе весело?

— Нет, Саш. Николь, наверное, уже вызвала полицию, Егор еще здесь с рюкзаком, а мы стоим и тратим время.

Она собрана и сосредоточена, та самая умница с моих семинаров, и лезет за мной вытаскивать моего сына, которого терпеть не может, и я не въезжаю, как все это, вообще, что вот мы в искусственном тумане под музыку премся по залу, в полутьме, мигают синие лампы, на танцпол подтягивается народ с коктейлями, а мы пить и танцевать не будем, сворачиваем прямым к главному входу.

Осел-охранник в одиночестве трется у дверей.

— Здравова. Дай телефон, — говорю, равняясь с ним.

Он смотрит на меня, на Кристину.

— Да конечно, два, три телефона! А меня потом по статье закроют, — ухмыляется, рефлексивно придерживает карман на форменной куртке. — Короче, так, Сань. Во-первых, вытаскиваешь Тигру, отмазываешь его или денег следователю даешь, хоть что делай, но чтобы свой косяк...

— Какой косяк? — влезает Кристина. — Ты в башке своей ослиной циферки прибавь, он или месяц там потусит, или десять лет.

— Но чтобы свой косяк... — повторяет осел.

Некогда.

Выкручиваю ему руку, прижимаю плечом к стене, шарю в кармане и достаю телефон. Он лягается и отскакивает к дверям.

За спиной визжит Кристина. Смотрю через плечо. Официантка-Пятачок размахивает бутылкой шампанского и поливает Кристину пеной. У меня выбивают смартфон, он летит Кристине под ноги, она трет глаз и вслепую пинает поросенка. В проеме, картинно под бум-бум музыку, вылезает голова Мистера Пропера.

— Эй, че за дела, — орет уборщик. Оглядывает заварушку и огибает угол.

— И ау, Сань, так-то век прогресса, — от двери охранник машет растопыренной пятерней. — На отпечаток блокировка смартфона, ку-ку.

Хватаю его запястье, тяну к себе. Ладонью бью в подбородок. Он запрокидывает голову,

пьяно шатается, поплыл.

— Постой, щас пройдет, — прислоняю охранника к двери. Оборачиваюсь.

Кристина уже пролезает снизу, отбрыкивается от держащей ее за ногу официантки и оперативно подставляет сотовый, берет безвольный ослиный палец, пока тот в нокауте, и жмет на экран блокировки.

— Есть! — сообщает позади запыхавшийся Егор. Мимиходом валит на пол уборщика и трясет шариком.

Кристина бросает ему телефон. Тот ловит его в воздухе, показывает мне рюкзак на плече и жестом парковку, поворачивается спиной.

— Отпечатки протри, — кричу вслед.

— Вы от нас так по одному, от каждого и избавитесь?! — вопит поросенок. Толкает Кристину и с горя выливает в рот остатки шампанского.

— Ты не соображаешь, что от вас подозрения отводят? — Кристина дергает плечами в растегнутой куртке, отряхивается и липнет ладошками, морщится. — Кому в здравом уме в голову придет, что банда, когда у них миллионы на руках, рискует и шутит шутки с полицией. Они телефонных хулиганов и вооруженных налетчиков не свяжут, и Пуха искать здесь не будут, понимаешь, Линда? — Кристина трясет слипшимися волосами. — Блин, ну и нафига ты на меня это вылила? — она задирает футболку и вытирает мокрое лицо.

Смотрю на ее плоский загорелый живот, на контрасте с белой тканью бесподобный, сорок восемь часов анатомии, в память врезался каждый изгиб, я целовал и мял каждый сантиметр, моя красавица, кажется, это любовь.

Она поправляет одежду, встречаемся взглядами. Она осторожно улыбается.

Отвлекаюсь на вибрирующий телефон. Читаю сообщение от Егора. Кристина подходит, заглядывает через мой локоть:

— Вызвал? Уехал? Молодец. Скоро эвакуация начнется, что будем делать?

У меня есть двести десять тысяч рублей.

За каждый пройденный круг игры банк выплачивает двести тысяч, десять у меня было, я играю по второму кругу, в квартире я, "Монополия" и полночь.

Вместо макарон попыталась испечь пирог, но или с духовкой непорядок, или с моими умениями — тесто не пропеклось, не отдиралось от листа, я расколошматила эту лепешку лопаткой и унесла на мусорку. Саша остался без ужина.

По телевизору показывают российский фильм: каждый год тридцать первого декабря мужчина ждет женщину на площади, она не приходит, а он ждет, и вот она пришла, а его нет. Страшный случай, но я не переживаю, смотрела уже — они встретятся в конце и будет все у них тип-топ.

Зимняя сказка на подходе.

До праздника осталась какая-то неделя, мы купили ёлку, но на ее наряд времени не хватило, игрушки в коробке под деревом, там есть и шары, и звездочка на верхушку, и гирлянды пушистые, и лампочки, и даже Дед Мороз.

А еще купили мне зубную щетку и крема, и выделили мне две полочки в шкафу.

И поставили мою фотографию на заставке на его ноутбуке. Это я сама, конечно, управилась, но он вроде как не против.

У него в квартире не хватало немножко меня. Когда на ручке холодильника висит его галстук и рядом за бретельку моя новая ночнушка — это красиво напоминает утро, как он хотел принести мне кофе в постель и не успел, я проснулась и чудесно позавтракала сексом на стойке под бодрящий аромат выкипающей на плите арабики, м-м.

Не знала, что так бывает, даже если просто смотрите вместе стендап и сидишь далеко, он тащит к себе по дивану, чтобы ближе была, и когда встаешь, смотрит, куда пошла, и слушает все, что ты болтаешь, и расстраивается, когда ты есть не хочешь, а он специально для тебя готовил.

Наливаю вино под скрежет ключа в двери, тороплюсь в коридор и морщу нос, вместо Алекса на пороге топчется Егор. Расстегивает куртку и сбрасывает на полки, разувается, проходит мимо меня в квартиру.

— Он в клубе остался, — бросает через плечо. Поворачивается. — Ты мне из-за него помогаешь. Из-за отца. Но все равно. Спасибо.

— Спрятал рюкзак?

Он кивает.

— В ДК?

— Да.

Пью вино.

Сегодня в доме культуры собрание для алкоголиков, в том же кабинете, где наркоманы собираются. Захламленное помещение, куча шкафов, сумку с деньгами он тогда за шкаф сунул, теперь, получается, и рюкзак туда же. Не то, чтобы идеально, но все таки.

Как по мне, лучше всё тихо отдать полиции. Если награбленное к ним вернется, то и стараться, наверное, не будут, преступников вычислять. Просто еще разок анонимно позвонить и сказать, где деньги и драгоценности.

Моя карьера пока не началась, а уже в криминальных пятнах. Беда.

— У вас с ним все хорошо, да? — Егор садится на диван, смотрит на разложенную на столе "Монополию". — Сама с собой играешь?

— Короче, — ставлю бокал на клеточки. — Ругаться неуместно.

— Не собирался, — он откидывается на спинку. — Спросить только хотел. Зачем в сентябре после секса меня заблокировала. А папу почему не заблокировала? Наоборот, почти живешь здесь. Когда свадьба? Пригласишь?

— Ты меня пристыдить хочешь? — хмыкаю. — Это не твое дело. Вообще.

— Сказала бы сразу, чего тебе надо. Примерь, — он лезет в карман и выбрасывает на стол горсть колец. Как игральные кости по картону, разлетаются в стороны, блестят камнями и падают на пол. Живописные, дорогие, ворованные штрихи для холста о бесконечном счастье, атрибут лиричной баллады о легендарной любви. — Я не придурок и понял, что первый был, — он встает с дивана. — И кровь видел на резинке. Ты могла не включать недотрогу оскорбленную? И все было бы нормально у нас.

— То есть ты переломишься, но не признаешься девушке, а я виновата? — медлю. Пинаю украшения. — Тебе лишь бы понтоваться, какой ты мачо. Ничего не было бы нормально у нас.

— Я не один всё запарол.

— Уже нет разницы.

Он берет мое вино. Пьет. Звонит домофон. Повод смотаться в коридор.

Нажимаю кнопку и распахиваю дверь.

Не поворачиваюсь.

Мне неудобно, неловко, не по себе, хотя я ничего плохого не делала, просто так сложилось. Я ведь переживала из-за него, долго, а он только доставать меня умел, популярность, оказывается, может обернуться злом, привыкший, что к нему в кровать бегут по первой смске, гордость умерить не в силах, чтобы первый шаг сделать, способен лишь на ежедневные детские подколки, а ведь хватило бы той же самой жалкой смс, но с другим текстом, "я о тебе думаю", например. Но он бы, похоже, в собственных глазах упал, если бы открылся.

На этаже гремит лифт.

Сдвигаю брови и смотрю на Николь с Ваней в разъехавшихся дверях.

— За Егором следом, — говорит Ваня, отстраняя меня. — Как в детективах, прыгаешь в такси: командир, гони за той красной тойотой. Ну что? Опять отмазались?

— Кристина, я от тебя не ожидала, — Николь сбрасывает сапожки и по-хозяйски осматривает дом. — Классно устроились, ага. Егор! К чему были эти ограбления, и зачем ты нас втянул, объяснишь, наконец? Адреналина не хватало? А ты в курсе, что за нами теперь следят?

— Кто?

— Откуда я знаю? Какой-то чел на синей десятке. У нашего дома машину видела, Ваня ее видел, возле института ее видели, у клуба, и щас за нами ехала. Мы ждали, он так из двора и не сдернул. Что за хрень происходит? Это полицейские?

Они роются у Саши в шкафу, достают еще вино и ром, рассаживаются на диване, и перебивая друг друга, нападают на Егора.

Гашу свет и выглядываю в окно.

Во дворе фонари, но машин так много, ночь, люди спят или собираются, забили

парковку, и рассмотреть синюю десятку не могу.

Рядом топчется Егор, тоже напрягает глаза и чешет затылок.

— Может, нас вычислили? — говорит.

— Почему тогда не арестовали?

Он жмет плечами.

— Эй, мы подробностей дождемся? — кричит Ваня. Гремит стаканами.

— У меня проблемы в семье были. И с девушкой, — оборачивается Егор. — Отвлечься надо было. Извините, ребят.

- Шикарно, — возмущается Николь. — Нас две недели треплет полиция, а тебе отвлечься надо было?

Сумерки, горит синяя подсветка в обеденной зоне и голубой экран плазмы, они распивают запасы Сашиного бара и примеряются к "Монополии" — отличное занятие в половину первого ночи накануне двух экзаменов.

На выходные Аверин собирает всех сотрудников на репетицию Нового Года. Полным составом редакция катит в дорогуший санаторий в глуши — горы, лыжи, искрящийся снег, съёмки для журнала. С начала декабря он убеждал Егора компанию им составить, а теперь мы все тоже сотрудниками считаемся, и на полных правах можем присоединиться, а Николь с Ваней и хочется, и колется ехать. Я вот тоже рассчитывала на классный отдых, а не на выяснение отношений с ночи до утра.

Николь разбрасывает фишки. Встаёт на ноги, покачивается, хватается за Егора:

— Где тут спальня? Я напилась, кажется. Егор, клянись, что ты теперь все будешь говорить. Никаких секретов. Или мы поругаемся. И больше свои конспекты тебе не дам, ни за что.

Когда приезжает Алекс, они втроём рядом дрыхнут у него в кровати.

— Мило, — оценивает он. Снимает пальто и смотрит, как я собираю рассыпанные по стойке сигареты обратно в пачки. — А это что?

— Начну курить, — сую сигарету в рот и шелкаю зажигалкой. Отхожу ближе к вытяжке. Вдыхаю дым и строю невозмутимость, но неудачно раздражаюсь кашлем.

Он скептически кивает.

— Уверена? — перегибается через стойку и тянет меня к себе. — Фу-у, — морщится.

— А по-моему круто, — затягиваюсь дымом. — У меня куча здоровья, будем вместе сокращать жизнь. Сигарета минус пять минут, за сутки сколько набегит? Так глядишь, и обойдемся без поисков твоего счастливого числа, скоро сыграем в ящик.

— Воспитательница, — он улыбается, вырывает у меня сигарету. — Шантаж, Кристин, — поднимает бровь, жуёт щеку. — Я понял тебя, подумаю, — оглядывается на заставленный бутылками стол. — С чего они накидались?

— Решили, что за ними следит какой-то тип на синей десятке.

— Да? — резко переспрашивает. — И где он?

— Не знаю, я сомневаюсь, что он есть.

Он курит. Стряхивает пепел на стойку.

Готовить я не умею, а вот прибиралась целый час и мне обидно за такое наплевательское отношение к чужому труду.

Иду к дивану и собираю со стола пустые стаканы. Мысленно обзываюсь.

Чувствую, как на талию ложатся его руки, сжимают, поворачивают меня. Он оттягивает воротник футболки, целует плечо, и я сражаюсь с мурашками, невероятно, так быстро,

память подбивает на секс, не могу, это что-то странное, в глазах темнеет, и я словно закинулась его психотропами, не соображаю, отключаюсь от мира, хочу его.

— У нас там пьяные гости, — говорит, убирая мои пальцы с ремня брюк. — Повтори экономику на завтра. Или английский. Помочь?

— Сама, — цежу. Включаю свет и раскладываю тетради.

Он варит кофе. Садится рядом с кружками и учебниками. Я смиряюсь и мы вместе готовимся, у него в четверг история медиа.

К десяти утра он подвозит нас в институт.

Учеба грузит, сдаем экзамены, тащимся домой и готовимся с Николь к арт-критике, в среду сдаем последний на этой неделе. И я последняя, чуть не засыпалась на трансмедийных проектах.

Когда выхожу из аудитории, он ждет меня у окна. С цветочком.

Расплываюсь в улыбке и бегу к нему, тяну руку за розочкой, он тянет ладонь в ответ:

— Зачетку покажешь?

Гордо демонстрирую заполненные клеточки. Он улыбается, прижимает к себе, висну у него на шее и целую, краем мозга перевариваю громкий шепот, ну да, мы же в институте, а он еще не уволился, меня, наверное, ненавидят теперь, урвала самого прекрасного мужчину на свете.

Становится остро грустно, что с января мы здесь не встретимся, никто не будет дергать бороду и закатывать глаза на тупые вопросы на лекциях, и запрещать занимать средние ряды.

— Почему только два первых и два последних ряда? — спрашиваю, садясь в машину. Держу нос в розочке и чувствую себя победительницей шоу "Холостяк", мой цветочный иммунитет на веки вечные.

— Ряды, как шамхатная доска, — говорит, выкручивая руль. — Скучно с вами было.

— То есть ты возомнил, что мы там у тебя пешки в клетках? — оскорбляюсь. — Не двигаться, пока ты не разрешишь? Тебе не стыдно?

— Кристина, в шахматах не только пешки. Еще кони, слоны.

— Я где сидела? Конь?

— Ферзь.

— А ферзь это кто?

— А это моя королева, — не отрываясь от дороги он целует мои пальцы, и я готова разреветься. Знаю, что ему совсем не нужен этот институт, но так не хочу отпускать, мне учиться годы, а у него давно диплом, и распорядился он им отлично, у него успешный бизнес, просторная квартира, машины, дорогие костюмы, а я... — А ты умница, закончишь учебу и каждый год будешь получать документальные новостные премии, — говорит, заметив, что я рыдать собираюсь. — Ты чего, малыш?

Дергаю плечом.

С другой стороны, его Мария вроде как хозяйка салонов красоты. И по ней не скажешь, что она красным дипломом вбивает гвозди в небоскреб карьеры, а он ведь ее любил, все равно.

Мне ревниво.

По дороге заезжаем в редакцию, и планы рушатся, он уезжает на встречу с кем-то. Слоняюсь по офису, пока Антон Геннадьевич не отправляет на очередной корпоратив.

— Подвезу, — говорит, открывая мне дверь джипа. — Заскочу в ресторан тоже.

Пишу сообщение Николь и всю дорогу люблю Антоновской перекошенной мордой. Заколебал, я его не просила катать меня.

В холле сдаем одежду. Ему кто-то звонит, собираюсь отойти, но слышу имя "Мария" и торможу. Подслушиваю.

— Да, тебе Саня не говорил? — трещит в трубку. — Всей редакцией. У нас бронь на выходные, едем в пятницу с утра. Кто? Ну, если твой Герман выбьет места, пожалуйста, присоединяйтесь. Там отличный воздух, всё включено. Да, Маш, да. Усадьба.

Скриплю зубами.

Марии только нехватало.

Не надо ее туда, плиз.

Смотрю на Антона, но он мое заклинание не считывает. Тербит пуговицу на рубашке и говорит:

— Маш, я уточню. Если кто-то из наших не поедет, разумеется, дам знать. Давай, на связи.

У меня портится настроение. Николь прилетает за полчаса, но Антона не застаёт, выслушиваю ее ахи-вздохи и пью шампанское. Хотели чуть-чуть отметить удачное начало сессии, а я пыхчу, как старая бабка.

И, вообще, могли бы уже завтра мотануть в санаторий, но ждем Сашин экзамен.

Надеялась увидеться с ним, но он весь четверг торчит в институте с утра до девяти вечера, несколько групп принимает.

Зато в пятницу с самого утра мой.

Николь и Ваню везет Егор, а мы вдвоем, по белоснежной трассе, играет радио, я ем конфеты.

Как бы мы едем не совсем отдыхать, а работать, январский выпуск журнала про вечеринки, и у них взаимная договоренность с санаторием, пиар, а в обмен пару дней мы бесплатно тусим в офигенных номерах у подножия гор.

На лыжах я каталась только в школе, но там была такая физра, что жуть. Потеешь несколько кругов по лесочку на время в чьих-то вонючих лыжных ботинках, получаешь оценку и красная и мокрая торопишься в раздевалку.

А сейчас меня обещали научить кататься. И у нас люкс на двоих.

Прибываем по темноте, аккурат к ужину, я успела вдоль и поперек изучить историческую справку.

Огромная усадьба когда-то принадлежала какому-то графу. Трямс, добрый вечер, граф, не желаете ли заглянуть на ужин в нашем веке? Санаторий "Сказочно", версия 2.0.

Автобуса с остальными пока нет, машины Егора, вроде как, тоже, стою возле ограждения и слежу, как Саша вытаскивает чемоданы.

Встречать здесь праздники собираются одни крутышки, а мы на бюджетной основе, поэтому нам выделили места на служебном паркинге.

— Кристин, а ты учебники не взяла что ли? — спрашивает, ковырясь на сиденьях.

Не отвечаю, прижимаюсь к желтому столбу и пропускаю машину. Синяя десятка проезжает мимо, втискивается между двумя иномарками и останавливается.

Жду водителя, но тишина, никто не выходит. Хм. Заражаюсь паранойей.

Обеденный зал находится в пристройке, потолок словно окно в небо. Можно жевать грибную запеканку и любоваться звездами, в хорошую погоду очень романтично.

Кристина лениво листает меню. Ничего не выбрав, откладывает кожаную папку. Ковыряет остатки салата в тарелке и двигает по скатерти на край стола.

Малыш наелся. Хмурится на меня. Не дождавшись реакции, берет вилку и ворошит шампиньоны в моей порции.

— Ну что? — вытираю губы салфеткой.

Она как пилочка. В-ж-ж, весь ужин пилит мне мозг на тему подозрительного парня из синей авто.

Пропускаю мимо ушей. Едва перестал закидываться колесами, а она с транспарантом маячит "пое-е-хали, ну же, сбросим опять тебе крышу, как ковер-самолет, в дальнюю даль уплывет твой рассудок"

— Вон, — Кристина стреляет глазами в сторону. — Даю зуб, он точно замаскировался под официанта.

В зале красивые резные столы и стулья из южного ореха. Обслуга расставляет блюда с разной деликатесной всячиной перед гостями. Народу полно, и знакомых лиц тоже, селебрити, то и дело мелькают в глянце.

Ее подозрительный тип похож на меня. Бородатый, волосы темные, фигура крупная. Моложе, на вид лет тридцать. И живота у меня такого нет. Чтобы аж над ремнем нависал. Пиджак не застегивается.

— Кристин, — отпиваю кофе. — Может, он не маскировался. Может, он и есть официант. Глянь, у него даже поднос в руках.

Я все понимаю. У нее возраст такой. И профессия. Ей хочется ребусы отгадывать. А я целый день за рулем, и я устал.

— Фух, вот это я дал, — гремит над ухом голос Антона. Он двигает стул, ножки скрежещут по мраморным плиткам. Бухается сбоку от меня. — Дорогу не на шутку замечает, думал встрянем где-нибудь. Пурга, ничего не видать.

У нас тепло, светло, в углу пианист по клавишам бряцает, но мы сидим у окна, и слышно, как завывает ветер, стучит снег в стекло.

— Ты один? — оглядываюсь. — Надо позвонить нашим, узнать, где едут

— Мы с худредактором, он в номере вроде, распаковывается, — Антон щелкает пальцами, привлекая внимание официанта. — Остальных не будет. Кто-то отменил автобус. А завтра им уже смысла нет мотаться. Здравсье, — говорит подошедшему парню в смокинге. — Мне...

Он перечисляет, чем щас полакомится, я смотрю на Кристину и жую губу.

С Антоном мы последнее время не ладим. Я пока не сказал, что в курсе, как он дурил издательство эти полгода и какую сумму себе выкачал. Если обвинять, то сразу во всем. И в том, что весной я под капельницами валялся тоже. Но я один раз ошибся с Егором, вешать косяки теперь и на друга не могу. Или не хочу. Чего-то жду, сам не знаю.

— Что значит кто-то отменил автобус? — Кристина наклоняется вперед. — Специально помешали нашим сотрудникам мотануть сюда отдохнуть? И кто?

— Мотанули мы сюда, как ты выражаешься, работать, — морщится Антон. Берет стакан и откидывается на стуле. Делает глоток рома. — Съёмки по договору. Притомило всё вам разжевывать, Кристина.

— От одного предложения утомились, Антон Геннадьевич? — ставлю локти на стол, упираюсь подбородком в ладонь.

У Кристины тренькает телефон. Она вчитывается в сообщение и встает:

— Николь пишет. Они приехали. Я наверху буду.

Она подмигивает. Уже у Антона за спиной корчит ему рожу. Показываю ей знаком, чтобы прекратила. Заметно, что он ей не нравится, но ведь люди кругом.

Антону приносят заказ. Тот самый пузатый официант. Ставит на стол блюдо с яйцами и бокал с белым вином.

Вроде бы он другое что-то просил.

— Это вареные яйца? — спрашивает Антон.

— Да, — кивает парень.

— И вино?

— Именно.

— Дружок, у тебя скорлупа в бороде застряла.

— Я вытащу.

Парень закрывает бороду подносом и уходит. Антон чистит яйцо.

Моргаю.

— Это что было? — смотрю вслед официанту. Поворачиваюсь к Антону. — Ты же рыбу заказывал?

— Какая разница, — Антон трясет солонкой. — Здесь белка еще больше.

Он невозмутимо двигает челюстями. Белком насыщается. Не сотрясает кулаки в угрозах, что официант пробкой вылетит с работы, просто ест то, что подсунули — какая-то странная реакция.

И сам диалог. Чушь про скорлупу в бороде. Не было ее там.

Будто бы шифром разговаривали.

— Александр, — меня трогают за плечо.

Поднимаю глаза и узнаю управляющего Дениса. Он безразлично-любезно улыбается тонкими губами и спрашивает, как добрались. Для справки уточняет, вкусно ли кормят, недоуменно косится на вареные яйца. Присаживается к нам за стол и переходит к делу — если мы завтра хотим покататься на лыжах и поснимать пейзаж, то интерьерами уже сегодня надо заняться. Мужик волнуется, что не успеем.

Допиваю кофе и включаюсь.

С фотографом крутимся в холле. Громадное помещение, со светло-голубыми стенами, и мы, словно пассажиры до прошлого, прибыли. Высокий потолок выложен ярко-синими плитками с лепниной в виде ангелов — интерьер шикарный, по обе стороны холла тянутся лестницы вверх, в номера. Перила витые, узор на них плетется с балкона второго этажа в холл, извиваясь, и у подножий заканчивается скульптурами баранов.

Денис так и лезет в кадр, мелькает туда-сюда, шпала. Понемногу начинает меня раздражать. Плюс, у меня никотиновая ломка. Не курил уже... со счета сбился.

А налево по коридорчику, за изразцовой печкой специальное помещение. С мягкими креслами. И я, в-общем-то, обещал Кристине подумать, а не бросить вредную привычку, так что от одной ничего не будет. Последняя.

Управляющий претя со мной и мучает мне уши рассказами о ценных фресках на потолках в номерах. Крылатые кони, колесницы и воины, барокко наше все.

Навстречу из курилки выходит пузатый официант. Бочком, прижимая к стене живот, протискивается мимо нас.

Да, Кристина права, подозрительный тип. Морда кирпичом, сросшиеся брови, дружелюбием не веет. И за ужином эта хрень с яйцами.

И синяя десятка правда могла за мной ездить, пусть психотерапевт дальше вещает про манию величия. Сначала за мной, потом за за Егором и компанией, а сейчас мы в снегах затеряны, ближайшая деревня километров через сорок-пятьдесят. Здесь, конечно, куча народа, и охрана на высшем уровне.

Но все таки.

— Давно у вас работает? — жестом показываю на парня. Захожу в курилку и с размаху плюхаюсь в кресло. Вытягиваю ноги.

— Нет. Директор твой, как его... Антон? Вот, Антон просил пристроить. Родственник его, из поселка. У нас тут текучка, сам понимаешь, добираться далеко, а жить на постоянку неудобно.

Он щелкает золотой зажигалкой и затягивается дымом.

— М-м, — привычно смотрю на часы. Часов нет, я изучаю узор тату на запястье. Снова за спиной какая-то шняга творится и провоцирует. Пойду и ушатаю кого-нибудь.

Лезу за таблетками, жуюсь, горько.

Долго продержался, несколько дней.

Тереблю маркер. Собираюсь черкнуть линию, но замечаю вдоль сигареты мелкую надпись черной шариковой ручкой: "Саша дурак".

Заглядываю в пачку. Усмехаюсь. На каждой предупреждение настрочила, мой маленький минздрав:

"Саша, будешь импотентом", "Саша, зубы почернеют" "Саша, не кури меня",

так, а вот тут:

"я тебя люблю".

Перечитываю. И еще раз, и еще.

На сигаретах мне в любви пока не признавались. Ровные буквы и кривое сердечко в конце. Гипнотизирует.

Складываю все обратно.

Без последней сигареты обойдусь. Ну а что, потерплю. Брошу. Три слова поддержки духа моего, мой палладиум.

Вот прям честно, любит?

— Саш? — в курилку суется голова фотографа. Редактор замолкает, его, наверное, давит моя широкая улыбка. В поисках причины веселья принимается, думает, похоже, что мы тут травку курим.

— Чего? — откликаюсь.

— Там это... — он встает в проходе. Неопределенно машет рукой в сторону. — Зимний сад понравился очень. Но модели нужны. И там еще зеркало, старое, рама металлическая, вся в пленке непонятной, то ли в плесени. Его убрать надо, некрасиво.

— Да-да! — подскакивает Денис. — Хорошо, что напомнили. Мы экспонаты как раз для праздника из музея одного взяли, а у них условия хранения, конечно, печальные, — он давит в пепельнице бычок. — Раму собирались пескоструем очистить. У нас мастерская

внизу, мойка как бы, на все случаи. Щас займемся. Пошли, посмотрите.

Мою фотографа он нарекает носильщиком. Парень тащит вниз по кривой лестнице тяжеленное зеркало и пыхтит. Управляющий несется вперед и нахваливает прелести усадьбы. В мастерской быстро оглядывается. Кивает на висящий на крючке нейлоновый фартук:

— Вот роба, вон пескоструй. Хм, а где работнички мои?

— Мы сюда зеркала драить приехали или что? — шипит фотограф. Прислоняет раму к стене.

Управляющий скачет кузнечиком наверх, на ходу вопит во все горло — потеряшек ищет.

В помещении сыро, не шибко светло, грязновато, обычный гараж. На полу две узкие колеи для слива грязной воды, компрессоры, столы с запчастями. Мойка и мойка, зачем ее фоткать? Чувак свихнулся уже на сдешних красотах.

— Давай, попробую, — набрасываю фартук. Беру со стола шлем и перчатки.

Давно интересно было, как им управляют.

Встряховаю на весу аппарат. Небольшой бачок, накрытый крышкой-пистолетом, внутри песок, стреляет струей, счищая сильные загрязнения. Видел ролики, пробивает арбузную корку. Сначала слезает полосатая шкурка, за ней зеленая мякоть, а дальше показывается красное сочное нутро с косточками, эффектно. И громко.

Протираю смотровое окошечко в шлеме и направляю пистолет на зеркало. Песок бьет в раму. Оглушающе, с таким шумом хлещет вода из сорванной батареи.

Рама широкая, маленькое пятно быстро светлеет. Веду пистолетом, пытаюсь сердечко нарисовать. Шланг внизу подрагивает, натягивается, его длины едва хватает. Отпускаю ручку и кладу пистолет на стол. Снимаю шлем и наклоняюсь над зеркалом.

Не получилось сердечко.

— В усадьбу на полставки подвизался? — кричит со ступенек Антон.

Чешу щеку. Выпрямляюсь, оборачиваюсь:

— Ну, ты же родственничков пристраиваешь официантами. С пузом который, кто это такой?

— Да так, не знаешь все равно, — Антон спускается. Сует руки в карманы брюк. Насвистывая, идет вдоль стены.

Наигранно спокоен, а кадык дергается. Он подходит ближе, я беру пескоструй и целюсь в него.

— Фьють, — он выставляет ладонь. — Сань, осторожнее с игрушкой, там, по-моему, напор сильный.

Он смеется. Я тоже.

— "Лукоморье", "Кот ученый", "Русалка", — перечисляю названия липовых фирм, на чьи счета деньги утекали. Он даже заморачиваться не стал, взял слова из Пушкинской поэмы, за круглого идиота держит меня. — Удобно в директорском кресле? — говорю, оборвав смех. — А весной баксы на карту Егору ты кинул? Чтобы он мотоцикл купил. И я решил, что это он с дружками в подворотне ножичком размахивал. И щас официант твой засланный поди с кухонным тесаком за пазухой ходит. Нет?

Жду отрицаний.

Антон разубедить меня не торопится. Избегает в глаза смотреть, теребит Иерусалимскую красную нитку на запястье.

В обереги верит, в магию.

А мне семью сломал. Путевку до рая организовать старался, молодец, друг. И этого не оправдать, хоть что он скажет, он возомнил себя Богом, распоряжается чужой жизнью. Теперь моя очередь.

Тычу пистолетом ему в грудь. Он неохотно поднимает голову. Жму ручку, и ему в глаз стреляет песок. Антон по-бабьи вскрикивает, закрывается рукой. Отступает, запинаясь в шанге и падает.

Сажусь перед ним. Он трет глаз и орет, что он ни при чем. Что здесь стоит свидетель — фотограф, и пусть я рискну его тронуть, он напишет на меня заявление.

Удерживаю его за горло и вдавливаю сопло в ноздрю. Стреляю непрерывно, он конвульсивно дергается, ноги криво-косо возят по полу. Продуваю вторую ноздрю.

Давлю на челюсть. Хочу накормить его песком. Да что там, хочу чтобы он задохнулся. Он первый начал.

Если песком горло прополоскать это смертельно? Если в упор и что-нибудь пробить там? И не оказать помощь?

Заставляю открыть рот, толкаю пистолет. Ладонь вспотела и скользит по ручке.

Чувствую, как меня кто-то оттаскивает за плечи, кричит прекратить, голос вдалеке где-то, знакомый и перепуганный, тонкие пальцы ложатся поверх моих и трясут, требуют бросить пескоструй.

Я не отпускаю, но и Антона не держу, он ползет в сторону, костюмом "бу пожилой немецкий модельер" шоркает грязный бетон. Держится за нос и размазывает кровь.

Машинально тянусь к его штанине. Не знаю, зачем остановился, мог ведь просто нажать, и Антон бы проверил есть ли загробная жизнь, его же так волнует этот вопрос.

— Саш! — орет мне в ухо Кристина. — Перестань пожалуйста! — бухается рядом на колени и с трудом выдирает у меня пистолет. Обвивает рукой мою шею и оборачивается на Антона. — Ты больной?! Чего ты к нему лезешь?!

Через ее плечо смотрю на бледного фотографа. И бледного управляющего, и пару парней в ярко-желтых рабочих куртках.

Антон прислоняется к стене, задирает голову. Зажимает нос и гундосит, что ему нужен врач. Опираюсь на ладони и встаю, Кристина так и висит у меня на шее, держу ее одной рукой.

Делаю шаг, Антон бежит за спину Денису, взрослый мужик, спрятался и визжит, чтобы я не смел к нему подходить.

Мастера помогают ему подняться по ступенькам. И управляющий, и мой худредактор — все торопятся вверх, словно тут потолок вот-вот рухнет. Остается Кристина, обнимаю ее второй рукой, меня колотит, и ее вместе со мной.

Она говорит:

— Ты внушал мне учиться конфликты решать словами.

— Он сам виноват.

— По-детски звучит.

У нее голос дрожит и зрачки широкие, она боится, но не отпускает меня, а ведь я, кажется, только что готов был человека прикончить, власть гнева гибельна, травит сердце, оттуда по венам бурлит и над телом господствует, бескрайняя, будто космос, я на пути в черную дыру был.

Тупо смотрю ей в глаза и разглядываю себя. В правденной мести за мертвое уже прошлое, заодно чуть не похоронил будущее, все едва не закончилось чем-то нехорошим, а я

был так странно спокоен, как никогда.

— Саш, всё нормально. Ты не плохой и не злой, и ничего бы не сделал ему, просто запугивал, — она несмело целует.

И мне нельзя отвечать, она пытается меня отвлечь, как умеет, мягкостью, а во мне нарастает жажда, безумная тяга, замешанная на страхе потери. Нет никаких счастливых чисел, есть человек, сохранивший мою душу от непоправимой ошибки, и этого человека я давлю в объятиях.

Она верит, что я бы сам остановился, а я в себе сомневаюсь.

— Кристин, — наклоняюсь, пытаюсь снять ее с себя, но она только крепче цепляется.

— Ничего не случилось, — уверяет.

— Да.

— Ни на кого так больше не смотри. Как на него смотрел.

— Не буду.

— Всё, — она ведет языком по моим губам, пробирается в рот.

У меня было сокровище, все это время, вот мой мир и разрушению в нем места нет, будто шоковой терапией встряхнуло, мгновенная лоботомия. Зарываюсь пальцами в ее волосы, нависаю над ней. Она валится спиной на стол, кончик языка касается моей шеи, втягивает кожу, огонь моей алчности тушит огнем, и я выносить эти искры не могу.

Проникать до упора мало, очень мало, пытаюсь вырвать что-то из глубины обладания и запереть в себе, но я знаю, этого не взять силой, ее тонкое гибкое тело в моих руках цитадель нежности, меня накрывает пеленой сладкой одури, когда ощущаю, как осторожные движения и касания могут сводить с ума одержимого звериным голодом хищника, этой ласке подвластны инстинкты, она беспощадно тащит из меня голую ломкую чувственность, крушит заземление, секс превращает в эстетику, растягивает в вечности.

Вспоминаю, что дверь не заперта после того, как, возможно, наделал детей. Надеюсь, что наделал.

— Ты же будешь аккуратнее? — Кристина громко дышит мне в ухо. — Без разборок и все такое, — запрокидывает голову и смотрит с надеждой.

Волнуется, что до меня не дошло, что бурю спустя я накосячу в хорошую погоду. Но оно дошло.

— Плевать на всех. Ты еще не распаковалась? Может, уедем? Официант мутный, не хочу ковыряться.

По ее лбу бегут морщинки — думает. Спрыгивает на пол, одергивает майку:

— А Николь, Егор? Ваня?

— Ты за вещами, а я к ним зайду, — мельком оглядываю одежду.

Она послушно идет к лестнице, нагоняю, прижимаю к груди, поднимаемся медленно, но зато под ее хихиканье.

На втором этаже расходимся по разным номерам.

На всех дверях сюжеты религиозной тематики, замочные скважины и тяжелые ключи, неудобно, но реставраторы сохранили историческую ценность усадьбы. Заглядываю в номер к Егору и убеждаюсь, что внутри одинаково все, на стенах шелковые зеленые обои, трюмо-камин отделан позолотой, и позолоченный плинтус венчает потолок, как у нас с Кристиной. А у нас ведь люкс, в чем тогда разница?

Взмахом руки приветствую Егора, не успеваю сказать про отъезд, меня окликают управляющий.

— Александр! С Антоном порядок. Что-то с перегородкой в носу, ладно, до свадьбы заживет, — он быстрым шагом приближается и понижает голос. — Я хотел попросить на счет драки не распространяться. У нас хорошая репутация и слухи, что гостю ноздри пескоструем продули, не нужны.

— Да мне тоже, — верчу в пальцах пузырек с таблетками. Решился выбросить, а урны как назло нет. — И мы уезжаем уже домой. Фотограф остается, отснимет все, в январе пустим выпуск.

— Домой уезжаешь? — Денис хмыкает. — Ты на улицу выглядывал? Сугробы — во! — показывает высоту по колено. Явно преувеличивает, но судя по тому, что мы сюда еле добрались, ненамного. — Завтра выпишем снегоуборку из поселка. К вечеру думаю расчистят. А пока, Александр, вы у нас подзастряли. Да и зря ты так рано собрался, — манит пальцем к своему лицу. — Инцидент с директором отпусти, бывает. Новый год же, не тащи стычки. В усадьбе у нас хорошо, надолго запомните, — он подмигивает.

— Разрешите, — между нами протискивается официант с подносом. Заходит к Егору в комнату.

— Трудно спорить, — смотрю ему в спину. Кажется, что у него смокинг топорщится из-за острого-преострого ножа, заткнутого за пояс.

Вряд ли.

Но малость нервничаю.

С высоты ледника я озираю полмира. Я почти Бродский. Горнолыжный курорт — это поэтично, капец как.

Снежное море, холодное солнце, сноуборды и лыжи — мне показали рай.

Катаюсь из рук вон плохо, под костюмом сплошь синяки. Но это мелочи.

Зависаем на трассах все выходные. Завтра понедельник. У нас Аверинский экзамен, но ни его, ни нас в институте походу не дождутся. Как объяснил управляющий:

— Александр, снега еще выше намело. Санаторий новый, ты в курсе. Мы к такой зиме готовы не были. А поселок маленький, делать там нечего, праздники, люди бухают. Ну не могут они нам прислать машину. Гости все здесь, бронь у многих на пару недель, временное затворничество никого, кроме вас, не смущает, наоборот, шуточки слышал про негритят по Агате Кристи?

Есть еще надежда, что завтра все таки дорогу расчистят. А то у нас и во вторник экзамен, последний. Но на мой скромный взгляд существуют пересдачи, не успеем и пусть, зато встретим здесь первую ночь января, я согласна на сию рокировку.

Мне даже Мария не мешает. Дама занимается налаживанием контактов со звездочками, впаривает начинающим актрисам и певицам свой салон красоты. Бизнесменша, бедный Герман верным пажем рядом, со скукой слушает их болтовню, вижу на завтраках, обедах и ужинах его недовольную мину.

В понедельник снегуоборочной машины нет. Алекс нападает на Дениса:

— У вас ведь приличный курорт, неужели так сложно договориться с людьми? Пусть за двойную плату расчистят, за тройную.

— На, — тот сует ему трубку. — Звони сам, Александр. Говорят, что у них машина сломана. Чинят. Врут или нет — поди разберись.

Алекс названивает в поселок и безуспешно обещает килограммы золота, пусть только приедут. На проводе заплетающимся языком клянутся, что второго числа в восемь утра будут, как штык.

Он злится, я тайком радуюсь.

Ну не вижу причин для паники. Антон Геннадьевич ходит по стеночке с повязкой на носу, официант тоже не отвечает, днем работает на кухне и в номерах, ночами на мойке машинки шоркает — на все руки мастер, управляющий Денис налюбоваться не может. Если Антон и нанял этого пузобота, чтобы он Алекса тут прирезал, то они с недокиллером могут отдыхать, про махинации Антона Алекс знает, с должности директора его снял, а значит и париться Геннадьичу нет смысла, ему в редакции теперь только документы на увольнение забрать.

Все чудесно.

Кроме массажистки.

Длинноногая самочка стучится к нам в номер каждую ночь после двенадцати, вертит у меня перед глазами флакон с маслом и рассчитывает распуścić ручонки по Аверинской спине.

Подозреваю, что она не сама к нам таскается, или Антон, или Мария оставляют заказ на релакс админу, точно.

Сегодня у меня кончается терпение, забираю у нее флакон и иду в ванную.

Я тоже умею делать массаж. Эротический. Видела в клубе на свингер-вечеринках. Ничего там сложного.

В ванной классно, современный ремонт. Просторное и светлое помещение с телевизором на стене. С зеркалом во всю дверь.

Закалываю волосы, сбрасываю на пол шелковый халат и прищурившись, оцениваю вид.

Для моего роста медицинская норма от сорока восьми до пятидесяти шести килограмм. Я вешу пятьдесят, плюс-минус, Алексу все нравится, даже синяки, он долго нацеловывает тело перед грязными делишками, каждую царапинку, и я лучше массажистки, у которой нет ссадин, вот так.

Выхожу в комнату. Он валяется на кровати с ноутбуком. Он в брендовой черной пижаме в цвет моей сорочки, домашний, уютный, красивый — не оторваться.

Забираюсь к нему под руку, заглядываю в экран.

У-у, документы, таблицы, скука. Работает все еще.

— Две минуты, малыш, — говорит, не отрываясь от экрана.

Засаекаю время. Жду. Теряю флакон с маслом.

Две минуты истекают. Он не двигается.

Он наврал.

Скольжу ладонью ему на грудь и медленно, по пуговке, расстегиваю пижаму. Отбрасываю полы в стороны и люблюсь цветными картинками. Художественная галерея, верх искусства: в траве парень, закрывается рукой от солнца и смотрит на голую девушку, она изгибается на камне в реке. Одна картинка заканчивается другой, и если смотреть на всё вместе получится лицо бородатого мужчины. И очень в тему ему прическа из натуральной черной растительности. Кажется, рисунки называются морфинг, а, может, нет, не помню, но это неважно, он совершенство.

Забываюсь и пропускаю момент, когда он откидывает в сторону ноутбук. Подминает под себя и целует, под нами скрипит кровать, стописят кило живого веса, намертво сплетенного.

В дверь стучат, мы не реагируем, стучат еще раз и дальше начинают громко тарабанить, кажется, ногой.

— Твою ж мать, — он поднимается.

Не намертво сплетены. Жаль.

В коридоре Мария, посланник дьявола. В полураспахнутом красном халате. И с укладкой. И с макияжем. Выбивает дробь по полу каблуком и угрожает, что если мы этой ночью опять фильм включим, она пожалуется управляющему, мы достали, они с Германом не могут спать.

Вообще-то громко мы не включаем. И ее никто не заставлял селиться в соседний номер. И подслушивать через стакан у стены.

— А вчера? Похабщина, Саш, — закатывает глаза.

Ага. Мы смотрим классику. Джузеппе Верди. А Мария не прониклась оперой о проститутке, умирающей от туберкулеза. Бесчувственная. Фильм трогательный.

— Маш, хочешь — иди к управляющему, хочешь — переезжай в другой номер, в чем проблема, — он закрывает дверь, она тянет руку, он нетерпеливо выдыхает. — Что еще? Мы спим.

— Я вижу, что ты не спишь. Слушай...

Она заводит шарманку про Егора. Сынуля пропускает экзамены, беда, что делать?

Алекс опирается на косяк. Предлагает ее Герману сходить за лопатой и расчистить дорогу до трассы.

Он почти голый, в штанах всего. Мария пялится. Взбивает волосы.

— Ох, — она вдруг меняет тему. — На ужине общалась с ведущей, ну той, помнишь, на обложке у вас была. Которая клинья к тебе подбивала, я еще смеялась.

— Ну-ну, — поддакивает он.

— Так вот, Саш, ты не представляешь, — раздражается хохотом. — Она думала, мы до сих пор вместе, а Герман мой брат. А когда узнала, что ты теперь не женат... А вспомни, вспомни, — сгибается от смеха и держится за его плечо. — Как она за тобой в командировку мотанула и номером ошиблась, мы с тобой, значит, из лифта на этаже выходим, а она выскакивает от тех пожилых немцев в одних трусах, ой, не могу...

Они на пару ржут.

Прекрасно.

Ничего, что я тоже здесь?

— А ты еще такой: я не вызывал вам эскорт, придите в себя...

Ау, прием!

— А я говорю: Саш... — она разгибается, у нее распахивается халат и вываливается силикон в красном ажурном лифчике.

Взрываюсь. Резко встаю и иду к ним. Отодвигаю Алекса и хлопаю дверь, оставив юмористку в одиночестве.

— Эй, ты! — после паузы орут из коридора. — Совсем обнаглела?!

Молча иду обратно. Он хватает за локоть уже у кровати, я плюхаюсь на покрывало.

— Чего психуешь? — наклоняется к моему лицу.

— Не должна? — задыхаюсь, глотаю слова. — Тебе это нормально?

— А тебе?

— В смысле?

— Я с Егором не запрещаю общаться.

— При чем тут?

— При том.

— Ты про что?

— Ты поняла.

Смотрим друг на друга в упор и мне нехорошо, не взгляд, а магнит, тянет наружу потаенное, про Егора знал и знание прятал, теперь достал и меня лупят вспышки прожекторов, всполохи ревности в бездонной черноте глаз щелкают кадры моего волнения, тащат к себе во тьму, топят и вешают, ищут дефекты, но мое чувство целое, четкое и яркое, только его, он все выцедил, и я выжата, не могу терпеть, отвожу взгляд.

Он отходит на шаг, смотрю на его брюки, они свободно болтаются на бедрах, длинные штанины, наступает пятками.

— Там с этой ведущей не сильно смешно было, — говорит, помолчав. — На слёте журналистов награду присуждали. А тот дедок, к которому она в номер сунулась, в комиссии сидел. Он в отеле с женой жил, и когда эта дура к ним заявила, жена его решила, что я ему девицу заказал. Типа подмазывался, чтобы журналу нашему награду дали. И меня из-за этого с конкурса сняли, — он усмехается. — Прибить ее тогда хотелось, — без перехода не в тему добавляет. — Прошлое в прошлом, да, Кристин.

Не поняла, он спросил или что.

Откашливаюсь:

— Слушай, твой сын...

— Ни сын, никто. Ты и я. Закроем тему.

— Да. Но просто...

— Кристина, всё.

— Ты вечно командуешь! Ты и я, мне ясно, но хватит меня затыкать, — цепляюсь в его брюки, тащу его ближе.

Все еще сижу, он тормозит прямо перед моим лицом, бьюсь носом ему в пах. Отстраняюсь, он давит мне на затылок и прижимает к себе. Верчу головой, чувствую, как под шелковой тканью растёт эрекция.

Моя щека на пижаме, под ней возбуждение, и знаю, что нет трусов, он не любит.

Он гладит меня по волосам.

Я в опасности.

Он не просил, но я не совсем дура, замечаю, как он во время секса на мои губы смотрит и не решается. Но в этом-то он первый, и сомневаюсь, как быть, наверное, сесть перед ним на колени, открыть рот и всё — недостаточно.

В одной американской комедии девственник возомнил себя мачо и сказал девушке "отсоси мне, прелесть".

И она как давай ржать. Так не обольщают.

Но Алекс мог бы не молчать, и хотя бы с этого начать "отсоси мне, Кристина".

Черт, какое испачканное в разврате слово. Лишь в моей голове и моим голосом — а меня потряхивает.

— Возьми в рот, Кристина.

Нет, так я покраснею словно рак и будет некрасиво.

И тут бдыщ, соображаю, что выкупанная в бесстыдстве хриплая просьба вслух прозвучала.

В доказательство руки перестают гладить волосы и задирают мою голову.

Он возвышается, мутным взглядом изучает мое лицо, такой соблазнительный в своей грубоватой натуре, огромный лакомый кусок моего торта.

— Ладно, — соглашаюсь.

Кладу пальцы на резинку и оттягиваю штаны. Заглядываю. Меня ждут, блестит выступившая смазка. Пахнет гелем для душа, свежесть арктики. И чуть-чуть парфюмом.

Касаюсь языком. Лизнув каплю с головки останавливаюсь, он вздрагивает, ниже стягивает штаны и сжимает мой затылок. Наклоняюсь и смыкаю губы.

Кожа тонкая и горячая, горчит, как и везде его тело, вкус мужской косметики. Вбираю на полную, но даже до половины не дотягиваю, а он будто еще растёт прямо во рту у меня.

Он мне не помогает. Я искренне стараюсь, но словно съела мороженку и развлекаюсь с оставшейся мега-палкой, нужна инструкция.

Отклоняю голову, но не успеваю выпустить его изо рта, Алекс удерживает за подбородок, говорит:

— Шею щас не напрягай.

Пытаюсь расслабиться, но ощущаю, что он медленно лезет глубже, мне в горло, язык скользит вдоль длинного сухого отрезка кожи, слезятся глаза и кашель разбирает, когда с ним внутри прижимаюсь лицом к жестким зарослям.

Почти, как поцелуй, он и здесь бородастый, и мне так же не хватает воздуха.

— Если буду так делать, выдержишь?

Он заткнул мне рот и спрашивает.

Держит несколько секунд и рывком наружу. Я кашляю, он зарывается рукой в мои волосы и массирует пальцами затылок. Перед глазами подрагивает член, с него до моих губ тянется блестящая паутина слюны.

— Малыш, ты как?

— Давай, — глотаю воздух.

Он тут же толкается снова. Погружается до упора и двигается во рту, захлебываюсь, у меня начинается насморк, и, кажется, что я задохнусь, но чувствую, как он сходит с ума и заражаюсь, дышу, держусь за его бедра и держу его в ловушке, он телом и сердцем в моей власти, как привязанный бьется, как помешанный, твердит мое имя.

Он быстро сдается. Шлепает мне по языку, чертыхается, выскальзывается. Сквозь зубы длинно охает и пачкает мою сорочку.

Встаю, он толкает обратно, кусает губы, судорожно целует. Валится со мной на кровать и сжимает талию, бормочет ерунду, что щас пойдет на кухню мне за ягодами, что ему рвёт рассудок, он влюбляется каждую минуту сильнее и этому нет края, спаси меня от себя, Кристина, задирает ночнушку, на теле расцветают цветы поцелуев, и ни черешню, ни клубнику он мне не принесет, распята на простынях и гибну, несколько часов по пустыне из пекла в оазис.

Моюсь в холодном душе.

Алекс все таки на кухню собирается, и я прикидываю, что заказать. Ягод теперь мало будет, хочу конфет. И шампанское.

Слышу, как к нам в номер кто-то долбит, и натягиваю футболку и шорты из корзины.

Выглядываю.

У дверей маячит управляющий Денис, чудесно, что вы уже проснулись, говорит.

Ага. В шесть утра.

Он заводит свою песенку про съемки, повезло, что мы остались на праздник, сегодня в полночь все будет супер-пупер, бла-бла, не могу разбудить вашего фотографа, Александр, может, вы со мной прогуляетесь, покажу кой чего.

Какой-то ненормальный мужик, носится электровеником круглые сутки.

— Я сама на кухню схожу. Ты пока помоги человеку, — посылаю поцелуй за спиной у Дениса, Алекс улыбается, провожает меня жадным взглядом, мне так невыносимо хорошо, что готова рухнуть в коридоре и не вставать.

На ходу влезаю в толстовку. На кухне встречаю одноклассников, зажимают бутерброды в зубах и чешут в мастерскую, хотят пескоструем на зеркало рисунок нанести.

— Тебе это интересно? — забираю с бутерброда у Николь сыр и жуюсь.

— А чем заняться? — она хмыкает. — Егор сказал, что Алекс Антона уволил, и, вообще, он мутный. А с гостями тут в обители ты общалась? Они же только о себе любимых серенады поют. Пошли тоже. Заперлась в берлоге в зимней спячке с шикарным мужчиной и сосешь лапу.

Давлюсь сыром, Николь хлопает меня по спине.

— Что? Мне одной скучно с нашими детьми. Реально, как маленькие, — передразнивает. — Ванёк, а айфон свой слабо песком пробить? А ноут? А тимберленды?

Прикидываю: Алекс застрял с Денисом. Остаться в одиночестве не смогу и попрусь

его искать.

— Пошли, — соглашаюсь.

В мастерской стоит тойота Марии, свежeweымытая, пахнет химией, блестит, и никого рядом нет. Из окна под потолком нестерпимо дует, по голым ногам скачут мурашки.

— Закройте, — просит Николь. Брезгливо оглядывается. — Блин, надо было вина хоть взять. Видела, два официанта втихушку праздновать начали. Уже тридцать первое, веришь?

Ваня ставит стремянку и лезет к форточке.

— Кстати, а машина не заперта? — Егор дергает ручку. — У мамы тут фляжка была с коньяком, будешь?

— Просто коньяк без кока-колы? — она качает головой. — Невкусно.

— Бутериком закуси.

— Сходи лучше за вином.

— Народ, слышите, — от окна зовет Ваня. — Короче прям под окном снег весь разрыт. Как будто влез кто-то.

— Зачем лезть через окно? — оборачивается Николь. — Ваня, закрывай бегом, я замерзла.

— Нет, правда. А еще...

— Ну-ка, — идет к нему Егор. — Слезай, я гляну.

— Ну слушайте, — возмущается Николь.

— Погоди.

Егор поднимается по стремянке. Ваня внизу осматривает пол.

— А если официант? Он ведь тут батрачит, — тороплюсь к окну. — Вдруг они с Антоном так и не успокоились. Дай мне тоже посмотреть.

— Сюда похоже втащили что-то тяжелое, — сообщает сверху Егор. — С этой стороны нет камер, это подвал, раскопали сугроб у стены. Следы будто от ящиков, снегом уже заметает.

— Ящики с оружием! — ахает Николь. — На входе у охраны они бы запищали, их втащили через окно! Боже!

— Какое нафиг оружие? — морщится Ваня. — Здесь преступный синдикат, по-твоему? Фильмов насмотрелась?

— А что еще в окно незаметно проносить? Антон заказал киллера, нас хотят убить! По-тихому, вдали от города, — заключает она. — Я знала! — у нее такой вид, словно она от радости вот-вот запрыгает.

Оглядываю мастерскую. Ящиков полно, и в инструментах я ничего не понимаю, но пистолет от сверла какого-нибудь, отличу.

Хотя, версия Николь так-то дурная, зачем нас всех расстреливать. Антону надо было только Алекса из издательства убрать.

Однoгруппники возьмeтся по углам, играем в детективов.

Я выигрываю. В закутке за пеногенератором замечаю четыре больших пластмассовых чемодана. Синих. В ряд. Переворачиваю один и открываю.

Внутри он под завязку забит хозяйственным мылом. Или чем-то похожим. Куски в пленку запаяны, в прозрачную. Хм, может, для мойки штуки. Но спрятано же. Подозрительно.

У меня за спиной присвистывает Егор:

— Отойди отсюда, быстро.

— Что это? — запинаясь на ступеньке возле генератора, когда он выдерживает меня и хватаюсь за подскочившую Николь.

— Что там? — она тянет шею.

Ваня втискивается в каморку за Егором. Они долго не отвечают, отмахиваются, потом Ваня задушенно хрипит:

— Шашки. Толовые. Точно. Вот тут на каждой гнездо для детонатора.

— Бомба? — переспрашиваю. Смотрю на Егора, осторожно закрывающего чемодан. Он толкает Ваню, вылезает за ним в мастерскую.

— Честно бомба? — повторяет Николь.

— Четыре чемодана взрывчатки, — они кивают.

Мы молчим.

Кажется, что это просто шутка, привычная, оттого и несмешная, на третий-то раз. Но нет, они там, стоят у стены, по-настоящему, и беду напрозорчили мы сами же, пока выкручивались с этими глупыми ограблениями.

— Так официант взрыв планирует? — у Николь садится голос. — Когда?

Из распахнутого окна дует, из крана на пол капает вода и слышно, как лампа над головой трещит, нагоняет страх.

— Вдруг он вот щас прям кнопку жмет? — зловеще шепчет Ваня.

Егор теребит подбородок. Была бы борода — подергал бы, нервничает, сводит брови, прикинув в уме, говорит:

— Он хотел. Мы бы тут уже не стояли, если бы не снегопад. Недокиллер сам в усадьбе застрял. С Антоном за компанию. Бежать им некуда, горы и море снега на километры. Они ведь не самоубийцы, сами себя взрывать.

— То есть... — тянет Ваня. — Нда, весело. И что тогда?

— К начальнику охраны и скорее, — Николь ежится, запахивает вязаный кардиган. — Пусть их скрутят и запрут. Звонят в полицию. Чистят дорогу. Зашибись праздник. Я не хочу тут оставаться.

Вздрагиваю, когда со скрипом открывается дверь наверху. Оборачиваюсь на гулкий стук каблучков по ступенькам и голос Марии:

— И воском кузов покрыли, как я сказала?

— Верно, — отвечает шагающий за ее спиной официант. Он еще не переоделся в смокинг, в грязном синем комбинезоне и резиновых сапогах, отчего выглядит ходячим кошмаром с гранатой за пазухой.

— А вы что тут забыли? — восклицает Мария, заметив нас. — Егор, ты машину свою на воск загонял? Вот этот молодой человек отлично справляется, чистила двигатель, загляденье, Патрик, вы — сокровище, — она смотрит через плечо.

Патрик похвальбу мимо ушей пускает, сверлит нас тяжелым взглядом. Торчим прямо возле каморки с серыми перепуганными лицами и не двигаемся. Ваня тянется к ручке и прикрывает дверь, только уже поздно, тот все понял. От нашего закутка до выхода далеко, а еще притащил черт эту Марию...

Она заглядывает в салон, оценивает уборку.

Он неотрывно смотрит на нас, стоит, широко расставив ноги, всем видом говорит, что терять ему нечего. Тишина, напряжение аж искрит, Мария болтает ерунду.

— Ой, у меня тут шампанское, оказывается, — она, не глядя, сует бутылку Патрику. — Подержите.

Егор встряхивается, решительно шагает к тойоте.

Патрик предупреждающе выставляет вперед палец. Жестом показывает, как бутылкой стукнет по голове его щебечущую матть, если Егор еще хоть шаг сделает, и тот останавливается.

— Ну, вроде все отлично, — Мария хлопает дверцей. — Боялась, что вы коврики не высушили, терпеть не могу, когда сырыми кладут. Егор, — взмахивает рукой, — пойдём на завтрак, хочу с тобой поговорить.

Над ее белобрысой укладкой нависает шампанское. За ее спиной официант качает головой. С нашим доносом про бомбу он нас не выпустит, однозначно.

— Мам, ты иди, — медленно говорит Егор, сует руки в карманы. — Я догоню.

— Пошли вместе, потом с друзьями встретишься, — категоричным тоном отрезает она.

Привязалась. Бутылка висит над ней дамокловым мечом и треплет нервы.

— Пять секунд. Закажи пока завтрак, — Егор улыбается ей и тихо бросает нам через плечо. — Телефоны есть у кого-нибудь? Вызывайте помощь.

Без толку шарю по шортам, у меня даже карманов нет. Ловлю обреченные взгляды Николь и Вани.

— Нет, это неслыханно, — Мария оборачивается к Патрику, резко опустившему руку. — Друзья важнее матери, представляете, какой нахал?

— Молодежь, — тот сочувственно вздыхает. Успокаивает. — Не волнуйтесь, Мария, идите, я их сам на выход отправлю.

— Да прям, — она отмахивается. Постукивает каблуком по полу. — Егор, живо сюда.

Официант злобно смотрит на Егора. Проводит пальцем по горлу. Жуткий тип. Егор растерянно оглядывается.

— Выметайся! — говорю ей.

Она хлопает ресницами и недоверчиво косится на меня.

Ей не грубят, а спасают от травмы черепа, но как это объяснить под надзором пузатого гангстера? А если Аверинской бывшей не будут грозить кровавой расправой и она поцокает на шпильках на выход, то нас ведь все таки четверо, Егор и Ваня сильные молодые парни, и...

— Малолетнее невоспитанное хамло! — выплевывает она. — Да я!.. Да ты!.. Ну, это всё, всё... — она разворачивается и несется к ступенькам. — Про моего мужа можешь забыть, это война, я тебя предупредила!

Обалдевший от ее визга Патрик теряет бдительность, и Ваня пользуется моментом. Хватает стремянку и с индейским воплем мчится на официанта. Сбивает его с ног, мы пулей летим мимо, Ваня бросает на него сверху лестницу и догоняет нас.

— Вы спятили! — у двери визжит Мария. — Патрик!

Егор оттаскивает ее в сторону, сдвигает на двери засов.

— Потом, мам, надо к охране, пока он в окно не вылез. Он убийца.

06.40 утра, Александр

Ясно одно — Денис одинокий человек. У мужика в жизни только работа, и он полагает, что все вокруг такие же чокнутые трудоголики. Выходим из бального зала, где вечером будет праздник, вполуха слушаю настойчивые просьбы далеко не уходить и держать наготове камеру, а то фотограф, оказывается, нажрался и дрыхнет.

Пересекаем холл, и останавливаемся у лестницы, смотрим на летящую к нам по коридору встрепанную компанию.

— Пап! — приглушенно кричит Егор. — У официанта чемоданы с взрывчаткой, он прячет их в мастерской! Скорее, вызывайте охрану!

Перебивая друг друга, они вываливают новости. Позади них на каблуках торопится Маша и визгливым голосом льет масло в огонь:

— Господи, господи, мы стоим на бомбе, это правда, Саша?!

Мимо снуют сонные работники, громкие вопли привлекают их в холл и народ тормозит, прислушивается. У Дениса вытягивается лицо. Он рявкает:

— Так, а ну тихо! Не смейте разводить панику! Живо все ко мне в кабинет!

— Какой кабинет, — стонет Николь. — Он вылезет в окно, пока вы тут соображаете! Ну быстрее же!

— О чем сыр-бор? — весело спрашивает Антон. Спускается по ступенькам. — Денис, тебе мозг промывают, не ведись, я шас все объясню.

— Разошлись, работать-работать! — хлопает в ладоши Денис, разгоняя зазевавшийся персонал. — Александр, Антон, кто-нибудь внятно скажите мне, что происходит.

Оглядываю Егора, Кристину, остальных. Отчаяние и паника — с такими лицами не шутят.

Антон ступает на нижнюю ступеньку. Понижает голос и говорит:

— Денис, ребятки так играют у нас. Почитай новости про ночной клуб Александра Александровича, два раза звонили в полицию и сообщали, что в здании бомба. Ты бы их запер, что ли, пока они на уши всех своими приколами не поставили. Можешь орлов своих созвать проверить усадьбу, но ребята всё врут.

— А ведь точно! — Маша толкает Егора в плечо. — Егор, мы ведь на днях в полиции торчали из-за звонка про бомбу, кто тебя надоумил, эта девка?! Ты бы сам не стал, ты же понимаешь, что это плохо? Нельзя так пугать людей, Егор!

— Никто вас не пугает! — Кристина раздраженно топает ногой. Машет охранникам у входа и пятится по коридору. — Пожалуйста, спуститесь в мастерскую, официант там, и четыре чемодана с тротилом тоже.

— А ну стой, — Денис тянет руку и пытается ее схватить.

Опережая, дергаю его за пиджак и вклиниваюсь между ними. Он морщится на меня и зовет охрану. Приказывает:

— Этих четверых закройте пока. Телефоны заберите. А сами...

— У нас нет телефонов! — Хромов отскакивает от двинувшегося на него охранника. — Не пойму, вы бессмертные что ли? Там бомба!

— Ох, Денис, сожалею, — качает головой Антон. — Это наши сотрудники, и такие фортеля тут тебе выдают. Пьяные, похоже. Или обкурились. Проблемные подростки. Давайте их ко мне в номер, я присмотрю, — достает из кармана ключ.

Забываю о мирном настрое и хватаю его за покалеченный нос. Повязка съезжает, Антон вопит и пытается сбросить мои пальцы. Меня оттаскивают, два крепких парня в форме выкручивают руки. Кристину с Егором и Попкову с Хромовым тащат по лестнице наверх, Кристина вырывается и меня зовет, внизу, сидя на ступеньках рыдает Маша, на площадке второго этажа собираются отдыхающие, и если продолжать это представление — ничего не добиться.

— Всё, всё! — стараюсь унять злость, выворачиваюсь из захвата охраны. — Денис, уйми их, спокойно поговорим.

Денис дает знак, хмуро оглядывается на любопытных гостей и персонал, побросавший дела, манит пальцем меня и начальника охраны, скрывается в коридоре.

— Значит, так, — говорит, когда я подхожу. — Сотрудники твои в номере посидят. У нас новый курорт, ты хоть понимаешь, чего стоят их шуточки? Кто к нам поедет, если слух пойдет, что здесь людей убивают? Короче, про случившееся молчи. Ты мне за своих клоунов, вообще, компенсацию должен, Александр. Обсудим еще. Теперь ты, — оборачивается к рослому лысому типу в форме. — Потихоньку займитесь усадьбой. Начните с мастерской, за ней открытые помещения, дальше комнаты персонала. Номера гостей осмотрите, когда завтрак начнется. Ясно?

Он молча уходит.

Сворачиваю в мастерскую.

— Так, куда! — Денис свистом подзывает охранника. Тот ненавязчиво показывает мне кобуру. Денис удовлетворенно кивает. — Александр, слышал меня? Сами разберемся. Иди в ресторан.

14.00, Кристина

— Нет, они нас отсюда не выпустят, — Николь плюхается на кровать Антона, раскинув в стороны руки. Пялится в потолок.

Нас держат в его номере уже несколько часов. И если бы бомбу нашли, разумеется, открыли бы нас. Значит, официант успел вытащить чемоданы и где-то скрыться. И, возможно, подсоединил всякие смертельные проводки к шашкам, и вот-вот грохнет взрыв, а мы заперты. И последнее, что я вижу в своей жизни — как Ваня с Егором распивают шампанское.

Охрана забрала ноутбук и планшет, предупредили, что если будем орать, нам вколют снотворное. В окно прыгать бесполезно — Егор уже пробовал, его поймали и привели обратно.

Нам даже обед не принесли. Хотя есть и не хочется.

В институте в это время идет экзамен по теории и практике литературы.

По первому каналу новогодний концерт. По второму старый фильм "Девчата". Еще крутят "Зима в Простоквашино", "Уральские пельмени" и "Дом2", Ваня щелкает пультом и протягивает мне бокал с шампанским.

Кончается, у Антона Геннадьевича три бутылки было.

Где Алекс. Думаю, что не увижу его больше и страшно становится.

Сижу на полу и роюсь в вещах Антона. Вдруг где-то заваялся телефончик, хоть какой-нибудь, самый простенький. По десятому разу ворошу сумку с одеждой, может, в карманах есть, ну, всякое бывает. Щупаю мягкий розовый костюм. Затрудняюсь, что это такое. Пижама? Спортивная форма? Станный, слитный. Почему розовый? Вытягиваю вещь и разбрасываю на полу. Недоуменно зову остальных:

— Что за бред? Антон возит с собой костюм Пятачка.

— Поросенка? — Николь свешивается с кровати. В удивлении поднимает брови. — Зачем?

— Понятия не имею, — смотрю на Егора. — Антон с вашей шайкой связан?

— Моришь что ли? — он отставляет бокал, плюхается на пол, щупает костюм. — Нихрена не соображаю, — трет лицо. Помолчав, выглядывает между пальцев. — Слышьте, идея!

Вскакивает на ноги и влезает в костюм. На ходу поясняет:

— Я еще раз выпрыгну из окна. Охрана меня поросенком не узнает и сюда не притащит. Разведаю обстановку и вернусь за вами.

— Смотри, Егор, только попробуй нас здесь бросить, — подрывается с постели Николь. Помогает ему застегнуть молнию на спине и дает наставления. — Как только выберешься, сразу выпусти нас. Не хочу здесь умирать!

— Народ, никто не умрет, — Егор открывает окно, садится на подоконнике. — Я скоро, — шлепает лапой подставленную Ванину ладонь и ныряет в снег.

15.00, Александр

Подготовка идет полным ходом. Наступает год Свиньи и тематика вечеринки соответствующая. Поросята на стенах для красоты, на столах свиньи-копилки для конкурсов, вокруг ряженые Пятачки-официанты.

Сорвал несколько масок, но бородатого не нашел, как и Антона, а Денис следует за мной по пятам и следит, как я работаю. Взрывчатку они не обнаружили, почитали в интернете статьи про Пуха, про хулиганские звонки из моего клуба, и в опасность не верят. Я тоже не до конца, своими глазами не видел, но у ребят нет причин врать, с другой стороны, согласен, что после взрыва бежать некуда, и есть, наверное, еще время.

Машу успокаивает Герман. Она во всем винит Кристину, как всегда, но думает только о себе. Егор испортился, бедная она, бедная.

Испортился. Он же не электрический чайник.

Мимоходом хватаю за уши очередного поросенка и срываю голову.

— Александр! — возмущается Денис. — Я думал, мы договорились.

— Договорились, — сажусь за стол в бальном зале. Кладу перед собой фотоаппарат. — Денис, ты ни на секунду мысли не допускаешь, что твой официант взрыв готовит?

— Он больше твой, чем мой, — Денис забирает поднос с напитками и ставит на стол. — По протекции Антона его устроил. Чтобы я еще раз людей с улицы брал... Нет, нет.

Отпиваю сок.

Мне вяжут руки, этот поехавший на репутации курорта управляющий, чуть что обещает созвать охрану и закрыть меня до конца отпуска в моем люксе. Просто какой-то цирк. Утреннюю стычку гости до сих пор полощут, но про тротил никто не слышал пока, это прекрасно, ибо такая паника поперет, что держись.

И тут замечаю Антона.

С озабоченным лицом заруливает в зал.

Плюю на угрозы Дениса, резко встаю и хватаю его за шиворот, с силой бью лицом в стол, звенит разбитая посуда, я прижимаю его шею и наклоняюсь к уху:

— Где твой урод спрячется?

— Александр! — срывает голос управляющий. — Если ты его не отпустишь, то я...

Я отпускаю, потому, что Антон размахивает руками и твердит:

— Скажу, скажу, отпусти, Сань, я и так к тебе шел.

Поднимаю его за шкуру. Он опять держится за нос, вся повязка в крови.

Бросают свои дела поросята, Денис упирает руки в боки и щурится с укором, типа ты же обещал, хочешь под замок, Александр?

— Пойду за охраной, — предупреждает.

— Все нормально, оступился, ох, скользкий пол у вас, — заверяет ему вслед Антон. Делает шаг ко мне и шепчет. — Тогда весной я только хотел тебя устранить, у меня хорошая сделка намечалась, а ты бы не полез в криминал. То, что тебя едва не прикончили, я не знал.

— Короче, — обрываю.

— Этот парень официант — не профи, — Антон смотрит в спину Дениса. Торопливо продолжает. — Он первый раз на дело пошел. Сначала за тобой следил, потом я понял, что Егор в банде и он уже за ними ездил. Мне надо было узнать, где они драгоценности прячут и деньги. Я в долгах, несколько неудачных операций провернул. Если не расплачусь, меня убьют, — выдыхает.

Он плюхается на место управляющего. Берет салфетку и промокает нос. Бросает обратно на стол.

— Деньги мы не нашли, вы мотались туда-сюда, полицию в клуб вызывали и шутили про бомбу, короче, какой-то дурдом. Тогда я решил Винни-Пуха подставить. Тут собрались одни богачи, — он смотрит по сторонам, понижает голос. — Праздник, навешали на себя драгоценностей, как на елку. Я просто думал все побрякушки снять и свалить на банду. Вы были здесь, твоя фамилия в ограблениях маячит, идеально. Взрыв всерьез не планировался, только припугнуть. Но пошел снег, мы здесь застряли. Ограбление накрылось. Значит, и денег не будет. Я бы не стал так рисковать, но у меня бабла нет долг отдать, меня застрелят, Сань, — помолчав, добавляет. — А Патрик запсиховал. Бойтся, что его повяжут. Грозит все взорвать, спятил, в тюрьму не пойдет, подключил телефон к толовым шашкам и трубкой размахивает, нажмет — и все взлетим на воздух. Надо с ним что-то делать.

Антон не может справиться со своим сумасшедшим головорезом и тот грозит отправить на тот свет несколько сотен человек, ибо заигрался и страшно ему, нда, нет слов.

Неотрывно смотрю на разбитую посуду.

Ручейки сока из яблоков фуджи плывут по тефлоновой скатерти. Осколки чешского хрустала раскиданы вперемешку с мокрыми чайными листьями. Цепочка из засохших капелек крови с молочно-белой с черными вкраплениями спинки театрального стула, словно рота клопов-пожарников, тянется вниз.

Завораживает, в голове туман.

— И много ты должен? — спрашиваю после паузы.

— Много.

— Сколько?

— Сколько твой Егор наворовал хватит. При чем тут это? Что с Патриком решаем?

— Пап! — на меня напрыгивает Пятачок. — Чего у вас так спокойно, не нашли? Я туда-сюда мотаюсь, всё тихо, в чем дело?

— Вас выпустили? Где Кристина?

— Я вылез, они еще в номере.

— Бери всех, и маму, и идите на трассу кататься, — двигаю стул.

— Кататься? — переспрашивает Егор. — Ага. Почему ты полицию не вызвал?

— Егор, про бомбу никому говорить нельзя, в полицию тоже нельзя звонить. Они перенаберут Денису и тот взбесится, начнут по-новой рыскать.

А официанту чеку сорвет, и до свидания.

Вслух этого не говорю, чтобы сына не кошмарить, но все же дико не по себе.

— И что делать? — глухо спрашивает из-под костюма.

— Бери друзей, маму и лыжи. А мы с Антоном с ним разберемся, все будет хорошо, он дурачок, не переживай. Обещай, что Кристину уведешь.

Он молчит, я нервничаю.

— Егор, — зову. — Ты понял? Не вздумайте лезть в это.

Он не отвечает, разворачивается и ныряет в коридор. Срываюсь за ним, но меня за рукав останавливает Антон.

— Некогда в догонялки играть. Вон он идет, — показывает на двери зимнего сада и выходящего оттуда официанта.

16.20, Кристина

В двери ворочается ключ. Заходит Егор с подносом, заставленным тарелками и охапкой розовых костюмов подмышкой.

— Сказал, что узников кормить пошел. Одевайтесь, — он сбрасывает прикиды свиньи на кровать. — Видел отца, он уверяет, что нам надо на трассы валить. Некоторые катаются, кстати.

Влезаю в розовый комбинезон и слушаю, как они спорят. Егор пересказывает, что узнал, а я хочу убедиться, что с Авериным все в порядке, и думать больше ни о чем не могу.

Не дожидаясь, выскальзываю из номера. Тороплюсь по коридору на первый этаж, одноклассники догоняют меня на балконе.

— Куда рванула? — вырастает на пути Ваня. — Мы решили. Вы с Николь находите маму Егора и забираете ее кататься. А мы с Егором останемся.

— Да щас, — хмыкаю. И мысли такой нет, что вот он будет здесь, а я в горах, и я не дай боже услышу взрыв. У меня же на месте сердце разорвется, как эта усадьба. — Я никуда не уйду.

— Папа требовал пообещать, что я тебя уведу, — влезает Егор. — Так что уматывай отсюда и не выпендривайся.

— Уматывай сам! — отталкиваю его.

— Хочешь, чтобы тебя по кускам собирали?

— Плевать.

— Тише, — шикает Николь. — Вы внимание привлекаете.

Четыре Пятачка на площадке, орут друг на друга — глупое зрелище. Над нами хихикают, мимо проходит еще один поросенок и советует быстренько метнуться на кухню,

если заметят, что не работаем и прохлаждаемся — оштрафуют.

Николь хватает оставленную кем-то тележку, идет к пандусу. Оборачивается:

— Ну? Не маячьте.

— Ты хочешь в горы? — пристраиваюсь рядом. — Может, спустимся хотя бы в мастерскую? Там уже искали, вдруг Патрик туда чемоданы притащил?

— И что дальше? Ты сапер? Я сапер? Кристин, мы бессильны, не соображаешь? Алекс твой прав, они разберутся.

— Так, ну и чего гуляем? — гремит внизу недовольный голос Дениса. — Вчетвером одну тележку катят, совсем упыхались, да?! Работы, как у дурня фантиков, а ну-ка марш за мной!

17.00, Александр

— Вот эти пышные — нарциссы-тацетты. Сливочно-белые, приятный цвет? Вот эти темно-розовые — лилии-фудзияма. Вон в тех ящиках фрезии — смотрите, какие цветки длинные. И лепестки остроконечные, красивые.

Официант, видимо, доморощенный цветовод. Битый час треплется о траве в зимнем саду.

Он держит дистанцию и не выпускает из рук трубку. Антон, вроде как, помощник мой, но я ему не верю, а бросаться на этого Патрика и выдирать телефон — рисковую, доли секунды важны, ему лишь одну кнопку нажать и всей веселой компанией двинем к праотцам. Плюс я под охраной, начну буянить, как выражается Денис, и усё.

Управляющий уже спрашивал: не пробовали обратиться к наркологу? Сейчас что угодно лечится, Александр. И сотрудников своих на прием захватите, это ж ненормально, в таком раннем возрасте такая беда с головой.

— К чему ликбез? — останавливаюсь возле огромного аквариума, разделяющего сад. — Говори, что нужно.

— Малость. Вытащите меня отсюда, и все останутся живы-здоровы.

— Как? — усмехаюсь. — На спине тебя унести?

— Это ваша проблема, как.

Смотрю в его бледное лицо. Глаза блестят, губы плотно сжаты. Рука, сжимающая сотовый, мелко дрожит. Он указывает на пластмассовый серый горшок с выставленными в круговую черными римскими цифрами от одного до десяти.

— Это маранта, — говорит — По-другому- десять заповедей. Видите, — показывает на овальные листья. Ровные и зеленые, на них ярко выделяется десять светлых пятнышек. — По фен-шуй это растение помогает людям найти смысл жизни. Постойте тут, поищите. Поможет быстрее размышлять.

— У меня есть смысл жизни, — отрезаю. — Но просто так и в кратчайшие сроки никто не кинется чистить дорогу, я звонил в поселок, и они...

— Бал-бла, — перебивает. — Александр, время идет. Даю пять минут.

Пять минут. Совсем спятил. Ему бы волшебник на голубом вертолете помог. А я бы кино показал бесплатно. Ужасик. Он бы на всю жизнь запомнил.

Смотрю на цветок. На Антона. На Патрика.

Егор с Кристиной в горах? Надеюсь, что да.

Чокнутый официант, здесь же куча народу.

Жую губу. Выбора не остается, обреченно вздыхаю.

— Мне надо позвонить в полицию, — говорю. — Тогда дорогу расчистят.

— Да ладно, — он хмыкает.

— Про бомбу и про тебя ничего не скажу, — киваю на горшок с марантой. — Тут дорогие мне люди, и я с ними прощаться не собираюсь. Ты хочешь выбраться, я хочу того же, ковра-самолета у нас нет, мне надо позвонить.

Он чешет голову. Ведет подбородком. Вертит телефон:

— Одну кнопку нажать и бум, помнишь?

— Бум-чикабум, — разряжает обстановку Антон.

— Ты бы заткнулся, Антош, — откликается Патрик.

Он всех раздражает, поразительно.

Набираю номер. Дождавшись ответа диспетчера, говорю:

— Полиция? В клубе "Want you" на Комсомольской площади скрывается банда Винни-Пуха. Краденные деньги и драгоценности в доме культуры напротив, на втором этаже, в кабинете для собраний анонимных алкоголиков, за шкафом. Шестой член банды прячется на горнолыжном курорте в усадьбе "Сказочно", преступник вооружен. Свяжитесь с местным отделением в поселке, на дороге снежные завалы, без спецтехники не проехать.

20.00, Кристина

Кошмар, как мы вляпались. Два охранника надзирают за работниками на кухне и не дают выйти, цейтнот, опаздывают с готовкой. Если устроим скандал, с нас сорвут маски, увидят, что мы не официанты, и снова запрут. Поэтому мы три часа подряд моем жирную посуду и задыхаемся от жары. Зато губка не нужна, прям лапой тру тарелки.

Орут радио и ди-джей, Новый Год, Новый Год, все дела, я мучительно рассуждаю, доживем мы или нет, и что там творится, за пределами этой адовой кухни.

Шмыгаю в туалет и натыкаюсь на плачущую Николь. Костюм спущен на пояс, она плещет в лицо воду и хлопает носом.

— Николь, все хорошо будет, — весело сообщаю.

— Мне всего девятнадцать, — говорит, выключив воду. — Я еще и не влюблялась ни разу. Тебе везет, — смотрит на меня в зеркало. — Переживаешь за своего Алекса и некогда бояться за себя.

— Это везение по-твоему? — плюхаюсь на унитаз. Выпускаю из-под мягкой поросычьей головы мокрый от пота конский хвост.

— Ты не раскисаешь. А я клякса уже. Пара минут, и упаду там у раковины. Помру в груди сковородок. Или не сдержусь и заору на всю кухню. Что нас всех взорвут скоро. Пусть им тоже страшно станет. Не могу терпеть. Слышала, о чем они болтают?

— Доплатят ли за аврал. И до сколько завтра можно поспать.

— Вот. Полная чушь.

— Скажи охраннику, что тебе плохо и нужно сходить за таблетками, — советую. — А сама беги на улицу к вагончику.

— А вы? — она трясет слипшимися волосами. — Мы все вместе в эту дурь с расследованием ввязались. И выбираться вместе надо. Или ты бы меня бросила?

Тоже трясу волосами.

Дальше торчим на кухне. Спустя тонну кастрюль меня дергает Николь. Громко шепчет:

— Охранников нет! Где наши?

И наших нет.

Вылетаем в коридор. Дверь черного хода нараспашку, холодный ветер мокрую одежду продирает до костей.

— Они без нас сбежали? — поражается Николь, подпрыгивая рядом.

Выскакиваем на улицу. От дверей мимо мусорных баков по сугробам тянутся следы. Тонем в снегу и, переваливаясь, спешим к двум фигурам Пятачков, медленно скрывающимся из круга света. Значит, недавно вышли. А почему нас не позвали?

Они еле-еле тащатся, мы нагоняем.

— Мусор выносите? — шурюсь на два больших темно-синих пакета, которые те несут в вытянутых руках. — Какого черта? Вы... — вглядываюсь в их несмелые движения, слышу, как они пыхтят от напряжения и меня продирает мороз. — Там что? Не мусор?

— Валите нахрен отсюда, — шипит Егор.

— Чемоданы в мастерской были? — доходит до Николь. — Этот дрянной Патрик там же, за пеногенератором их оставил?

Они не отвечают, осторожно и упорно продираются сквозь снег вперед.

Невероятная наглость, официант настолько убежден, что нас в усадьбе считают отбитыми торчками и не слушают, он притащил обратно свои гребанные шашки и не парится, а вот если бы среди нас действительно был сапер...

— Погодите, — хриплю. — Вы рехнулись? Это нельзя трогать.

— Уже тронули, — огрызается Ваня. — Не взорвется пока телефон не зазвонит. И если не трясти. Вам сказали — валите нахрен.

— Оставьте в снегу, вы куда, не надо, — жалобно просит Николь. — Мамочки.

— Пошлите в усадьбу, позовем охрану, — трясусь на пару с ней.

Они молчат, идут дальше, мы отстаем, но премся за ними. Из меня так себе мачеха, особенно после всего, что было и указывать Егору не могу, но с нами тут гуляет старуха с косой. Я очень люблю одного человека, а его сын в шаге от небес, и у меня не хватает духу развернуться и свинтить, хотя идти за ним то еще безумие.

Как черепахи ползем. От усадьбы не отделились почти, а они уже едва не падают, и если уронят мешки, то все зря, настраиваюсь подстраховать, хотя не верю, что силы найду помочь, но они тащат эти жуткие чемоданы, и я воспитываю в себе хладнокровие, поворачивать поздно, не взорвалось и не взорвется, переживем.

23.30, Александр

Их нигде нет, и никто их не видел. Уверяю себя, что послушались и сбежали подальше.

Гремит посуда и трещит башка, в бальном зале оркестр наяривает арию из "Риголетто", мы с Кристиной недавно смотрели этот фильм, и она замочила слезами несколько бумажных полотенец, моя маленькая, где она.

Заглядываю на кухню и неожиданно натыкаюсь на Машу. Стоит над душой у официанта и учит его раскладывать закуски.

— Ты почему здесь? — тащу ее за локоть в коридор. Мимо моей личной охраны, ближе к черному ходу. — Егор к тебе не подходил?

— Нет, — она вырывается. Покачивается на каблуках. — Зато Денис подходил. Орал, что ты горишь его бизнес. Саша, это правда? Наш сын бандит? И сейчас чистят дороги,

чтобы его забрать? И сдал его ты? Как ты мог? Я этого больше не вынесу, — она дышит на меня вином. — Про Патрика тоже, значит, правда? А ты молчишь, что у нас тут террорист?

Молчу. Я и на Винни-Пуха настучал, чтобы струхнувший псих-официант кнопку не нажимал, чтобы расчистили дорогу, он смотался и никто не пострадал.

— Вот знай — я все сделала! — с торжеством припечатывает Маша.

— Что ты сделала?

— Так! — орет выпрыгнувший в коридор Денис. — Какой долбанутый позвонил в полицию и наврал про бомбу?! Александр, где твои дебилы сотрудники?! Их нет в номере! Плохо мне, плохо, это конец... — он задыхается и сползает по стенке. — Уже по усадьбе полезли слухи... Народ шугается официантов... Я погорел... Охрана... побейте его, — тычет в меня пальцем.

Он брызжет слюной и обвиняет меня в доносе про тротиловые шашки. Но это не я.

Смотрю на Машу, она криво улыбается.

Какая же она дура, о боже.

Сколько у нас времени, пока Патрик не услышал, что за ним полиция едет, а Денисовские солдафоны не начали отбирать у него взрыватель? Пять минут, две минуты, минута?

Охранники идут на меня, у них дубинки. Нырряю на улицу через служебный выход и хлопаю железной дверью, сую метлу в ручку.

— Эй, вы это зачем? — голосят позади.

Оборачиваюсь.

Поросенок вынес мусор и спустив костюм, курит у бачков. Ежится и сплевывает:

— Мне теперь в обход переться? И так весь вымок. С утра самого на ногах. А некоторые гулять пошли.

Сigaretой указывает на цепочку следов, тянущуюся по снегу.

— Натуральные свиньи, — жалуется. — Час назад умотали, если не раньше. А мы работай. Так еще говорят: не подходи, у нас бомба. Нормально так шутить? Последний раз я в этом жутком санатории...

Уже не слушаю. Тону в сугробах, бегу. К ней, к нему. Сумасшедшие. Мой смысл жизни на кончике красного провода, и на часах нули, сердце прожгли, я ищу их вдали, трясет, если не успею, то умру.

Не успел.

Вместо салюта раздается оглушительное бах-бабах.

Охрана до Патрика добрались.

Далеко впереди клубы сизого дыма столбами растут в небо и искры хлещут, в усадьбе звенят стекла, орут люди, меня отбрасывает. Встаю, проваливаюсь, ползу, вглядываюсь в черноту ночи, до слез напрягаю глаза, только бы их не задело, все, что есть — отдам.

Наконец, вижу.

Четыре Пятачка, шатаются, друг за друга держатся, пробираются по снегу ко мне.

00.15, Кристина

Вдалеке воеет сирена. Взрыв был не в усадьбе, но отдыхающие высыпали на улицу и их внутрь не загнать. А, может, загнать, у полиции на глазах не полезут ведь пьяными за руль, чтобы убраться отсюда подальше.

Мой розовый костюм в грязи, но Алекс крепко прижимает к своему дорожному пиджаку, не дает и на шаг отойти.

Жду, скорей бы наручники повесили на этого болезного Патрика. Наверное, к нему вопросы будут, почему за несколько километров от санатория взрыв, но какая разница. Мы не скажем, что сами чемоданы утащили, за такое по шапке надают.

Зато Денис извинился. Хотя это неважно тоже, я не слушала, вообще, не до него.

Долгожданная полиция забирает Патрика.

И Егора.

Алекс отпускает меня и торопливо, на повторе, твердит сыну:

— Ни в чем не признавайся, я тебя вытащу, понял, только не признавайся.

Николь наклоняет голову мне на плечо. Шмыгает:

— Егор вовсе не самовлюбленный мажор. Не трус. Не дурак. Не хочу, чтобы его посадили.

И я не хочу, там в снегах нашла лучших друзей, и Егор в их числе.

И Мария не хочет. Бьется в истерике и нападает на Алекса. Ее оттаскивают люди в форме, на беседу ведут. Говорят, что мы следующие.

Вздыхаю. Сколько еще с нами разбираться будут.

Алекс оборачивается, привлекает к себе, говорит на ухо:

— Малыш, немножко потерпи, хорошо? Щас они отстанут и поедem домой, всё кончилось.

На столе беспорядок, и в бумагах, и в ящиках, Антон неряха, запустил кабинет. Долго еще не увидимся с ним, лет десять минимум, до свидания, до свидания, пока — швыряю в мусорку его вещички.

Откликаюсь на стук в дверь:

— Открыто!

Первым заходит какой-то карапуз. Мелкий пацан в брючках и светлой рубашке с короткими рукавами. Деловой, аж невозможно. Нос задрал, так знакомо, так Кристину напоминает.

Кристина следом, держит его за руку, подмышкой зажимает синюю курточку.

— Не занят? Мы в гости, — весело улыбается. — Оп, иди сюда, — поднимает ребенка и подходит ближе.

Ах, да. К ней родители приехали, откладывать дальше сие известие некуда, я волнуюсь и готовлюсь. У мамы ее сын маленький. Брат Кристины, получается. Он на руках у нее, развалился по-свойски и на меня щурится.

— Это малыш номер два? — встаю из-за стола, выхожу к ним.

— Нет, это Кирилл, — она тянется ко мне, целует в щеку. — Малыш номер два, возможно, будет потом. Когда ты спросишь с оркестром под окнами, — намекает, что пора ей предложение делать. Ждет реакции. Я молчу. Она недовольно хмыкает. Продолжает. — Родители с тобой увидятся хотят. И поговорить. Я решила, что тебе нужен союзник. Вот, — смотрит на брата. — Если ты ему щас понравишься, с мамой и папой будет проще подружиться, — выкладывает стратегию.

Тоже смотрю на Кирилла. Волосы светлые, в модной стрижке, торчком стоят. Наверняка потемнеют с возрастом, и как у Кристины станут. И глаза как у нее, конфетки. Вообще, на нее похож. Только надутый. Хмурит бровки и пялится на меня, маленький мужчина, оценивает выбор сестры.

— На, — Кристина вытягивает руки.

Торопливо и неловко перехватываю Кирилла. Тяжеленький. Вблизи щеки еще больше. Пухлые губы блестят, носик-кнопочка. Кристина поправляет ботинки, чтобы не марал мне рубашку и говорит что-то, а я люблюсь, словно картиной, она будто юная мама, от того еще красивее, невероятная, прекрасная, моя.

— Ты не думала после второго курса на заочный перевестись? — выдаю. Не надо давить, но у меня столько планов, разрывают.

— Думала, — кивает. — Если работать в издательстве у тебя, то это ведь реальный опыт, с заочкой сложностей не будет, мне лишь диплом надо. Но Александр, — выставляет указательный палец. — Отправлять меня носить кофе и проверять бумагу в туалете — это не то, на что я рассчитываю. Согласны?

Кирилл тычет кулаком в сторону стола, привлекая ее внимание, она послушно ведет взглядом и замечает поверх папок киндер-сюрприз.

Блин.

Быстро ставлю ребенка на пол и смахиваю шоколадное яйцо в открытую сумку-дипломат. Развожу ладони в стороны — типа никто ничего не видел. Роюсь в подставке с

ручками, ищу альтернативу, чем можно их занять.

Кристина удивленно следит за моими действиями. Ее брат выпячивает нижнюю губу и, кажется, готовится зареветь.

— Тебе жаль угостить? — она недоверчиво косится на меня.

Все утро мучился с этим яйцом. Аккуратно снять фольгу, ножом разбить по шву шоколад, подменить игрушку в желтом футлярчике, склеить шоколад и запечатать обратно, чтобы незаметно было — сложно, я заморочился. Там в киндере мой вопрос лежит, платиновый, на безымянный палец, в форме закрученного пера — для моего неугомонного журналиста. Но я рассчитывал вечером узнать, согласна она или нет. До конца дней со мной рядом быть. Еще рано.

Ребенок недоволен. Вытягивает шею и просит ее ням-ням. Кристина дублирует просьбу:

— Дай.

Я медлю.

Она наклоняет голову набок:

— Саш, ты что, киндер зажал? Ты его кому купил? Не мне?

Соображаю, как сюрприз отложить. Позвал на ужин родителей и надеялся семьями встретиться, познакомиться, а до того целую полосу препятствий организовал, чтобы до яйца не сразу добралась. Она ведь любит расследовать. Для нее старался. Но под ее подозрительным взглядом вздыхаю, достаю из сумки киндер:

— Тебе купил.

— Вот мы его вдвоем и съедим, — она берет яйцо. Распечатывает фольгу, ломает шоколадку на две половинки и делится с Кириллом. Смотрит, как он, довольный, ест. Сама задумчиво жуется. — Тебе не хватило, — сообщает. В голосе обида, думает, я ее карапузу шоколада пожадничал.

Карапуз вертит и трясет оставшийся пластмассовый желток.

— Кристин, — в кабинет сует голову секретарша. — Тебя в конференц-зале юрист ждет.

— Зачем? — Кристина морщит лоб, лезет в рюкзак и достает упаковку салфеток.

— Не знаю, — та жмет плечами.

Хочу остановить, чтобы не уходила, я еще сюрприз не забрал, но отрываюсь на звонок телефона.

— Ладно, мы узнаем и вернемся, — они с Кириллом идут к выходу.

— Игрушку из яйца будете смотреть? — кричу вслед.

— Да. Потом, — говорит, не оборачиваясь.

Кирилл уносит в кулаке футлярчик. Надеюсь, что открыть не сможет.

Прижимаю трубку к уху и слушаю адвоката.

Вчера переписал на кредиторов Антона ночной клуб. Его долг закрыт, и теперь Антон должен мне. Он уже отработывает — рассказывает в полиции, как подстрекал сотрудников клуба к ограблениям. В том, что Винни-Пух не Егор, а тридцатипятилетний бывший директор издательства — следователь сомневается, слишком запутано всё.

Но Антон сам признал вину, а остальные подтвердили. Адвокат убедил шайку, что им так меньше дадут. Если все на Антона валить. А у него вариантов не было, или его в суп капустный покрошат серьезные дядьки в черных очках, или я с ними разбираюсь, а Антон Егора отмазывает. Так что жду сына, скоро отпустят.

Выслушав новости, забираю пиджак и иду к конференц-залу. Осторожно заглядываю в

помещение.

За столом мой юрист, Кристина рядом, спиной ко мне. Кирилл на диване в углу, рядом валяются влажные салфетки. Испачканными в шоколаде пальцами он теребит желток.

Так, ну, не открыл. Пальцы-то жирные. Липкие. Сладкая. Надо просто тихонько забрать. То есть пообещать выгодную сделку. Он мне одно, а я ему сколько хочет таких шоколадок. А, вот, он уже сам положил. Сползает с дивана, к сестре собирается.

Может, забудет.

Жду, когда ребенок отвернется, и крадусь к нему.

Мою руку отделяют миллиметры, и тут Кирилл оборачивается за игрушкой. Видит мою скрюченную застывшую позу и хлопает длинными светлыми ресницами. Глазастенький, на пол лица красота.

— Кирилл, — шепчу. Заговорщицки подмигиваю. — Щас поедem в магазин и купим тебе большую коробку таких яиц. А это я себе возьму. По рукам? — забираю футляр.

Не по рукам.

Похоже, я ему не нравлюсь. Большой и волосатый, краду игрушки.

Он провожает желтую пластмасску хмурым взглядом, отмахивается от моих обещаний и поднимает рёв.

Нда, что ж за сложный паренек, выгоды своей не видит.

Хотя, если сравнить стоимость содержимого этой коробочки и большой коробки киндеров — Кирилл явно знает толк в сделках, его вокруг пальца не обвести, смысленная кроха, в сестру.

— Саша... — поражается Кристина. Торопится из-за стола к нам. — Тебе не стыдно? Ты зачем его обижаешь? — садится перед Кириллом на корточки.

Он на своем детском языке жалуется на меня. Кристина внимательно слушает разобиженный лепет. Согласно кивает. Не поднимая головы, тянет ладонь и просит:

— Игрушку верни.

Кирилл выжидающе смотрит на мою руку. Слезы высохли, скромно стоит, прислонившись к сестре и выкручивает пуговицу на ее кофточке.

— Саш! — требовательно зовет она.

По живому режут, шоколадная семейка, сопротивляться не могу, вкладываю киндер в ладошку.

Отменяется сюрприз.

— Я просила подружиться, — она встает на ноги. — Ты чего добиваешься? Вообще, с родителями моими будешь знакомиться?

— Конечно буду, — заверяю.

— Тогда пусть Кирилл играет. Он ведь тебе не мешал, — она вздрагивает, когда юрист, выскользнув в коридор, громко хлопает дверью. Кристина трет лоб, возвращается к длинному столу, забирает серую папку и показывает мне. — А знаешь, что он мне сказал? Так, щас, — она листает файлы.

Опускаю глаза вниз.

Там Кирилл как раз с трудом справляется с футляром. Пластмасса щелкает, перстенёк выскакивает, словить не успеваю, он закатывается под диван. Наклоняюсь, не вижу, вслепую щупаю паркет. Кирилл ползет под моей рукой и растопыривает толстенькие пальцы. Радостно хватает блестяшку. Я тихонько тяну к себе, он грозно хмурит светлые брови.

Открывает рот.

Нет, хватит орать.

Мысленно выругавшись, оставляю ребенка в покое. Это, в конце концов, смешно уже.

— Вот здесь, — Кристина шлепает по файлу. — Семь процентов акций на мое имя записаны, а юрист...

— Сама отказалась кофе носить, — привлекаю ее к себе. — У меня место директора освободилось, ты работать рвешься, идеально, — ловлю её испуганный взгляд и смеюсь. — Я теперь здесь постоянно, всему научу. Ты послушай, как звучит: директор издательства — Кристина... — едва не ляпаю Аверина, но кусаю язык. Наклоняюсь и целую, лучше заткнуться. Теряюсь, что делать — не знаю, Кирилл мне планы спутал.

Отрываюсь от нее и смотрю на ребенка. Кольцо куда-то задевал. Развлекается с упаковкой салфеток. Бедный малыш, бросили в скучном офисе и решают свои делишки.

— Я думала мы ненадолго, тебя заберем и гулять, — виновато говорит Кристина. — Оставили в машине все. Там у него щенячий патруль и азбукварики. Родной, щас поедем, — поднимает его на руки. — Так ты с нами? — оборачивается ко мне.

— Да-да, вы спускайтесь, я через две минуты приду, — помогаю им одеться и выпроваживаю.

Звоню в студию и отменяю квест. К лучшему. Кристине после этой истории с Винни-Пухом чего-то спокойного, наверное, хочется.

Приглашаю их в зоопарк. Кристина за рулем, сажусь на заднем сиденье с Кириллом, он в детском кресле. У него есть вертолет, ракета и патрульные собаки, но он достает из кармана колечко и зажимает в кулаке. С коробкой киндеров не прокатило, Кристина не разрешила больше шоколада. Братец ее неприступен, украшение отдавать не собирается.

Ослабляю галстук и смотрю в окно.

Праздники еще не прошли, народ на улицах веселый. Скоро стемнеет и надо встречать родителей на вокзале. В Кристине я не сомневаюсь, она прелесть и понравится моим, а вот с Абрамовыми старшими встреча не шибко радует, не люблю такое, я и с Машинными-то родителями толком знаком не был, за двадцать лет несколько раз видел. Но тут мне нужно убедить людей, что за свою красотку могут не переживать и довериться мне, я все сделаю для нее. У меня есть прогресс, не курю, не принимаю таблетки и не пью ром, и хотя бы полгода хорошо бы почиститься, готовлюсь к таким, как Кирилл, но только нашим с Кристиной, очень хочу.

В зоопарке ходим по теплым павильонам и внутренним вольерам, на улицу высовываемся ненадолго, одним глазком глянуть на белых мишек, морских котиков и тюленей, а то Кирилл замерзнет. Таскаю его сам, и то ли ему так любопытно от обстановки, что меня не боится, то ли лед тронулся, но выбора-то у него все равно нет, я его сестру никуда не отпущу, пусть привыкает, холодный носик. Мягкие щечки.

Через час ему надоедает, и мы катим на вокзал.

Идем по залу ожидания, мимо лавочек и искусственных пальм, Кристина листает сообщения в телефоне и бурчит:

— Николь вся извелась. Когда Егора отпустят?

— Завтра должны. Антон все признал.

— Отлично, — она печатает ответ. Просит. — Не смейся больше над ее фамилией, она будет подписываться в редакции, как Николь Беркут.

— Ладно, — лениво соглашаюсь. Мне честно не смешно. Хорошая она девчонка. И Ваня Хромов парень, что надо, у Егора крепкие друзья, на которых положиться можно, у меня,

оказывается, не было таких, и за сына мне, по-отцовски, приятно.

— А январского журнала, кстати, нет еще? — Кристина стучит ногтем по экрану. — Я онлайн-версию не нашла.

— Онлайн с задержкой, печатная уже вышла.

— Хм, — она оглядывается по сторонам в поисках лотков с прессой. Замечает один у фонтанчика и шагает туда.

Веду Кирилла.

Вообще-то, ей этот журнал в подарок должны были дать, после квеста. Когда она все задания решит. Но не судьба. И вот она стоит перед стойкой с журналами и смотрит на обложку под прозрачной пленкой.

На красном фоне два снеговика. Один в шляпе цилиндре, другая с диадемой и фатой. Ниже приписка большими белыми буквами "Кристина, будь моей женой".

Она всматривается в журнал, я скрещиваю пальцы за спиной.

Долго убеждал худреда, что мое предложение не испортит нам продаж. Все всё поймут, Кристина рождена, чтобы я ее любил, это очевидно.

Она оборачивается, встречаемся взглядами. На ее лице цветет широкая улыбка, она смущается и прикрывается пушистой варежкой.

Так понимаю, что это — да. Счастье во всех оттенках в ее глазах.

— Кольцо у него, — с потрохами сдаю Кирилла. — Сама отбирай, — держу его за руку, другой рукой прижимаю ее к себе.

Я целую, она хихикает мне в рот, цепляется в мой воротник и виснет на мне. У меня сердце выскакивает, я в нокауте, штырит от радости, я ем свои сладости, любимая слабость моя, мы с тобою до старости, короче, всем пис.

Конец